

Безплатное приложенiе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

ЧЕРНАЯ СТРѢЛА

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ВОЙНЫ АЛОЙ И БѢЛОЙ РОЗЫ

THE BLACK ARROW

Переводъ А. П. Рѣпиной

Съ 8 иллюстраціями. Г. М. Пэджета.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

Предисловіе къ русскому переводу.

Романъ «Черная Стрѣла» переноситъ насъ въ обстановку той эпохи, когда послѣ неудавшейся попытки англичанъ пріобрѣсти первенство на континентѣ началась жестокая междоусобная распря, носящая въ исторіи поэтическое названіе «войны алой и бѣлой розы». Еще въ XIV вѣкѣ династія Плантагенетовъ раздѣлилась на двѣ вѣтви—іоркскую (избравшую своей эмблемой бѣлую розу) и ланкастерскую (красная роза). Постепенно обострявшееся соперничество этихъ линій перешло, наконецъ, въ борьбу за престолъ; Ричардъ, герцогъ Іоркскій, пользуясь государственными неурядицами и, съ другой стороны, надѣясь, что при слабоуміи короля Генриха VI (Ланкастера) ему нетрудно будетъ захватить власть въ свои руки, рѣшилъ, что настало время дѣйствовать. Собравъ вокругъ себя приверженцевъ бѣлой розы, онъ сразился съ королевскими войсками при Норттэмптонѣ и выигралъ битву. Послѣ этого ему ничего не стоило добиться, чтобы король призналъ его протекторомъ королевства и наслѣдникомъ престола. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшительная королева Маргарита разбила на голову войска герцога Іоркскаго при Векфильдѣ (1460). Герцогъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Но вскорѣ послѣ этого старшій его сынъ Эдуардъ собралъ войско при помощи графа Варвика и вступилъ въ Лондонъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Онъ тотчасъ провозгласилъ себя королемъ; однако, онъ вступилъ на шаткій престолъ: ланкастерская партія была сильна и многочисленна, и необходимо было какъ можно скорѣе дать ей отпоръ. При Тоутонѣ произошло

кровопролитнѣйшее сраженіе, окончившееся побѣдой Эдуарда IV. Низложенный Генрихъ VI бѣжалъ въ Шотландію, но былъ вскорѣ взятъ въ плѣнъ и заточенъ въ Тоуэрѣ. Попытки королевы Маргариты сохранить престолъ за своимъ малолѣтнимъ сыномъ были отбиты Варвикомъ, несмотря на то, что она получила поддержку изъ Шотландіи и Нормандіи. Графъ Варвикъ за свое вліяніе и за содѣйствіе при возведеніи Эдуарда IV на престолъ получилъ прозвище «дѣлателя королей». Заслуги Варвика не помѣшали, впрочемъ, Эдуарду IV поссориться съ нимъ и нажить въ немъ опаснаго врага, который пытался впослѣдствіи возвести снова на престолъ Генриха VI, но погибъ въ сраженіи при Тюксбери. Взятый въ плѣнъ сынъ Генриха VI былъ безъ долгихъ разговоровъ пронзенъ мечами нѣсколькихъ услужливыхъ лордовъ, а развѣнчанный король черезъ нѣкоторое время «внезапно умеръ» въ Тоуэрѣ.

Послѣ смерти Эдуарда IV (1483) корона перешла къ его тринадцатилѣтнему сыну, Эдуарду V, который, однако, продержался на престолѣ всего лишь нѣсколько недѣль. Его дядя, Ричардъ, герцогъ Глочестерскій, заключилъ юнаго короля и младшаго его брата въ Тоуэръ, а самъ провозгласилъ себя королемъ; вскорѣ послѣ этого оба принца были задушены во время сна. Жестокое и кровожадное правленіе Ричарда III создало ему множество враговъ въ народѣ и помогло ланкастерскому претенденту, Генриху Тюдору, получить корону, упавшую съ головы Ричарда, когда онъ былъ убитъ въ сраженіи при Босвортѣ. Эта битва (1485) положила конецъ войнѣ алой и бѣлой розы.

Романъ «Черная Стрѣла» является лишь частнымъ эпизодомъ событій, потрясавшихъ Англію въ началѣ тридцатилѣтней внутренней распри. Неестественность этой войны между гражданами одного и того же королевства мастерски подчеркнута тѣмъ, что герой романа Ричардъ Шельтонъ самъ долгое время не знаетъ, на чьей сторонѣ онъ сражается, и только впослѣдствіи, почти наугадъ, рѣшается примкнуть къ защитникамъ бѣлой розы. Въ концѣ концовъ, читатель радъ за Шельтона, видя, что онъ, умудренный безконечной сѣтью окружав-

шихъ его интригъ и преступленій, отказывается отъ столь опасной благосклонности коварнаго и жестокаго, хоть и отважнаго, герцога Глочестерскаго. Многія страницы романа вызываютъ тотъ необъяснимый ужасъ, тайной котораго такъ хорошо владѣлъ Стивенсонъ. Напримѣръ,—встрѣча въ лѣсу съ прокаженнымъ или ночь, проведенная Ричардомъ въ комнатѣ надъ часовней.

Въ посвященіи, обращенномъ къ одному изъ литературныхъ друзей (скрывавшемуся подъ псевдонимомъ «Критикъ за очагомъ»), Стивенсонъ говоритъ объ «опредѣленномъ кругѣ читателей», осудившемъ «Островъ Сокровищъ», но восторгавшемся «Черной Стрѣлой». «Островъ Сокровищъ» былъ напечатанъ въ журналѣ для юношества «Young Folks Paper», за подписью капитана Джорджа Нортса (псевдонимъ этотъ долженъ былъ внушить читателямъ, что повѣсть написана настоящимъ «морскимъ волкомъ»). Однако, огромный успѣхъ этого романа начался лишь послѣ того, какъ онъ былъ выпущенъ отдѣльнымъ изданіемъ; въ журналѣ для юношества, какъ это ни странно, онъ прошелъ почти незамѣченнымъ. Но когда, по предложенію редактора, Стивенсонъ написалъ «нѣчто въ стилѣ историческихъ повѣстей излюбленнаго юношествомъ Альфреда Филлипса», т. е.—«Черную Стрѣлу», то романъ этотъ, печатавшійся въ томъ же журналѣ съ іюня по октябрь 1883 г. (опять за подписью капитана Нортса), произвелъ среди молодыхъ читателей сенсацію и сразу привлекъ новыхъ подписчиковъ.

«КРИТИКЪ ЗА ОЧАГОМЪ».

Одному мнѣ извѣстно, что я выстрадалъ, и насколько выиграли мои книги, благодаря вашему неусыпному вниманію и поразительной настойчивости. Но вотъ передъ вами книга, которая вышла въ свѣтъ, не имѣя вашего imprimatur; странная вещь въ исторіи нашей дружбы, еще страннѣе—причина этого. Я съ любопытствомъ, съ досадой и, наконецъ, съ улыбкой слѣдилъ за вашими тщетными стараніями прочитать «Черную Стрѣлу»; и, мнѣ думается, я дѣйствительно заслужилъ бы упрекъ въ отсутствіи юмора, если бы упустилъ случай и не поставилъ вашего имени впереди единственной моей книги, которой вы не читали... и никогда не прочтете.

Но я все-таки надѣюсь на большее постоянство со стороны другихъ. Повѣсть была написана нѣсколько лѣтъ назадъ для опредѣленнаго круга читателей и (могу добавить)—въ соревнованіе съ извѣстнымъ авторомъ; мнѣ кажется, я поступлю правильно, назвавъ его: это м-ръ Альфредъ Р. Филлипсъ. Въ свое время она не осталась безъ награды. Разумѣется, не мнѣ было оспаривать у м-ра Филлипса его заслуженное первенство; но въ глазахъ тѣхъ самыхъ читателей, которые ни во что не ставили «Островъ Сокровищъ», «Черная Стрѣла» явилась значительнымъ шагомъ впередъ. Читатели отдѣльно изданныхъ книгъ и читатели журнальныхъ романовъ принадлежатъ къ двумъ различнымъ мірамъ. Въ другомъ судѣ «Острову Сокровищъ» былъ вынесенъ противоположный приговоръ. Хотѣлъ бы я знать, будетъ ли то же самое и съ его преемникомъ?

Р. Л. С.

Озеро Саранакъ,
8 апрѣля 1888 г.

ЧЕРНАЯ СТРѢЛА.

ПРОЛОГЪ.

ДЖОНЪ-МСТИТЕЛЬ.

Однажды, поздней весной, послѣ полудня, колоколъ на башнѣ Моотъ-Хауса, въ Тонсталлѣ прозвучалъ въ необычное время. Люди, работавшіе вблизи и вдали, въ лѣсу и на поляхъ вдоль рѣки, побросали свою работу и бросились по направленію звука колокола. Въ деревушкѣ Тонсталль собралась группа бѣдныхъ жителей, удивлявшихся этому призыву.

Въ тѣ времена — въ царствованіе стараго короля Генриха VI—деревушка Тонсталль имѣла такой же видъ, какой сохранила и до сихъ поръ. Десятка два неуклюжихъ домовъ, выстроенныхъ изъ толстаго дуба, было разбросано по длинной, зеленой долинѣ, подымавшейся отъ рѣки. Внизу дорога пересѣкала мостъ и, подымаясь по другую сторону рѣки, исчезала на опушкѣ лѣса, по пути къ Моотъ-Хаусу и, дальше, къ Холивудскому аббатству. На полдорогѣ къ деревушкѣ, среди тисовыхъ деревьевъ, стояла церковь. Повсюду—вблизи на склонахъ и вдали на горизонтѣ — виднѣлись лѣса зеленыхъ вязовъ и зеленѣющихъ дубовъ.

На холмѣ, у самаго моста, гдѣ стоялъ каменный крестъ, собралась небольшая группа людей — съ полдюжины женщинъ и высокій малый въ деревенской одеждѣ,—обсуждавшихъ вопросъ о томъ, что могъ означать неожиданно раздавшійся звукъ колокола. Полчаса тому назадъ по деревушкѣ проскакалъ го-

нецъ. Онъ выпилъ кружку эля, не рѣшившись сойти съ лошади, такъ какъ очень торопился. Онъ самъ не зналъ вѣстей, которыя везъ, такъ какъ у него были только запечатанныя письма отъ сэра Даніэля Брэклея къ сэру Оливеру Отсу, священнику, завѣдывавшему домомъ во время отсутствія хозяина.

Раздался конскій топотъ, и вскорѣ молодой мастеръ Ричардъ Шельтонъ, сирота, жившій у сэра Даніэля Брэклея, показался изъ-за края лѣса и проѣхалъ по мосту, по которому звонко застучали копыта его коня. Онъ-то уже навѣрно знаетъ въ чемъ дѣло,—и разговаривавшіе окликнули его, прося объясненій. Онъ охотно остановился. То былъ молодой человѣкъ, еще не достигшій восемнадцати лѣтъ, загорѣлый, съ сѣрыми глазами, въ курткѣ изъ оленьей кожи съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, въ зеленомъ беретѣ на головѣ и со стальнымъ арбалетомъ за спиной. Оказалось, что гонецъ привезъ важныя извѣстія. Предстояла битва. Сэръ Даніэль прислалъ сзывать всѣхъ, кто могъ стрѣлять изъ лука, или управляться съ алебардой, приказывая немедленно отправиться въ Кеттлей, грозя въ противномъ случаѣ сильнымъ гнѣвомъ; но Дикъ не зналъ, ни за кого они будутъ сражаться, ни гдѣ ожидается битва. Скоро придетъ самъ сэръ Оливеръ, а Беннетъ Хэтчъ вооружается, такъ какъ онъ поведетъ отрядъ.

— Это раззоръ для страны,—сказала одна изъ женщинъ:—когда бароны ведутъ войну, крестьянамъ приходится питаться кореньями.

— Нѣтъ,—сказалъ Дикъ,—всякій, кто пойдетъ, будетъ получать по шести пенсовъ въ день, а стрѣлки по двѣнадцати.

— Если останутся живы, — возразили женщины,—то хорошо; ну, а если умрутъ, тогда, что, мастеръ?

— Нѣтъ лучше смерти, какъ за своего законнаго господина,—сказалъ Дикъ.

— Онъ вовсе не мой законный господинъ,—сказалъ молодой парень.—Я былъ приверженцемъ Уэльсингемовъ, какъ и всѣ, что живутъ по Брайерлейской дорогѣ, вотъ ужъ два года. А теперь долженъ быть на сторонѣ Брэклея! Такъ повелѣлъ законъ! Неужели же это естественно? Тутъ у меня и сэръ Даніэль, и сэръ Оливеръ, который болѣе знакомъ съ закономъ, чѣмъ съ честностью,—а я считаю, что у меня нѣтъ другого законнаго господина, кромѣ бѣднаго короля Гарри Шестого, да благословитъ его

Господь, бѣднаго простака, не умѣющаго отличать своей правой руки отъ лѣвой!

— Ты злоязыченъ, другъ,—замѣтилъ Дикъ,—и сразу говоришь плохо и о своемъ добромъ хозяинѣ, и о его милости королѣ! Но король Гарри—хвала всѣмъ святымъ!—пришелъ въ себя и желаетъ, чтобы все устроилось мирно. Что же касается сэра Даніэля, то ты очень храбръ за его спиной! Но я не буду сплетникомъ... и довольно.

— Я не говорю ничего дурного о васъ, мастеръ Ричардъ,—возразилъ крестьянинъ.—Вы еще мальчикъ, а вотъ когда выростете, то и очутитесь съ пустымъ кошелькомъ. Больше ничего не скажу; святые да помогутъ сосѣдямъ сэра Даніэля, а Пресвятая Дѣва тѣмъ, кого онъ опекаетъ.

— Клипсби,—сказалъ Ричардъ,—я по чести не долженъ слушать того, что вы говорите. Сэръ Даніэль—мой добрый господинъ и мой опекунъ.

— Ну, отгадайте мнѣ одну загадку,—возразилъ Клипсби.—На чьей сторонѣ сэръ Даніэль?

— Не знаю,—проговорилъ Дикъ, слегка краснѣя, потому что его опекунъ постоянно въ это смутное время переходилъ съ одной стороны на другую, и каждая перемѣна сопровождалась увеличеніемъ его состоянія.

— Ага!—возразилъ Клипсби.—Этого не знаете ни вы, ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ. Потому что онъ изъ тѣхъ, что ложится спать приверженцемъ Ланкастерскаго дома, а встаетъ защитникомъ Іорка.

Какъ разъ въ это время на мосту раздались звуки желѣзныхъ подковъ; всѣ обернулись и увидѣли Беннета Хэтча, который галопомъ приближался къ нимъ. То былъ смуглый человѣкъ съ сѣдиной въ волосахъ, съ тяжелой рукой и суровымъ лицомъ, вооруженный копьемъ и мечомъ, въ стальномъ шлемѣ и кожанной курткѣ. Онъ былъ великій человѣкъ въ своей мѣстности; правая рука сэра Даніэля въ мирное и военное время; теперь, благодаря стараніямъ своего господина, онъ былъ назначенъ начальникомъ отряда изъ ста человѣкъ.

— Клипсби,—крикнулъ онъ,—отправляйся къ Моотъ-Хаусу и пошли туда же и остальныхъ лодырей. Боуеръ дастъ вамъ шлемы и кольчуги. Мы должны отправиться до захода солнца. Смотри же: сэръ Даніэль расправится съ тѣмъ, кто опоздаетъ

къ сбору. Смотри хорошенько! Я знаю, что ты негодный человѣкъ! Нансъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ одной изъ женщинъ,—что старикъ Аппльярдъ въ городѣ?

— Ручаюсь, что нѣтъ,—отвѣтила женщина,—навѣрное, въ полѣ.

Группа разсѣялась; Клипсби лѣниво побрелъ по мосту; Беннетъ и Шельтонъ поѣхали вмѣстѣ по дорогѣ черезъ селеніе и мимо церкви.

— Увидите стараго ворчуна,—сказалъ Беннетъ.—Онъ употребитъ на воркотню и восхваленіе Гарри Пятаго болѣе времени, чѣмъ нужно человѣку для того, чтобы подковать лошадь. И все потому только, что принималъ участіе въ французскихъ войнахъ!

Домъ, къ которому они направлялись, стоялъ въ концѣ селенія, среди кустовъ сирени; за нимъ съ трехъ сторонъ шли поля, доходившія до опушки лѣса.

Хэтчъ сошелъ съ лошади, бросилъ поводъ на изгородь и пошелъ по полю, вмѣстѣ съ Дикомъ, къ старому солдату, который, стоя по колѣна въ капустѣ, рылъ землю, напѣвая по временамъ надтреснутымъ голосомъ отрывки пѣсенъ. Вся одежда его была кожаная; только капюшонъ и пелерина были изъ черной байки и завязывались чѣмъ-то краснымъ; его лицо походило на скорлупу грецкаго орѣха какъ по цвѣту, такъ и по бороздамъ. Но старые сѣрые глаза были еще ясны, и зрѣніе не ослабло. Можетъ быть онъ былъ глухъ, можетъ быть считалъ недостойнымъ стараго стрѣлка, участвовавшаго въ битвѣ при Азинкурѣ, обращать вниманіе на такую помѣху, но ни тревожные звуки колокола, ни приближеніе Беннета и юноши, повидимому, не произвели на него никакого впечатлѣнія. Онъ продолжалъ упорно рыть землю и напѣвать слабымъ, дрожащимъ голосомъ:

«И если, о, леди, твоя будетъ милость,
Молю, пожалѣй обо мнѣ»...

— Никъ Аппльярдъ,—сказалъ Хэтчъ,—сэръ Оливеръ кланяется вамъ и проситъ васъ сейчасъ же притти въ Моотъ-Хаусъ, чтобы принять начальство надъ гарнизономъ.

Старикъ взглянулъ на пришедшихъ.

— Здорово, господа! — усмѣхаясь, проговорилъ онъ. — А куда же отправляется мастеръ Хэтчъ?

— Мастеръ Хэтчъ отправляется въ Кеттлей со всѣми, кого

мы только можемъ посадить на коня,—отвѣтилъ Беннетъ,—повидимому, тамъ ожидается битва, и милордъ нуждается въ подкрѣпленіи.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Аппльярдъ.—Ну, а сколько же человѣкъ оставляете вы мнѣ?

— Я оставляю вамъ шесть добрыхъ молодцевъ и сэра Оливера на придачу,—отвѣтилъ Хэтчъ.

— Такъ не удержать намъ позиціи,—сказалъ Аппльярдъ,—недостаточно людей. Нужно человѣкъ сорокъ.

— За этимъ-то мы и пришли къ тебѣ, старый ворчунъ,—отвѣтилъ Беннетъ.—Кто другой, кромѣ тебя, могъ бы сдѣлать что-нибудь въ такомъ домѣ и съ такимъ гарнизономъ?

— Ага! Когда жметъ гдѣ-нибудь, то вспоминаютъ и о старомъ сапогѣ,—замѣтилъ Никъ.—Никто изъ васъ не умѣетъ сидѣть на лошади, или управляться съ алебардой; а что касается стрѣльбы изъ лука—Святой Михаилъ! Если бы ожилъ старикъ Гарри Пятый, онъ всталъ бы передъ вами и спокойно позволилъ бы вамъ стрѣлять въ него по фартингу за выстрѣлъ.

— Ну, Никъ, найдутся еще и теперь люди, умѣющіе хорошо натянуть тетиву,—сказалъ Беннетъ.

— Хорошо натянуть тетиву!—вскрикнулъ Аппльярдъ.—Да! Но кто же умѣетъ хорошо стрѣлять? Тутъ нуженъ и глазъ, и голова на плечахъ. Ну что ты назовешь хорошимъ выстрѣломъ, Беннетъ Хэтчъ?

— Да вотъ тотъ, который попадетъ отсюда въ лѣсъ,—отвѣтилъ Беннетъ, оглядываясь вокругъ.

— Да, это довольно хорошій выстрѣлъ,—сказалъ старикъ, оборачиваясь, чтобы взглянуть черезъ плечо. Вдругъ онъ прикрылъ глаза рукой и уставился въ даль.

— На что это вы смотрите? — спросилъ, хихикая, Беннетъ.—Ужъ не видите ли Гарри Пятаго?

Ветеранъ молча продолжалъ смотрѣть на холмъ. Лучи солнца ярко освѣщали луга на его склонѣ; нѣсколько бѣлыхъ овецъ щипали траву; все было тихо, только издали доносился звукъ колокола.

— Что такое, Аппльярдъ?—спросилъ Дикъ.

— Да вотъ птицы,—отвѣтилъ Аппльярдъ.

И дѣйствительно, надъ деревьями лѣса, тамъ, гдѣ онъ врѣзывался въ луга и заканчивался двумя чудесными зелеными

связами, на разстоянiи полета стрѣлы отъ поля, гдѣ стояли разговаривавшiе, стая птицъ металась взадъ и впередъ, въ очевидномъ безпокойствѣ.

— Что же съ птицами?—спросилъ Беннетъ.

— Ахъ!—возразилъ Аппльярдъ.—Вотъ вы, словно умный, собираетесь на войну, мастеръ Беннетъ. Птицы—хорошiе часовые; тамъ, гдѣ лѣса, онѣ являются въ первыхъ рядахъ сраженiя. Видите, если бы мы были не здѣсь, а въ лагерѣ, то можно было бы подумать, что насъ выслѣживаютъ стрѣлки... а вы бы такъ ничего и не знали!

— Ну, старый ворчунъ,—сказалъ Хэтчъ,—самые близкiе къ намъ воины въ Кеттлеѣ, подъ командой сэра Данiэля; мы здѣсь въ безопасности, словно въ лондонскомъ Тоуэрѣ, а вы пугаете людей изъ-за нѣсколькихъ зябликовъ и воробьевъ.

— Послушать только его! — со смѣхомъ сказалъ Аппльярдъ.—Да сколько мошенниковъ дали бы себѣ обрѣзать уши, чтобы только выстрѣлить въ котораго-нибудь изъ насъ! Святой Михаилъ! Они ненавидятъ насъ, словно хорьковъ, мой милый!

— Ну, по правдѣ сказать, они ненавидятъ сэра Данiэля,—замѣтилъ Хэтчъ довольно сдержанно.

— Да, они ненавидятъ сэра Данiэля, но ненавидятъ и всякаго, кто служитъ у него,—сказалъ Аппльярдъ,—и первымъ дѣломъ они ненавидятъ Беннета Хэтча и стрѣлка Николаса. Послушайте, если бы тамъ, на опушкѣ лѣса, появился здоровый малый, и мы стояли бы такъ, что ему было бы удобно цѣлиться въ насъ,—вотъ какъ мы стоимъ теперь, спиною къ лѣсу,—то какъ вы думаете, котораго изъ насъ выбралъ бы онъ?

— Бьюсь о закладъ, что васъ,—отвѣтилъ Хэтчъ.

— А я ставлю мой кафтанъ противъ кожанаго пояса—онъ выбралъ бы васъ!—вскрикнулъ старый стрѣлокъ.—Вы сожгли Гримстонъ, Беннетъ; этого вамъ никогда не простятъ, мастеръ. Что касается меня, то, Богъ дастъ, я скоро буду въ мирномъ мѣстѣ, вдали отъ всякаго выстрѣла—какъ изъ лука, такъ и изъ пушки. Я старый человѣкъ и быстро приближаюсь къ дому, гдѣ уготовлено ложе. Но вы, Беннетъ, останетесь послѣ меня на свою погибель и, если доживете до моихъ лѣтъ неповѣшеннымъ,—то, значитъ, угасъ истинный англiйскiй духъ.

— Ты самый злой дуракъ во всемъ Тонсталлѣ, — сказалъ

Хэтчъ, очевидно, раздраженный этими угрозами.—Собирайся-ка, прежде чѣмъ явится сэръ Оливеръ, и перестань болтать хоть ненадолго. Если ты такъ же много разговаривалъ съ Гарри Пятымъ, то уши его были шире его кармановъ.

Стрѣла прожужжала въ воздухѣ, словно большой шершень; она попала между лопатками стараго Аппльярда, пронзила его насквозь, и онъ упалъ лицомъ въ капусту. Хэтчъ припрыгнулъ въ воздухѣ съ отрывистымъ крикомъ, потомъ согнулся вдвое и побѣжалъ къ дому. Дикъ Шельтонъ всталъ за кусты сирени и держалъ арбалетъ наготовѣ, цѣлясь въ опушку лѣса.

Ни одинъ листъ не шевелился. Овцы спокойно щипали траву; птицы усѣлись на свои мѣста. Но старикъ лежалъ со стрѣлой въ спинѣ; Хэтчъ ухватился за косякъ двери, а Дикъ притаился за кустами сирени.

— Вы видите что-нибудь?—крикнулъ Хэтчъ.

— Ни одна вѣтвь не шелохнется.

— По моему, стыдно оставлять его лежать такъ,—сказалъ Беннетъ, подходя нерѣшительными шагами и съ очень блѣднымъ лицомъ.—Смотрите за лѣсомъ, мастеръ Шельтонъ,—присматривайте хорошенько. Да помогутъ намъ святые! Но каковъ выстрѣлъ!

Беннетъ положилъ стараго стрѣлка къ себѣ на колѣни. Старикъ еще не умеръ; лицо его исказилось отъ боли; глаза то открывались, то закрывались. Повидимому, онъ страдалъ ужасно.

— Ты можешь меня слышать, старый Никъ?—спросилъ Хэтчъ.—Нѣтъ ли у тебя какого-нибудь послѣдняго желанія, прежде чѣмъ отправишься, старый братъ?

— Выньте стрѣлу и дайте мнѣ умереть, во имя Богоматери,—задыхаясь, проговорилъ Аппльярдъ, — я покончилъ со старой Англіей. Вытащите стрѣлу.

— Мастеръ Дикъ,—сказалъ Беннетъ,—подойдите сюда и дерните хорошенько стрѣлу. Онъ скоро отойдетъ, бѣдный грѣшникъ.

Дикъ отложилъ арбалетъ и, сильно дернувъ, вытащилъ стрѣлу. Хлынулъ потокъ крови; старикъ приподнялся на колѣняхъ, призвалъ имя Божіе и упалъ мертвымъ. Хэтчъ на колѣняхъ среди кочней капусты горячо молился о спасеніи отлетавшей души. Но видно было, что и во время молитвы мысли его

заняты другимъ — онъ не сводилъ глазъ съ того уголка лѣса, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Окончивъ молитву, онъ всталъ, снялъ одну изъ своихъ желѣзныхъ рукавицъ и вытеръ свое блѣдное, мокрое отъ страха лицо.

— Слѣдующая очередь—моя,—сказалъ онъ.

— Кто сдѣлалъ это, Беннетъ? — спросилъ Ричардъ, продолжая держать стрѣлу въ рукѣ.

— Только святые знаютъ это, — сказалъ Хэтчъ.—Мы съ нимъ выгнали изъ домовъ и имѣній добрыхъ человѣкъ сорокъ. Онъ поплатился за это, бѣдняга; можетъ быть скоро поплачусь и я. Сэръ Даніэль слишкомъ притѣсняетъ людей.

— Странная стрѣла,—сказалъ юноша, разсматривая стрѣлу.

— Да, правда!—вскричалъ Беннетъ.—Черная съ чернымъ опереніемъ. — Вотъ такъ зловѣщая стрѣла! Говорятъ, черный цвѣтъ предвѣщаетъ похороны. А тутъ написаны и слова. Сотрите кровь. Прочтите, что тамъ написано.

— «Апплъярду отъ Джона Мстителя»... Что это значитъ?..

— Ну, это мнѣ не нравится,—сказалъ Беннетъ, покачивая головой.—«Джонъ Мститель»... какъ разъ подходящее имя для негодяевъ. Но чего ради мы стоимъ здѣсь, словно мишень! Возьмите его подъ колѣна, добрый мастеръ Шельтонъ, а я подыму его за плечи, и мы снесемъ его въ домъ. Это будетъ страшный ударъ для бѣднаго сэра Оливера; онъ побѣлѣетъ, какъ бумага, и будетъ бормотать молитвы, словно вѣтряная мельница.

Они подняли стараго стрѣлка и отнесли въ домъ, гдѣ онъ жилъ одинъ. Тутъ они положили его на полъ, жалѣя тюфяка, и приложили всѣ усилія, чтобы придать трупу должное положеніе.

Домикъ Апплъярда былъ чистенькій, но довольно пустой. Тутъ была кровать съ синимъ одѣяломъ, буфетъ, большой сундукъ, два складныхъ стула, столъ на петляхъ въ углу у камина; на стѣнахъ висѣли луки и другое оружіе стараго воина. Хэтчъ съ любопытствомъ оглянулся вокругъ.

— У Ника были деньги,—сказалъ онъ.—У него, можетъ быть, отложено фунтовъ шестьдесятъ. Хотѣлось бы мнѣ найти ихъ. Когда теряешь стараго друга, мастеръ Ричардъ, то самое лучшее утѣшеніе—получить наслѣдство послѣ него. Вотъ, взгляните, бьюсь о закладъ, тамъ лежитъ груда золота. Стрѣлокъ Апплъярдъ пріобрѣталъ легко, а отдавалъ съ трудомъ. Да упокоитъ Господь его душу! Около восьмидесяти лѣтъ онъ расхажи-

валъ по землѣ и все добывалъ что-нибудь; а теперь онъ лежитъ на спинѣ, бѣдный ворчунъ, и ничего ему больше не надо; если его пожитки достанутся доброму другу, то, я думаю, ему будетъ веселѣе на небесахъ.

— Ну, Хэтчъ,—сказалъ Дикъ.—Почти его незрячіе глаза. Неужели ты рѣшишься обворовать человѣка передъ его трупомъ? Да онъ, пожалуй, встанетъ тогда!

Хэтчъ перекрестился нѣсколько разъ, но вскорѣ румянецъ вернулся на его поблѣднѣвшее лицо; его не такъ легко было отговорить отъ разъ принятаго рѣшенія. Сундуку не поздоровилось бы, если бы какъ разъ въ ту минуту не раздался стукъ распахиваемой калитки; въ домъ вошелъ высокій, толстый, краснощекій, черноглазый человѣкъ, лѣтъ около пятидесяти, въ черной рясѣ.

— Аппльярдъ,—проговорилъ вошедшій и вдругъ словно замеръ на мѣстѣ.—Ave Maria!—вскрикнулъ онъ.—Да защитятъ насъ святые угодники! Что это такое?

— Да, плохо дѣло съ Аппльярдомъ, г. священникъ,—отвѣтилъ совсѣмъ весело Хэтчъ.—Убитъ у порога своего дома и теперь входитъ во врата чистилища. Тамъ, если вѣрить разсказамъ, онъ не будетъ нуждаться ни въ угляхъ, ни въ свѣчахъ.

Сэръ Оливеръ съ трудомъ добрался до складного стула и, весь блѣдный и дрожащій, опустился на него.

— Это Божій судъ! О, какой ударъ!—прорыдалъ онъ и забормоталъ молитвы.

Хэтчъ между тѣмъ снялъ свой шлемъ и набожно опустился на колѣни.

— А, Беннетъ, — сказалъ священникъ, немного оправившись,—что это можетъ быть? Какой врагъ сдѣлалъ это?

— Вотъ стрѣла, сэръ Оливеръ. Взгляните, на ней написаны слова,—сказалъ Дикъ.

— Ну! скверныя вѣсти!—вскрикнулъ священникъ!—«Джонъ Мститель»! Вполнѣ подходящее названіе для Лолларда! *) И вдобавокъ черная, въ видѣ дурного предзнаменованія! Господа, эта стрѣла не нравится мнѣ. Но намъ необходимо посовѣтоваться.

*) Слово Лоллардъ (Lollard), обозначавшее «пустой болтунъ», было презрительнымъ прозвищемъ, которое давали духовнымъ лицамъ, возставшимъ въ 14 столѣтіи противъ господствующей церкви. *Пр. пер.*

Кто бы это могъ быть? Подумай-ка хорошенько, Беннетъ. Который изъ многихъ темныхъ злоумышленниковъ рѣшается такъ смѣло выступить противъ насъ? Симнель? Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Уэльсингэмы? Нѣтъ, они еще не дошли до этого; они еще надѣются побѣдить насъ законнымъ образомъ, когда настанетъ иное время. Вотъ еще Симонъ Мельмсбери. А ты какъ думаешь, Беннетъ?

— А что вы думаете, сэръ, объ Эллисѣ Декуорсѣ?

— Ну, это ужъ нѣтъ, Беннетъ. Только не онъ,—сказалъ священникъ.—Смута никогда не подымается снизу, Беннетъ; всѣ разумные хроникеры сходятся въ этомъ мнѣніи; возмущеніе всегда идетъ сверху внизъ; когда Дикъ, Томъ и Гарри берутся за свои луки, нужно пристально вглядѣться, кому изъ лордовъ можетъ быть полезно это движеніе. Такъ какъ сэръ Даніэль снова присоединился къ партіи королевы, то онъ теперь въ немилости у лордовъ партіи Іорка. Оттуда и идетъ этотъ ударъ, Беннетъ. Я постараюсь узнать, кто подготовилъ его, но здѣсь главная причина этого несчастнаго случая.

— Извините, сэръ Оливеръ,—сказалъ Беннетъ,—они здѣсь такъ нагрѣлись, что я давно уже чую пожаръ. Чуялъ его и бѣдный грѣшникъ Апплъярдъ. И, извините, умы всѣхъ здѣсь такъ скверно настроены противъ насъ, что для бунта не нужно имъ ни Ланкастера, ни Іорка. Выслушайте мои простыя слова. Вы, служитель церкви, и сэръ Даніэль, вѣчно поворачивающійся, куда дуетъ вѣтеръ, вы отняли добро у многихъ людей и немало ихъ погубили и перевѣшали. Васъ призывали къ суду, но ужъ не знаю какимъ образомъ, вы всегда оказывались правы. Вы думаете, что на томъ и дѣлу конецъ? Ну, нѣтъ, извините, сэръ Оливеръ: человѣкъ, у котораго отняли добро и котораго побили, приходитъ въ ярость и когда-нибудь, когда попутаетъ нечистый, онъ возьметъ свой лукъ да и всадитъ вамъ стрѣлу на цѣлый ярдъ.

— Нѣтъ, Беннетъ, ты ошибаешься. Беннетъ, ты долженъ былъ бы радоваться, что есть кому наставлять тебя,—сказалъ сэръ Оливеръ.—Ты пустой болтунъ, враль; глотка у тебя больше твоихъ обоихъ ушей вмѣстѣ взятыхъ. Обрати на это вниманіе, Беннетъ, обрати.

— Ну, я не буду больше ничего говорить. Какъ вамъ угодно,—сказалъ Беннетъ.

Священникъ всталъ со стула, вынулъ изъ висѣвшаго у него на шеѣ ящичка съ письменными принадлежностями сургучъ, печать и кремень. Онъ приложилъ печать сэра Даніэля къ буфету и къ сундуку, причемъ Хэтчъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на это. Потомъ всѣ нѣсколько боязливо вышли изъ дома и сѣли на лошадей.

— Намъ пора уже быть въ пути, сэръ Оливеръ,—сказалъ Хэтчъ, держа стремя для священника, пока тотъ садился.

— Да, но времена измѣнились, Беннетъ,— возразилъ священникъ. — Апльярда уже нѣтъ, упокой, Господи его душу! Я задержу тебя въ гарнизонѣ, Беннетъ. У меня долженъ быть вѣрный человѣкъ, на котораго я могъ бы положиться въ эти дни черныхъ стрѣлъ. «Стрѣла во днѣ летящая», говорится въ евангеліи; не помню дальше текста; я лѣнивый священникъ; я слишкомъ погруженъ въ мірскія дѣла. Ну, ѣдемъ, мастеръ Хэтчъ. Всадники должны уже быть у церкви.

Они поѣхали внизъ по дорогѣ; вѣтеръ развѣвалъ полы плаща священника. На небѣ, за ними, подымались тучи, закрывая солнце. Они проѣхали мимо трехъ разбросанныхъ домиковъ деревушки Тонсталль и, доѣхавъ до поворота, увидѣли передъ собой церковь. Десять—двѣнадцать домовъ скучились вокругъ нея съ передней стороны; сзади кладбище подходило къ лугамъ. У арки кладбищенскихъ воротъ собралось около двадцати людей; нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ сѣдлахъ, другіе стояли около своихъ лошадей. И вооруженіе, и лошади ихъ отличались большимъ разнообразіемъ: у однихъ были копья, у другихъ алебарды, у третьихъ мечи. Нѣкоторые сидѣли на лошадяхъ, еще покрытыхъ грязью отъ только что проведенной борозды.

Все это были подонки населенія этой мѣстности, такъ какъ лучшіе люди и лошади были уже на войнѣ съ сэромъ Даніэлемъ.

— Недурно! Да будетъ благословенъ крестъ Холивуда! Сэръ Даніэль будетъ очень доволенъ, — замѣтилъ священникъ, мысленно пересчитывая отрядъ.

— Кто готовъ въ путь? Выѣзжайте всѣ, кто вѣренъ намъ!— крикнулъ Беннетъ.

Какой-то человѣкъ прокрадывался между вязами; услышавъ этотъ призывъ, онъ отбросилъ всякое стѣсненіе и бросился прямо къ лѣсу. Люди, стоявшіе у кладбищенскихъ воротъ, не замѣтившіе до сихъ поръ присутствія незнакомца, встрепенулись и раз-

спались во всѣ стороны. Сошедшіе съ лошадей вновь вскочили на сѣдла; остальные бросились преслѣдовать незнакомца; но имъ приходилось огибать церковь и кладбище и потому ясно было, что добыча ускользнетъ отъ нихъ. Хэтчъ съ громкимъ ругательствомъ хотѣлъ перескочить черезъ ограду, но лошадь отказалась сдѣлать прыжокъ, и всадникъ очутился въ пыли на землѣ. Хотя онъ сейчасъ же вскочилъ на ноги и схватилъ поводъ, время все же было упущено, и бѣглецъ былъ слишкомъ впереди, чтобы можно было догнать его.

Дикъ Шельтонъ оказался умнѣе всѣхъ. Вмѣсто того, чтобы заняться безполезнымъ преслѣдованіемъ, онъ снялъ со спины арбалетъ и приготовилъ стрѣлу. Когда всѣ остальные отказались отъ своихъ намѣреній, онъ повернулся къ Беннету и спросилъ, нужно ли стрѣлять.

— Стрѣляй! Стрѣляй! — крикнулъ священникъ съ кровожадной яростью.

— Стрѣляйте въ него, мастеръ Дикъ,—сказалъ Беннетъ.— Попадите въ него такъ, чтобы онъ упалъ, словно созрѣвшее яблоко.

Бѣглецу оставалось сдѣлать только нѣсколько прыжковъ, чтобы очутиться въ безопасности, но на окраинѣ лугъ круто подымался къ холму, и потому ему приходилось бѣжать медленнѣе. Цѣлиться было нелегко, благодаря сумраку наступавшаго вечера и порывистымъ движеніямъ бѣглеца. Дикъ прицѣлился и почувствовалъ нѣчто вродѣ сожалѣнія; онъ почти желалъ не попасть въ цѣль. Стрѣла полетѣла.

Бѣглецъ споткнулся и упалъ; Хэтчъ и остальные преслѣдователи разразились громкими, радостными криками. Однако, они дѣлили шкуру медвѣдя, еще не поймавъ его. Бѣглецъ упалъ, не причинивъ себѣ никакого вреда; онъ сейчасъ же вскочилъ на ноги, повернулся, взмахнулъ съ вызывающимъ видомъ шляпой и въ слѣдующее мгновеніе исчезъ за опушкой лѣса.

— Чума его возьми! — крикнулъ Беннетъ. — У него ноги вора; онъ умѣетъ бѣгать. Но вы попали въ него, мастеръ Шельтонъ; онъ унесъ съ собой вашу стрѣлу; я не очень-то завидую этому подарку.

— Но что онъ дѣлалъ у церкви? — спросилъ сэръ Оливеръ. — Опасаюсь, что что-нибудь очень дурное. Клипсби,

добрый малый, сойди-ка съ коня да поищи хорошенько среди вязовъ.

Клипсби скоро вернулся съ какой-то бумагой въ рукахъ.

— Эта бумага была прибита къ двери церкви,—сказалъ онъ, подавая ее сэру Оливеру.—Больше я ничего не нашелъ.

— Ну, клянусь могуществомъ нашей Матери церкви, это уже приближается къ святотатству! — вскричалъ сэръ Оливеръ.—Если это дѣлается по приказанію короля или владѣльца замка, то ужъ нечего дѣлать! Но чтобы всякій бродяга въ зеленой курткѣ могъ прибивать бумаги къ дверямъ святилища—это ужъ очень близко къ святотатству, и люди сжигались за дѣла меньшей важности! Но что это такое? Темнѣетъ быстро. Добрый мастеръ Ричардъ, у васъ молодые глаза. Прочтите мнѣ, пожалуйста, этотъ пасквиль.

Дикъ Шельтонъ взялъ бумагу въ руки и прочелъ ее вслухъ. Это были очень грубыя вирши, почти безъ риѳмъ, написанныя большими буквами и съ невѣроятными ошибками.

«За поясъ заткнулъ я четыре стрѣлы;
Всѣ черныя стрѣлы въ отплату за зло,
Четыре по счету негодныхъ людей,
Насилье которыхъ меня доняло.
Одной уже нѣтъ; она мѣтко попала:
Старикъ Апельярдъ ей сраженъ.
Для мастера Беннета Хэтча другая,
Кѣмъ Гримстонъ съ стѣнами сожженъ.
А вотъ и для сэра Оливера Отса—
Имъ Гарри, сэръ Шельтонъ, убитъ.
Четвертой, сэръ Да́ніэль, вскорѣ вы ждите,
Увидите, какъ она въ васъ полетитъ.
Такъ каждый получитъ на долю стрѣлу,
И черная—черное сердце пронзитъ.
Скорѣе читайте молитву свою,
И нынѣ, и присно васъ смерть поразитъ.

Джонъ Мститель за всѣхъ
Изъ Зеленаго лѣса
И его веселые товарищи

Нѣтъ, у насъ есть еще стрѣлы и хорошія пеньковыя веревки и для другихъ изъ вашихъ приверженцевъ.

— Увы! Гдѣ милосердіе и другія христіанскія добродѣтели?—печально проговорилъ сэръ Оливеръ.—Дуренъ здѣшній міръ, господа, и съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже.

Я готовъ поклясться на Холивудскомъ крестѣ, что я такъ же невиненъ въ нанесеніи какого-либо зла, умышленно или неумышленно, тому доброму рыцарю, какъ некрещенный ребенокъ. Да никто и не думалъ его убивать; они заблуждаются и въ этомъ; есть еще живые свидѣтели.

— Вы это напрасно, г. священникъ,—сказалъ Беннетъ.—Эти разговоры совсѣмъ неумѣстны.

— Нѣтъ, мастеръ Беннетъ, нѣтъ. Знайте свое мѣсто, добрый Беннетъ,—отвѣтилъ сэръ Оливеръ.—Я докажу свою невинность. Я не хочу погибнуть по ошибкѣ. Я беру всѣхъ въ свидѣтели, что я чистъ въ этомъ дѣлѣ. Я даже не былъ въ Моотъ-Хаусѣ. Меня послали по дѣлу раньше девяти часовъ.

— Сэръ Оливеръ,—перебилъ его Хэтчъ,—такъ какъ вамъ не угодно прервать эту проповѣдь, то я приму другія мѣры. Гоффъ, труби, чтобы садились на лошадей.

Раздался звукъ трубы. Беннетъ подошелъ близко къ пораженному священнику и яростно шепнулъ ему что-то на ухо.

Дикъ Шельтонъ увидѣлъ, какъ сэръ Оливеръ испуганно взглянулъ на него. Дику было о чемъ подумать, потому что сэръ Гарри Шельтонъ былъ его родной отецъ. Но онъ не сказалъ ни слова, и лицо его осталось неподвижнымъ.

Хэтчъ и сэръ Оливеръ нѣсколько времени обсуждали измѣнившееся положеніе дѣла, они рѣшили оставить десять человѣкъ не только для защиты Моотъ-Хауса, но и для сопровожденія священника черезъ лѣсъ. Такъ какъ Беннетъ долженъ былъ остаться, то начальство надъ отрядомъ, посланнымъ для подкрѣпленія, было передано мастеру Шельтону. Дѣйствительно, другого выбора не оставалось; остальные были глупые, неуклюжіе люди, неопытные въ военномъ дѣлѣ, а Дикъ былъ не только популяренъ, но рѣшителенъ и серьезенъ не по годамъ. Хотя онъ провелъ свою юность въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ, но сэръ Оливеръ хорошо обучилъ его чтенію и письму, а обращенію съ оружіемъ и первымъ основаніямъ военнаго искусства научилъ его самъ Хэтчъ. Беннетъ всегда былъ добръ къ Дику и готовъ помочь ему во всемъ. Онъ былъ изъ такихъ людей, которые жестоки къ тѣмъ, кого считаютъ своими врагами, но, по своему, грубо вѣрны и преданы своимъ друзьямъ. И теперь, пока сэръ Оливеръ вошелъ въ ближайшій домъ, чтобы написать своимъ четкимъ, красивымъ почеркомъ отчетъ о послѣднихъ событіяхъ

своему господину, сэру Даніэлю Брэклею, Беннетъ подошелъ къ своему ученику, чтобы пожелать ему успѣха въ его предпріятіи.

— Вы должны ѣхать дальнимъ путемъ, въ обходъ, мастеръ Шельтонъ,—сказалъ онъ,—объѣхать мостъ, чтобы сохранить жизнь! Пустите вѣрнаго человѣка въ пятидесяти шагахъ передъ собой; пусть онъ стрѣляетъ, а вы поѣзжайте потихоньку, пока не выѣдете изъ лѣсу. Если негодяи нападутъ на васъ, скачите изо всѣхъ силъ; вы ничего не подѣлаете, если остановитесь. И поѣзжайте все впередъ, мастеръ Шельтонъ, не возвращайтесь сюда, если вамъ дорога жизнь; помните, что въ Тонсталлѣ вамъ не найти помощи. Такъ какъ вы ѣдете на великую войну за короля, а я остаюсь здѣсь, гдѣ моей жизни грозитъ величайшая спасность, и только святые знаютъ, встрѣтимся ли мы еще съ вами здѣсь, на землѣ, то я дамъ вамъ послѣдніе совѣты при вашемъ отъѣздѣ. Остерегайтесь сэра Даніэля; ему нельзя довѣряться. Не вѣрьте и плуту-священнику; у него нѣтъ дурныхъ намѣреній, но онъ исполняетъ волю другихъ; это—орудіе сэра Даніэля! Пріобрѣтите вліяніе тамъ, куда отправляетесь; заведите себѣ сильныхъ друзей; позаботьтесь объ этомъ. И поминайте добромъ Беннета Хэтча. На свѣтѣ есть негодяи похуже Беннета. Ну, желаю вамъ удачи!

— Господь да будетъ съ вами, Беннетъ!—отвѣтилъ Дикъ.— Вы были всегда добрымъ другомъ мнѣ, сиротѣ, и я всегда скажу это.

— И вотъ, что еще, мастеръ,—прибавилъ Хэтчъ нѣсколько смущенно,—если этотъ «Мститель» пуститъ въ меня стрѣлу, вы, можетъ быть, не откажетесь дать золотую марку, а то и фунтъ за спасеніе моей бѣдной души; потому что плохо мнѣ придется въ чистилищѣ.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, Беннетъ, — отвѣтилъ Дикъ.—Но ободритесь! Мы встрѣтимся тамъ, гдѣ вы будете болѣе нуждаться въ элѣ, чѣмъ въ мессахъ.

— Дай то Богъ, мастеръ Дикъ,—сказалъ Хэтчъ.—Но вотъ идетъ сэръ Оливеръ. Если бы онъ такъ же ловко управлялся съ лукомъ, какъ съ перомъ, онъ былъ бы чудеснымъ воиномъ.

Сэръ Оливеръ далъ Дику запечатанный пакетъ съ надписью:

«Моему достоуважаемому господину, сэру Даніэлю Брэклею, рыцарю. Передать немедленно».

Дикъ положилъ пакетъ за пазуху, отдалъ приказаніе и поѣхалъ вдоль деревушки къ западу.

КНИГА I.

ДВА МАЛЬЧИКА.

I. Гостиница «Солнца» въ Кеттлеѣ.

Сэръ Даніэль и его люди размѣстились въ этотъ вечеръ въ Кеттлеѣ и его окрестностяхъ, въ теплыхъ помѣщеніяхъ и разставили патрули. Но рыцарь изъ Тонсталля былъ изъ людей, вѣчно гнавшихся за денежной добычей. И теперь, наканунѣ авантюры, изъ которой онъ долженъ былъ или выйти побѣдителемъ, или погибнуть, онъ всталъ въ часъ ночи, чтобы выжать сокъ изъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей. Онъ велъ большія дѣла по спорнымъ наслѣдствамъ: обыкновенно онъ покупалъ право наслѣдства у какого-нибудь самаго безнадежнаго претендента и потомъ, благодаря покровительству важныхъ лордовъ, приближенныхъ короля, добывалъ неправильныя рѣшенія въ свою пользу. Если же для этого требовалось много хлопотъ, онъ захватывалъ спорный замокъ силой оружія и полагался на свое вліяніе и на крючкотворство сэра Оливера, чтобы удержать захваченное. Кеттлей было одно изъ такихъ спорныхъ мѣстъ, недавно еще попавшимъ въ его когти. Сэръ Даніэль встрѣчалъ еще отпоръ со стороны жителей и, чтобы подавить недовольство, привелъ сюда свои войска.

Въ два часа утра сэръ Даніэль сидѣлъ въ комнатѣ гостиницы у очага, такъ какъ въ этотъ часъ бывало холодно среди болотъ Кеттлея. Рядомъ съ нимъ стояла кружка эля, приготовленнаго съ пряностями. Онъ снялъ свой головный уборъ съ забраломъ и сидѣлъ, плотно укутавшись въ ярко-красный плащъ и опустивъ на руку свою лысую голову и худое, смуглое лицо. Въ дальнемъ концѣ комнаты около дюжины солдатъ стояли на часахъ у двери или спали на скамьяхъ. Нѣсколько ближе къ нему мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати—тринадцати, растянулся на плащѣ на полу. Хозяинъ «Солнца» стоялъ передъ великимъ человѣкомъ.

— Ну, замѣть, хозяинъ,—говорилъ сэръ Даніэль,—только слушайся моихъ приказаній, и я буду всегда добрымъ господиномъ. Мнѣ нужны хорошіе люди въ старшины, а главнымъ констэблемъ я желаю имѣть Адама-а-Мора; позаботься хорошенько объ этомъ. Если будутъ выбраны другіе, то это не принесетъ вамъ никакой пользы, какъ вы узнаете по горькому опыту. Я приму хорошія мѣры относительно тѣхъ, кто платилъ Уэльсингэму... между ними былъ и ты, мой любезный хозяинъ.

— Добрый рыцарь,—сказалъ хозяинъ,—я поклянусь на Холивудскомъ крестѣ, что я платилъ Уэльсингэму только по принужденію. Нѣтъ, достойный рыцарь, я не люблю бездѣльниковъ Уэльсингэмовъ; они были бѣдны, какъ воры, храбрый рыцарь. Дайте мнѣ настоящаго лорда вродѣ васъ. Спросите сосѣдей, всѣ скажутъ, что я стойко держусь Брэклея.

— Можетъ быть,—сухо проговорилъ сэръ Даніэль.—Тогда ты заплатишь вдвое.

Хозяинъ гостиницы сдѣлалъ страшную гримасу; но подобнаго рода несчастье часто случалось съ арендаторами въ тѣ безпокойныя времена, и хозяинъ, можетъ быть, былъ радъ отдѣлаться такъ легко.

— Приведи того малаго, Сельденъ!—крикнулъ рыцарь.

Одинъ изъ слугъ ввелъ бѣднаго, забитаго старика, блѣднаго, какъ полотно, и дрожавшаго отъ болотной лихорадки.

— Твое имя, бездѣльникъ?—спросилъ сэръ Даніэль.

— Конделль. Конделль изъ Шорби, съ позволенія вашей милости.

— До меня дошли дурные слухи о тебѣ,—сказалъ рыцарь.— Ты заподозрѣнъ въ измѣнѣ; затягиваешь взносъ арендной платы; на тебя падаетъ тяжелое обвиненіе въ убійствѣ многихъ людей. Какъ? Ты еще такъ дерзокъ! Ну, я смирю тебя.

— Глубокоуважаемый и достопочтенный господинъ,—проговорилъ старикъ,—тутъ вышла какая-то чепуха, не будь сказано въ вашемъ присутствіи. Я бѣдный, честный человѣкъ и никому не сдѣлалъ зла.

— Младшій шерифъ далъ мнѣ о тебѣ самыя скверныя свѣдѣнія, — сказалъ рыцарь. — «Схватите этого Тинделя изъ Шорби»,—сказалъ онъ.

— Конделль, мой добрый господинъ; Конделль,—такъ зовутъ меня несчастнаго.

— Конделль или Тиндель—все равно, хладнокровно отвѣтилъ сэръ Даніэль.—Ты здѣсь, и я, по правдѣ, сильно сомнѣваюсь въ твоей честности. Если хочешь спасти свою шею, напиши-ка мнѣ поскорѣе обязательство на двадцать фунтовъ.

— На двадцать фунтовъ, мой добрый господинъ!—вскрикнулъ Конделль.—Да это чистое безуміе! Все мое имѣніе не стоитъ семидесяти шиллинговъ.

— Конделль или Тиндель,—со смѣхомъ сказалъ сэръ Даніэль,—я пойду на рискъ. Напиши двадцать фунтовъ, а когда я получу все, что будетъ возможно, я буду тебѣ добрымъ господиномъ и прощу остальное.

— Увы! Это невозможно, мой добрый господинъ, я не искусенъ въ письмѣ,—сказалъ Конделль.

— Увы!—проговорилъ рыцарь.—Значитъ, нѣтъ другого средства. А мнѣ бы очень хотѣлось пощадить тебя, Тиндель, да совѣсть не позволяетъ. Сельденъ, возьми-ка осторожно этого стараго ворчуна, доведи его до ближайшаго вяза и повѣсь нѣжно за шею тамъ, гдѣ я могу увидѣть его, когда поѣду. Прощайте, добрый мастеръ Конделль, дорогой мастеръ Тиндель; вы отправляетесь въ рай на почтовыхъ; итакъ, прощайте!

— Ну, мой остроумный лордъ,—отвѣтилъ Конделль съ принужденной, льстивой улыбкой,—разъ вы требуете, какъ и подобаетъ вамъ, я исполню ваше приказаніе, несмотря на все мое неумѣнье.

— Другъ,—сказалъ сэръ Даніэль,—теперь ты напишешь сорокъ. Полно! Ты слишкомъ хитеръ, чтобы имѣть состояніе только въ семьдесятъ шиллинговъ. Сельденъ, посмотри, чтобы онъ написалъ какъ слѣдуетъ, и чтобы было засвидѣтельствовано по формѣ.

И сэръ Даніэль, веселый рыцарь,—веселѣе его не было въ цѣлой Англіи,—сдѣлалъ глотокъ элю и съ улыбкой откинулся на спинку кресла.

Между тѣмъ лежавшій на полу мальчикъ зашевелился, потомъ поднялся и испуганно оглянулся вокругъ.

— Сюда,—сказалъ сэръ Даніэль, и когда мальчикъ, повинуясь его приказанію, всталъ и медленно подошелъ къ нему, онъ снова откинулся назадъ и громко расхохотался.—Клянусь Распятіемъ!—крикнулъ онъ.—Что за сильный, здоровый мальчикъ!

Мальчикъ вспыхнулъ отъ гнѣва, и молнія ненависти мелькнула въ его темныхъ глазахъ. Теперь, когда онъ стоялъ на ногахъ, было бы трудно опредѣлить его возрастъ. По выраженію лица, хотя гладкаго и чистаго, какъ у ребенка, онъ казался старше; фигура его была необыкновенно тонка, походка нѣсколько неловкая.

— Вы звали меня, сэръ Даніэль,—сказалъ онъ,—для того, чтобы посмѣяться надъ моимъ печальнымъ состояніемъ?

— Ну, дайте мнѣ посмѣяться,—сказалъ рыцарь.—Прошу васъ, милочка, дайте мнѣ посмѣяться. Если бы вы могли видѣть себя, то, увѣряю, сами бы расхохотались.

— Ну!—вскрикнулъ, вспыхивая, мальчикъ.—Вы отвѣтите за это, какъ за все остальное. Смѣйтесь, пока можете.

— Ну,—нѣсколько серьезнѣе проговорилъ сэръ Даніэль,—я вовсе не насмѣхаюсь надъ вами; это только шутка, дозволенная между родными и близкими друзьями. Я устрою вашъ бракъ, получу тысячу фунтовъ и буду чрезвычайно любить васъ. Правда, я захватилъ васъ нѣсколько грубо, но такъ ужъ пришлось; за то съ настоящей минуты я буду отъ всего сердца заботиться о васъ и съ радостью служить вамъ. Вы станете миссисъ Шельтонъ—лэди Шельтонъ, клянусь! Потому что мальчикъ обѣщаетъ многое. Гмъ! Не слѣдуетъ пугаться честнаго хохота; онъ прогоняетъ печаль. Кто смѣется, тотъ не негодяй. Эй, хозяинъ, дай поѣсть моему кузену, мастеру Джону. Садитесь, милочка, и кушайте.

— Нѣтъ, сказалъ мастеръ Джонъ,—я не преломлю хлѣба съ вами. Разъ вы принуждаете меня къ такому грѣху, я буду поститься ради спасенія души. Добрый хозяинъ, пожалуйста, будьте такъ добры, дайте мнѣ кружку чистой воды; вы очень обяжете меня своей любезностью.

— Кушайте, вы получите разрѣшеніе отъ этого грѣха!—крикнулъ рыцарь.—Исповѣдуетесь какъ слѣдуетъ, а пока удовольствуйтесь ожиданіемъ и кушайте.

Но мальчикъ былъ упрямъ; онъ выпилъ кружку воды, снова плотно завернулся въ свой плащъ и усѣлся въ дальнемъ уголку, погрузясь въ мрачное раздумье.

Черезъ часъ или два въ селеніи поднялась суматоха, послышались оклики часовыхъ, звонъ оружія и стукъ лошадиныхъ копытъ; потомъ къ гостиницѣ подъѣхалъ отрядъ всадниковъ,

и Ричардъ Шельтонъ, весь забрызганный грязью, появился на порогѣ комнаты.

— Да хранитъ васъ Богъ, сэръ Даніэль,—сказалъ онъ.

— Какъ! Дикки Шельтонъ! — вскрикнулъ рыцарь. При имени Дика сидѣвшій въ углу мальчикъ съ любопытствомъ взглянулъ на него.—А что же Беннетъ Хэтчъ?

— Пожалуйста, сэръ, ознакомьтесь съ содержаніемъ этого пакета, присланнаго вамъ сэромъ Оливеромъ; тутъ все подробно описано,—отвѣтилъ Ричардъ, подавая письмо священника.— А затѣмъ вамъ слѣдовало бы какъ можно скорѣе отправиться въ Райзингэмъ, потому что на пути намъ встрѣтился гонецъ, бѣшено мчавшійся съ письмами. Онъ сообщилъ намъ, что лордъ Райзингэмъ находится въ отчаянномъ положеніи и чрезвычайно нуждается въ вашемъ присутствіи.

— Что ты говоришь? Въ отчаянномъ положеніи?—переспросилъ рыцарь. Ну, такъ мы поторопимся не спѣша, мой добрый Ричардъ. Въ бѣдномъ англійскомъ государствѣ кто ѣдетъ тише, тотъ ѣдетъ увѣреннѣе. Отсрочка, говорятъ, порождаетъ гибель, а, по моему, скорѣе зудъ дѣйствія губитъ людей. Замѣть это, Дикъ. Но прежде дай мнѣ посмотрѣть, что за скотину ты пригналъ сюда. Сельденъ, запри дверь на цѣпь.

Сэръ Даніэль вышелъ на улицу мѣстечка и при красномъ свѣтѣ факеловъ произвелъ инспекторскій смотръ своимъ войскамъ. Онъ былъ непопуляренъ, какъ сосѣдъ и какъ господинъ, но очень любимъ, какъ вождь, всѣми тѣми, кто слѣдовалъ за его знаменемъ. Его отвага, испытанное мужество, заботливость объ удобствахъ солдатъ, даже грубыя шутки—все это приходилось по вкусу смѣлымъ храбрецамъ его отряда.

— Ну, клянусь Распятіемъ!—крикнулъ онъ.—Что это за жалкій сбродъ! Одни искривлены, какъ лукъ, другіе тонки, какъ копье. Друзья, не послать ли васъ въ передніе ряды во время сраженія? Я не буду экономить васъ, друзья. Покажите-ка мнѣ этого стараго негодяя на пѣгой лошади! Двухлѣтняя овца, ѣдущая на свиньѣ, имѣла бы болѣе воинственный видъ. А, Клипсби, ты здѣсь, старая крыса? Вотъ человѣкъ, котораго я охотно потерялъ бы; ты пойдешь впереди всѣхъ, а на кафтанѣ у тебя будетъ нарисована мишень, чтобы стрѣлки могли лучше цѣлиться; ты будешь указывать мнѣ путь.

— Я укажу вамъ, какой угодно путь, сэръ Даніэль, кромѣ

того, который ведетъ отъ одной партіи къ другой,—смѣло отвѣтилъ Клипсби.

Сэръ Даніэль разразился громкимъ смѣхомъ.

— Хорошо сказано!—крикнулъ онъ.—Языкъ у тебя во рту бойкій. Ну, я прощу тебя за удачное словечко. Сельденъ, посмотри, чтобы накормили его и его скотину.

Рыцарь вернулся въ гостиницу.

— Ну, другъ Дикъ, приступай,—сказалъ онъ.—Вотъ, добрый эль и свиная грудинка. Кушай, пока я буду читать.

Сэръ Даніэль вскрылъ пакетъ и нахмурилъ брови. Прочитавъ письмо, онъ сѣлъ и задумался; потомъ проницательно посмотрѣлъ на своего воспитанника.

— Дикъ,—сказалъ онъ послѣ короткаго раздумья.—Ты читалъ эти скверные стишки?

Юноша отвѣтилъ утвердительно.

— Въ нихъ упоминается имя твоего отца, — продолжалъ рыцарь,—какой-то сумасшедшій обвиняетъ нашего бѣднаго сэра Оливера въ его убійствѣ.

— Онъ горячо отрицалъ это,—замѣтилъ Дикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — очень рѣзко сказалъ рыцарь. — Языкъ у него безъ костей; болтаетъ, словно сорока. Со временемъ, когда я буду посвободнѣе, я самъ разскажу тебѣ объ этомъ подробнѣе, Дикъ. Въ то время сильно подозрѣвали нѣкоего Декуорса; но время было смутное, и нельзя было добиться правосудія.

— Это случилось въ Моотъ-Хаусѣ? — спросилъ Дикъ съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Это случилось между Моотъ-Хаусомъ и Холивудомъ,— спокойно отвѣтилъ сэръ Даніэль; при этомъ, однако, онъ метнулъ искоса мрачный, подозрительный взглядъ на Дика.—А теперь, поторопись съ ѣдой, ты отвезешь въ Тонсталль нѣсколько строчекъ отъ меня.

Выраженіе сильнаго огорченія появилось на лицѣ Дика.

— Пожалуйста, сэръ Даніэль, пошлите кого-нибудь изъ крестьянъ!—вскрикнулъ онъ.—Умоляю васъ, пустите меня въ битву. Обѣщаю вамъ, что сумѣю наносить удары.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ,—отвѣтилъ сэръ Даніэль, садясь и принимаясь за письмо.—Но тутъ, Дикъ, нельзя пріобрѣсти почестей. Я останусь въ Кеттлеѣ, пока не получу вѣр-

ныхъ свѣдѣній о ходѣ войны и тогда поѣду, чтобы присоединиться къ побѣдителю. Не кричи, что это трусость—это только мудрость, Дикъ; бѣдное государство потрясено бунтами; владычество короля и его заточеніе такъ часто смѣняются одно другимъ, что никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Переметныя сумы и вѣтрогоны попадаются на это, а господинъ здравый разумъ сидитъ, поджидая, въ сторонкѣ.

Съ этими словами сэръ Даніэль отвернулся отъ Дика и сталъ писать письмо на другомъ концѣ длиннаго стола, скрививъ ротъ, такъ какъ исторія съ Черной Стрѣлой крѣпко застряла у него въ головѣ.

Молодой Шельтонъ между тѣмъ усердно поглощалъ свой завтракъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то дотронулся до его руки, и чей-то очень нѣжный голосъ прошепталъ ему на-ухо:

— Не подавайте виду, умоляю васъ,—говорилъ этотъ голосъ,—но будьте милосерды, укажите мнѣ прямой путь въ Холивудъ. Умоляю васъ, добрый мальчикъ, утѣшьте бѣдную душу, находящуюся въ опасности и полномъ отчаяніи, и укажите мнѣ путь къ покою.

— Идите по дорожкѣ у вѣтряной мельницы,—также тихо отвѣтилъ Дикъ,—она доведетъ васъ до перевоза черезъ Тиллъ; тамъ спросите снова.

И, не оборачивая головы, онъ снова принялся за ѣду! Но, бросивъ искоса взглядъ, онъ увидѣлъ, что юноша, котораго называли мастеромъ Джономъ, украдкой вышелъ изъ комнаты.

— Да онъ такъ же молодъ, какъ я,—подумалъ Дикъ,—а назвалъ меня «добрымъ мальчикомъ». Знай я, что онъ такъ молодъ, я допустилъ бы скорѣе, чтобы его повѣсили прежде, чѣмъ указалъ бы ему дорогу. Ну, если онъ пойдетъ по болоту, я могу догнать его и надрать ему уши.

Черезъ полчаса сэръ Даніэль далъ Дику письмо и велѣлъ ему отправиться въ Моотъ-Хаусъ какъ можно скорѣе. Черезъ полчаса послѣ отъѣзда Дика прискакалъ, сломя голову, посланный отъ лорда Райзингэма.

— Сэръ Даніэль,—сказалъ посланый,—вы теряете возможность пріобрѣсти большія почести, увѣряю васъ! Битва началась сегодня утромъ до восхода солнца, и мы побили ихъ авангардъ и разсѣяли правое крыло. Предстоитъ уже рѣшительное сраженіе. У васъ свѣжія силы, и вы можете загнать всѣхъ

непріятелей въ рѣку. Какъ, сэръ рыцарь? Неужели вы будете послѣднимъ? Это не послужитъ къ вашей чести.

— Нѣтъ, я только что собирался выступить! — крикнулъ рыцарь.—Сельденъ, труби походъ. Сэръ, черезъ минуту я буду съ вами. Большая часть моего отряда пріѣхала не болѣе двухъ часовъ тому назадъ, г. гонецъ. Что прикажете дѣлать? Пришпоривать—дѣло хорошее, но иногда это убиваетъ коня. Поскорѣе, ребята!

Къ этому времени звукъ трубы весело раздавался въ утреннемъ воздухѣ; люди сэра Даніэля стекались со всѣхъ сторонъ на главную улицу селенія и выстраивались передъ гостиницей. Они спали съ оружіемъ въ рукахъ, съ осѣдланными лошадьми, и черезъ десять минутъ сто человѣкъ солдатъ и стрѣлковъ изъ лука, чисто одѣтыхъ и хорошо дисциплинированныхъ, стояли наготовѣ въ рядахъ. Большинство было въ ливреяхъ сэра Даніэля, темнокраснаго и синяго цвѣта, что придавало имъ нарядный видъ. Впереди ѣхали лучше вооруженные, а вдали, въ хвостѣ колонны, находилось жалкое подкрѣпленіе, явившееся наканунѣ. Сэръ Даніэль съ гордостью оглянулъ ряды своего отряда.

— Вотъ молодцы, которые пригодятся въ затрудненіи,—сказалъ онъ.

— Дѣйствительно, славные люди,—отвѣтилъ посланный.— Тѣмъ печальнѣе, что вы не выпустили ихъ раньше.

— Какъ же иначе?—сказалъ рыцарь.—Все лучшее приберегается къ началу праздника и къ концу стычки.—Онъ сѣлъ на сѣдло.—Это что!—вдругъ крикнулъ онъ.—Джонъ! Джоанна! Клянусь святымъ Распятіемъ! Хозяинъ, гдѣ же дѣвушка?

— Дѣвушка, сэръ Даніэль?—закричалъ въ свою очередь хозяинъ.—Нѣтъ, сэръ, я не видѣлъ никакой дѣвушки.

— Ну, мальчикъ, дуракъ!—закричалъ рыцарь.—Неужели ты не видѣлъ, что это дѣвушка? Ну, та, что была въ темнокрасномъ плащѣ, что нарушила постъ, выпивъ воды, негодяй, гдѣ же она?

— Да помилуютъ насъ всѣ святые! Вы звали ее мастеромъ Джономъ,—сказалъ хозяинъ.—Ну, а мнѣ въ голову ничего не пришло... Онъ уѣхалъ, я видѣлъ его... т. е. ее, я видѣлъ ее въ конюшнѣ, добрый часъ тому назадъ; онъ осѣдлалъ сѣрую лошадь.

— Клянусь Распятіемъ!—вскрикнулъ сэръ Даніэль.—Дѣвушка стоила мнѣ пятьсотъ фунтовъ, если не больше!

— Сэръ рыцарь,—съ горечью замѣтилъ гонецъ,—пока вы здѣсь кричите о пятистахъ фунтахъ, англійское королевство можетъ быть пріобрѣтено или потеряно въ другомъ мѣстѣ.

— Хорошо сказано,—замѣтилъ сэръ Даніэль.—Сельденъ, возьми съ собой шесть стрѣлковъ изъ лука; отыщите мнѣ ее. Все равно, что бы это ни стоило, но чтобы я нашелъ ее по своемъ возвращеніи въ Моотъ-Хаусъ. Ты отвѣчаешь мнѣ за это головой. А теперь выступаемъ, г. гонецъ.

II. На болотѣ.

Было около шести часовъ майскаго утра, когда Дикъ подъѣхалъ къ болоту на обратномъ пути домой. Небо было совершенно синее; веселый вѣтеръ дулъ громко и ровно; колеса вѣтряныхъ мельницъ вертѣлись, а ивы надъ болотомъ колыхались и бѣлѣли, словно нива. Дикъ провелъ цѣлую ночь въ сѣдлѣ, но у него было хорошее сердце и здоровое тѣло, поэтому онъ продолжалъ ѣхать очень весело.

Дорожка спускалась все ниже и ниже къ болоту, пока онъ не потерялъ изъ виду всѣхъ отличительныхъ примѣтъ, кромѣ вѣтряной мельницы въ Кеттлеѣ на холмѣ позади и верхушекъ тонсталльскаго лѣса далеко впереди.

Съ обѣихъ сторонъ тянулись большія поля, покрытыя, колеблемымъ вѣтромъ, тростникомъ и ивами, лужи воды, волновавшейся отъ вѣтра, и измѣнническія, зеленыя, какъ изумрудъ, топи, завлекавшія путешественника и обманывавшія его. Дорожка шла почти прямо черезъ болото. Она была очень древняя; ее проложили еще римскіе солдаты; съ теченіемъ времени она опустилась во многихъ мѣстахъ и лежала тамъ и сямъ подъ стоячими водами болота.

Приблизительно въ милѣ отъ Кеттлея Дикъ подъѣхалъ къ такому мѣсту дорожки, гдѣ разбросанные, въ видѣ островковъ, тростники и ивы сбивали съ толку путешественника. Къ тому же глубокая вообще топь въ этомъ мѣстѣ была глубже, чѣмъ въ другихъ; всякій незнакомый съ этимъ мѣстомъ легко могъ попасть въ бѣду, и Дикъ съ нѣкоторымъ угрызеніемъ совѣсти вспомнилъ объ юношѣ, которому онъ далъ такія неясныя указа-

нія. Что касается до него самого, то одного взгляда назадъ, туда, гдѣ вертѣвшіяся крылья вѣтряной мельницы чернѣлись на синемъ небѣ, другого впередъ на верхушки тонсталльскаго лѣса было совершенно достаточно для того, чтобы ѣхать прямо и спокойно, словно по большой дорогѣ, хотя вода омывала ноги его лошади по колѣни.

На полдорогѣ, когда онъ уже увидѣлъ сухую дорожку, подымавшуюся высоко на другой сторонѣ, онъ вдругъ услышалъ сильный всплескъ воды направо отъ себя и замѣтилъ сѣрую лошадь, провалившуюся по брюхо въ тину и отчаянно бившуюся. Какъ будто почувствовавъ приближеніе помощи, бѣдное животное бѣшено заржало. Конь поводилъ налившимися кровью, обезумѣвшими отъ ужаса глазами; онъ барахтался въ трясинѣ, и тучи насѣкомыхъ подымались въ воздухѣ и жужжали надъ нимъ.

— Увы!—подумалъ Дикъ.—Неужели бѣдный юноша погибъ? Это, навѣрно, его славный сѣрый конь. Ну, товарищъ, ты зовешь меня такъ жалостно, что я сдѣлаю все возможное человѣку, чтобы помочь тебѣ. Не оставлю тебя тонуть дюймъ за дюймомъ!

Онъ натянулъ арбалетъ и пустилъ стрѣлу въ голову животнаго.

Дикъ поѣхалъ дальше уже не съ прежней веселостью послѣ этого грубаго акта милосердія. Онъ пристально вглядывался во окружающее, ища слѣдовъ своего менѣе счастливаго предшественника.

— Если бы я смѣлъ какъ слѣдуетъ указать ему дорогу...,—подумалъ онъ.—А теперь онъ, пожалуй, погибъ въ болотѣ.

Только что онъ подумалъ это, какъ чей-то голосъ окликнулъ его со стороны плотины, и, обернувшись, онъ увидѣлъ лицо мальчика, выглядывавшее изъ-за тростника.

— Вы здѣсь? — сказалъ онъ, останавливая лошадь. — Вы лежали среди тростника такъ, что я замѣтилъ васъ когда проѣхалъ мимо. Я видѣлъ вашу лошадь — ее затянуло въ трясину — и я избавилъ ее отъ мученій. Право, вы должны были бы сами сдѣлать это, если бы были милосердымъ всадникомъ. Но выходите изъ своего убѣжища. Тутъ никто не потревожитъ васъ.

— Добрый мальчикъ, у меня нѣтъ оружія, да если бы и было,

то я не умѣю управляться съ нимъ,—отвѣтилъ юноша, выходя на дорожку.

— Зачѣмъ вы называете меня «мальчикомъ»?—крикнулъ Дикъ.—Я не думаю, чтобы вы были старшимъ изъ насъ двухъ.

— Добрый мастеръ Шельтонъ,—сказалъ незнакомецъ,—пожалуйста, простите меня. У меня не было ни малѣйшаго желанія обидѣть васъ. Скорѣе я буду молить васъ о добротѣ и милости, потому что мнѣ приходится теперь хуже, чѣмъ когда-нибудь, такъ какъ я потерялъ дорогу, плащъ и мою бѣдную лошадь. У меня есть хлыстъ и шпоры, а нѣтъ лошади, на которой можно было бы сидѣть! А главное,—прибавилъ онъ, грустно оглядывая свою одежду, — главное, непріятно быть такѣ страшно выпачканнымъ!

— Вздоръ!—крикнулъ Дикъ.—Неужели обращать вниманіе на то, что выкупался? Кровь изъ раны, или пыль отъ путешествія—все это только украшаетъ мужчину.

— Ну, тогда онъ нравится мнѣ больше некрасивымъ,—замѣтилъ юноша.—Но, пожалуйста, скажите, что мнѣ дѣлать? Помогите мнѣ совѣтомъ, добрый мастеръ Ричардъ. Если я не доберусь благополучно до Холивуда, то я погибъ.

— Ну,—сказалъ Дикъ, сходя съ лошади.—Я дамъ тебѣ кое-что лучше совѣта. Возьми-ка мою лошадь, а я побѣгу рядомъ; когда я устану, мы перемѣнимся; такимъ образомъ, бегомъ и пѣшкомъ мы скоро доберемся до нашей цѣли.

Дикъ остановилъ свою лошадь. Мальчикъ сѣлъ на нее, и они отправились впередъ настолько скоро, насколько позволяла неровная плотина. Дикъ шелъ рядомъ съ лошадью, положа руку на колѣно всадника.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Дикъ.

— Зови меня Джономъ Мэтчемъ,—отвѣтилъ юноша.

— А что ты дѣлаешь въ Холивудѣ?—продолжалъ Дикъ.

— Ищу убѣжища отъ притѣсняющаго меня человѣка,—былъ отвѣтъ.—Добрый аббатъ Холивудскій—сильная опора слабыхъ.

— А какъ же ты очутился съ сэромъ Даніэлемъ, мастер. Мэтчемъ?—продолжалъ разспрашивать Дикъ.

— Благодаря насилію!—сказалъ юноша.—Онъ взялъ меня силой изъ моего дома; одѣлъ въ эту одежду; заставилъ ѣхать, пока мнѣ не сдѣлалось дурно; насмѣхался такъ, что я чуть не заплакалъ; а когда нѣкоторые изъ моихъ друзей погнались, чтобы

отнять меня, онъ поставилъ меня въ заднiй рядъ такъ, чтобы ихъ выстрѣлы могли попасть въ меня! Я даже былъ контуженъ въ ногу и хромаю. Ну, да настанетъ день суда надъ нимъ, поплатится онъ за все!

— Неужели ты думаешь, что изъ маленькаго ружья можно выстрѣлить въ луну?—сказалъ Дикъ.—Онъ храбрый рыцарь, и рука у него желѣзная. Если онъ узнаетъ, что я устроилъ твой побѣгъ или принялъ участiе въ немъ, мнѣ плохо придется.

— Ахъ, бѣдный мальчикъ,—возразилъ юноша,—я знаю, что онъ твой опекунъ. И мой также, по его словамъ, или онъ купилъ право на устройство моего брака—не знаю хорошенько, но только у него есть какой-то поводъ имѣть власть надо мной.

— Опять «мальчикъ»!—сказалъ Дикъ.

— Ну, такъ звать мнѣ тебя дѣвочкой, добрый Ричардъ?—спросилъ Мэтчемъ.

— Только не дѣвочкой,—возразилъ Дикъ.—Я ненавижу всѣхъ ихъ.

— Ты говоришь, какъ мальчикъ, — замѣтилъ его спутникъ.—А думаешь о нихъ больше, чѣмъ сознаешься.

— Ну, ужъ нѣтъ,—рѣшительно проговорилъ Дикъ.—Онѣ и въ голову не приходятъ мнѣ. Чортъ ихъ побери! Дайте мнѣ охотиться, сражаться, пировать и жить съ веселыми жителями лѣсовъ! Я никогда не слыхалъ, чтобы дѣвушка могла быть годна на что-либо, впрочемъ... кромѣ одной; да и ее, бѣдняжку, сожгли, какъ вѣдьму, за то, что она, противно природѣ, носила мужское платье.

Мастеръ Мэтчемъ набожно перекрестился и, повидимому, прочелъ молитву.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ Дикъ.

— Я молюсь за ея душу,—отвѣтилъ Мэтчемъ.

— За душу вѣдьмы?—вскрикнулъ Дикъ.—Впрочемъ, помолись за нее, если угодно; она была лучшая дѣвушка въ Европѣ, эта Iоанна д'Аркъ. Старый стрѣлокъ Апплъярдъ разсказывалъ, что онъ бѣжалъ отъ нея, какъ отъ нечистой силы. Да, она была храбрая дѣвушка.

— Ну, добрый мастеръ Ричардъ,—вернулся Мэтчемъ къ прежнему разговору, — ты не настоящiй мужчина, если такъ сильно не любишь дѣвушекъ; потому что Богъ нарочно создалъ

ихъ попарно и послалъ въ міръ истинную любовь для ободренія мужчинъ и утѣшенія женщинъ.

— Фу!—сказалъ Дикъ.—Ты—ребенокъ, молокососъ, что обращаешь такое вниманіе на женщинъ. А если ты считаешь, что я не настоящій мужчина, то сойди на дорогу, и я докажу на твоемъ тѣлѣ, что я мужчина, чѣмъ угодно: кулаками, мечомъ или стрѣлой.

— Я вовсе не боецъ,—поспѣшно проговорилъ Мэтчемъ.— Я не хотѣлъ обидѣть тебя. Я просто пошутилъ. Если же я заговорилъ о женщинахъ, то потому, что слышалъ, будто ты женишься.

— Я женюсь!—вскрикнулъ Дикъ.—Въ первый разъ слышу это! А на комъ же я женюсь?

— На нѣкоей Джоаннѣ Седлей,—краснѣя, проговорилъ Мэтчемъ.—Это дѣло рукъ сэра Даніэля; за устройство этой свадьбы онъ разсчитываетъ получить съ обѣихъ сторонъ. А я слышалъ, что бѣдная дѣвушка страшно огорчена мыслью объ этомъ бракѣ. Она, кажется, раздѣляетъ твое мнѣніе, а можетъ быть, женихъ непріятенъ ей.

— Ну, бракъ, что смерть, отъ него не уйдешь, — покорно проговорилъ Дикъ.—А она огорчается? Ну, посуди самъ, что за вѣтренницы эти дѣвушки, огорчается раньше, чѣмъ увидѣла меня? Отчего же я не огорчаюсь? Если я буду жениться, то уже съ сухими глазами! Но если ты знаешь ее, то скажи, какова она? Красива или некрасива? Дурного характера или хорошаго?

— А зачѣмъ тебѣ это?—сказалъ Мэтчемъ.—Если тебѣ надо жениться, то и женись. Не все ли равно, красива она или некрасива? Вѣдь это пустяки. Ты не молокососъ, мастеръ Ричардъ; вѣдь ты женишься, не проронивъ ни слезинки.

— Хорошо сказано,—замѣтилъ Шельтонъ.—Мнѣ это рѣшительно все равно.

— Пріятный мужъ будетъ у твоей жены,—сказалъ Мэтчемъ.

— У нея будетъ такой мужъ, какого пошлетъ ей Господь,—возразилъ Дикъ.—Я думаю, бываютъ и худшіе, и лучшіе.

— Ахъ, бѣдная дѣвушка!—вскрикнулъ Джонъ.

— Почему ужъ такая бѣдная?—спросилъ Дикъ.

— Да потому, что ей придется выходить за человѣка, сдѣ-

лапнаго изъ дерева,—отвѣтилъ его товарищъ.—О, Боже мой. такой деревянный мужъ!

— А вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ изъ дерева,—сказалъ Дикъ,—потому что плетусь пѣшкомъ, а ты ѣдешь на моей лошади; но я думаю, что, если я изъ дерева, то изъ хорошаго.

— Прости меня, добрый Дикъ,—живо проговорилъ юноша.— Нѣтъ, ты добрѣйшій человѣкъ въ Англіи. Я только пошутилъ. Прости меня, милый Дикъ.

— Ну, безъ глупостей, — возразилъ Дикъ, нѣсколько смущенный горячностью своего товарища.—Ничего дурного не вышло. Я не обидчивъ, хвала святымъ.

Въ эту минуту вѣтеръ, дувшій имъ въ спину, донесъ до нихъ рѣзкіе звуки трубы сэра Даніэля.

— Слушай!—сказалъ Дикъ.—Это звучитъ труба.

— Ахъ!—сказалъ Мэтчемъ.—Мое бѣгство открыто, а у меня нѣтъ лошади!—и онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Ну, смѣлѣе!—сказалъ Дикъ.—Ты сильно обогналъ ихъ, а мы уже близко къ перевозу. А вотъ у меня такъ, дѣйствительно, нѣтъ лошади.

— Увы, меня поймаютъ!—кричалъ бѣглецъ.—Дикъ, добрый Дикъ, умоляю тебя, помоги мнѣ!

— Ну, что такое съ тобой?—сказалъ Дикъ.—Мнѣ кажется, я помогаю тебѣ очень усердно. Но мнѣ жаль такого трусливаго малаго! Ну, такъ, слушай же, Джонъ Мэтчемъ,—если твое имя, дѣйствительно, Джонъ Мэтчемъ,—я, Ричардъ Шельтонъ, будь, что будетъ, во что бы то ни стало, доставлю тебя невредимымъ въ Холивудъ. Пусть святые поступятъ со мной такъ же, если я покину тебя. Ну, ободрись-ка, блѣднолицый сэръ. Дорога здѣсь лучше; пришпорь лошадь. Быстрѣе! Быстрѣе! Не обращай вниманія на меня; я могу бѣжать, какъ олень.

Лошадь бѣжала крупной рысью; Дикъ легко поспѣвалъ за ней. Такимъ образомъ, они проѣхали остальную часть болота и добрались до хижины перевозчика на берегу рѣки.

III. Перевозъ у болота.

Широкая, медленно струившаяся рѣка Тилль, съ глинистымъ русломъ, вытекала изъ болотъ и въ этой части своего теченія вилась среди десятковъ двухъ болотистыхъ островковъ, поросшихъ ивами.

Рѣка была мутная, но въ это свѣтлое, чудное утро все казалось прекраснымъ. На поверхности ея виднѣлась сильная рябь, а небо отражалось улыбающимися, разорванными кусками голубого цвѣта.

У самой дорожки была маленькая бухта; хижина перевозчика пріютилась подъ самымъ берегомъ. Она была построена изъ вѣтвей и глины; зеленая трава росла на крышѣ.

Дикъ подошелъ къ двери и отперъ ее. Внутри хижины на старомъ, рваномъ, коричневомъ плащѣ растянулся перевозчикъ, человѣкъ большого роста, но худой и изнуренный мѣстной лихорадкой.

— Э, мастеръ Шельтонъ,—сказалъ онъ, — вы собираетесь переѣхать на ту сторону? Плохія времена, плохія времена! Берегитесь. Тутъ разгуливаютъ молодцы изъ одной шайки. Поверните лучше пятки и попробуйте пробраться по мосту.

— Нѣтъ; въ сѣдлѣ скорѣе,—отвѣтилъ Дикъ.—Время не терпитъ, Гугъ. Я очень тороплюсь.

— Своенравный малый!—сказалъ, вставая, перевозчикъ.— Счастливы вы, если вамъ удастся добраться до Моотъ-Хауса, больше я ничего не скажу. Кто это?—прибавилъ онъ, замѣтивъ Мэтчема и, прищуривъ глаза, остановился на порогѣ своей хижины.

— Это мой родственникъ, мастеръ Мэтчемъ, — отвѣтилъ Дикъ.

— Здравствуй, добрѣйшій перевозчикъ, — сказалъ Мэтчемъ, который сошелъ съ лошади и подошелъ къ разговаривавшимъ, ведя лошадь за поводъ;—пожалуйста, спусти лодку, мы очень торопимся.

Худой перевозчикъ продолжалъ пристально смотрѣть на него.

— Клянусь мессой!—наконецъ, крикнулъ онъ и расхохотался во все горло.

Мэтчемъ вспыхнулъ до ушей и нахмурился. Дикъ съ разгнѣваннымъ лицомъ положилъ руку на шею невѣжи.

— Это что такое, грубіянъ! — крикнулъ онъ. — Займись своимъ дѣломъ и перестань насмѣхаться надъ людьми повыше тебя!

Гугъ ворча отвязалъ свою лодку и спустилъ ее въ глубокую воду, недалеко отъ берега. Дикъ ввелъ лошадь въ бухту; Мэтчемъ послѣдовалъ за нимъ.

— Вы очень ужъ малы, мастеръ,—сказалъ Гугъ, осклабивъ зубы,—вѣроятно, для васъ была сдѣлана отдѣльная мѣрка. Ну, мастеръ Шельтонъ, я готовъ,—прибавилъ онъ, берясь за весла.—И кошка можетъ смотрѣть на короля. Я только мелькомъ взглянулъ на мастера Мэтчема.

— Ни слова болѣе, негодяй!—сказалъ Дикъ.—Принимайся за дѣло.

Къ этому времени они были у выхода изъ бухты, откуда открывался видъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, на которой повсюду были разбросаны островки. Глинистые берега вдавались въ рѣку; ивы кивали своими верхушками, тростникъ колебался по вѣтру. На всемъ водномъ лабиринтѣ не было видно ни признака присутствія человѣка.

— Мастеръ,—сказалъ Гугъ, правя лодкой однимъ весломъ.—Я сильно подозрѣваю, что на островѣ находится Джонъ-а-Феннъ. Онъ питаетъ злобу ко всѣмъ, кто имѣетъ отношеніе къ сэру Даніэлю. Что, если бы подняться по рѣкѣ? Я высадилъ бы васъ на разстояніи полета стрѣлы надъ дорожкой. Вамъ лучше не имѣть дѣла съ Джономъ Фенномъ.

— Почему? Развѣ онъ принадлежитъ къ этой шайкѣ?

— Ну, я молчу,—сказалъ Гугъ,—но я поднялся бы вверхъ по водѣ, Дикъ. Что, если какая-нибудь стрѣла да попадетъ въ мастера Мэтчема?—и онъ снова расхохотался.

— Пусть будетъ по твоему, Гугъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— Ну, такъ смотрите, — сказалъ Гугъ, — когда такъ, снимите-ка свой арбалетъ, вотъ такъ: теперь натяните тетиву хорошо; положите стрѣлу. Ну, держите и смотрите на меня посуровѣе.

— Что это значитъ?—спросилъ Дикъ.

— Ну, мой мастеръ, если я перевезу васъ, то долженъ сдѣлать это только насильно или со страху, — отвѣтилъ перевозчикъ,—потому что, если Джонъ Феннъ узнаетъ объ этомъ, то сосѣдство его будетъ крайне непріятно мнѣ.

— Развѣ эти негодяи имѣютъ такую силу? — спросилъ Дикъ.—Развѣ они распоряжаются и паромомъ и лодкой сэра Даніэля?

— Ну,—шепнулъ, подмигивая, Гугъ,—замѣтьте мои слова! Сэръ Даніэль падетъ. Его время прошло. Онъ падетъ. Молчаніе.—И онъ нагнулся надъ веслами.

Они долго плыли по рѣкѣ, обогнули мысъ одного изъ острововъ и тихо спустились по узкому каналу вблизи противоположнаго берега. Тутъ Гугъ направилъ лодку на средину рѣки.

— Я долженъ спустить васъ здѣсь, между ивъ, — сказалъ онъ.

— Тутъ нѣтъ тропинки; тутъ только болота, покрытыя ивами, да трясины,—замѣтилъ Дикъ.

— Мастеръ Шельтонъ,—отвѣтилъ Гугъ,—я не смѣю везти васъ дальше, ради васъ самихъ. Онъ караулитъ у перевоза съ лукомъ наготовѣ. Онъ подстрѣливаетъ, какъ кроликовъ, всѣхъ, кто идетъ мимо, если они расположены къ сэру Даніэлю. Я слышалъ, какъ онъ клялся Распятіемъ. Не знай я васъ издавна, когда вы были вотъ такимъ, я не повезъ бы васъ; но ради прежнихъ дней и потому, что съ вами игрушка, не годящаяся ни для ранъ, ни для войны, я рискнулъ обоими моими ушами, чтобы перевезти васъ. Удовольствуйтесь этимъ; больше я ничего не могу сдѣлать, клянусь спасеніемъ моей души!

Гугъ еще говорилъ, налегая на весла, когда среди ивъ на островѣ раздался громкій крикъ, и послышался шумъ, какъ будто сильный человѣкъ пробирался сквозь чащу лѣса.

— Чтобъ тебѣ издохнуть!—крикнулъ Гугъ.—Онъ былъ все это время на верхнемъ островѣ.—Онъ направилъ лодку прямо къ берегу.—Грози мнѣ лукомъ, добрый Дикъ; грози такъ, чтобы это было видно, — прибавилъ онъ. — —Я старался спасти ваши шкуры, спаси теперь мою.

Лодка съ трескомъ влетѣла въ чащу ивъ. Мэтчемъ, блѣдный, но рѣшительный и проворный, пробѣжалъ, по знаку Дика, по камнямъ и выскочилъ на берегъ. Дикъ взялъ лошадь за поводъ и хотѣлъ послѣдовать его примѣру, но застрялъ въ чащѣ, благодаря величинѣ животнаго и густотѣ деревьевъ. Лошадь ржала и била ногами, а лодка, колыхавшаяся отъ прибоя, закачалась еще сильнѣе.

— Нельзя, Гугъ, нельзя пристать тутъ! — крикнулъ онъ, продолжая, однако, отважно бороться съ упрямой чащей и испуганнымъ животнымъ.

На берегу острова показался высокій человѣкъ съ лукомъ въ рукѣ. Дикъ искоса взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ съ трудомъ натягивалъ тетиву. Лицо его раскраснѣлось отъ волненія.

— Кто идетъ?—громко закричалъ онъ.—Гугъ, кто идетъ?

— Это мастеръ Шельтонъ, Джонъ,—отвѣтилъ перевозчикъ.

— Стой, Дикъ Шельтонъ! — крикнулъ человѣкъ на островѣ.—Я не сдѣлаю тебѣ вреда, клянусь Распятіемъ! Стой! Отъѣзжай, Гугъ!

Дикъ отвѣтилъ насмѣшкой.

— Ну, тогда ты пойдешь пѣшкомъ,—отвѣтилъ незнакомецъ и пустилъ стрѣлу.

Пораженная стрѣлой, лошадь забилась отъ боли и ужаса; лодка опрокинулась, и въ одно мгновеніе всѣ сидѣвшіе въ ней очутились въ рѣкѣ, борясь съ теченіемъ.

Когда Дикъ выплылъ на поверхность воды, онъ былъ на разстояніи ярда отъ берега; прежде чѣмъ онъ могъ ясно разглядѣть что-нибудь, онъ ухватился за какой-то твердый предметъ, который сейчасъ же потащилъ его за собою. Это былъ хлыстъ, ловко брошенный ему Мэтчемомъ, повисшимъ на спустившейся надъ водой ивой.

— Клянусь мессой!—сказалъ Дикъ, когда Мэтчемъ помогъ ему выбраться на берегъ.—Я обязанъ тебѣ жизнью. Я плаваю, какъ ядро.—И онъ сейчасъ же направился къ острову.

Гугъ плылъ рядомъ со своей опрокинутой лодкой и былъ уже на срединѣ рѣки; Джонъ-а-Феннъ, въ гнѣвѣ на неудачу выстрѣла, кричалъ, чтобы онъ поторопился.

— Ну, Джекъ, побѣжимъ,—сказалъ Шельтонъ.—Прежде чѣмъ Гугу удастся вытащить свою лодку и обоимъ имъ привести ее въ порядокъ, мы можемъ убѣжать отъ нихъ.

И, потверждая слова примѣромъ, онъ побѣжалъ, пробираясь между ивъ, а въ болотистыхъ мѣстахъ перескакивая съ кочки на кочку. Ему некогда было разсматривать, куда онъ бѣжитъ; онъ думалъ только о томъ, какъ убѣжать подальше отъ рѣки и вложилъ въ бѣгъ всѣ силы своей души.

Наконецъ, поверхность начала подыматься, что убѣдило Дика въ вѣрности принятаго имъ направленія; вскорѣ товарищи добрались до покрытаго травой склона; тутъ ивы стали перемѣшиваться съ вязами.

Вдругъ Мэтчемъ, который все время тащился вдали, бросился на землю.

— Оставь меня, Дикъ!—задыхаясь, крикнулъ онъ.—Я не могу больше.

Дикъ обернулся и подошелъ къ лежавшему товарищу.

— Какъ, Джекъ... оставить тебя!—сказалъ онъ.—Это было бы подло съ моей стороны послѣ того, какъ ты рисковалъ попасться подъ выстрѣлъ, выкупаться въ рѣкѣ и даже утонуть, чтобы спасти мою жизнь. Да, утонуть, потому что только святымъ извѣстно, почему я не утащилъ тебя за собой.

— Ну,—сказалъ Мэтчемъ,—я спасъ бы обоихъ, потому что умѣю плавать.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Дикъ, широко раскрывая глаза. Это былъ единственный изъ мужскихъ талантовъ, къ которому онъ былъ совершенно не способенъ. Въ ряду талантовъ, которыми онъ восхищался, умѣнье плавать стояло на второмъ мѣстѣ послѣ умѣнья убить противника на поединкѣ.—Вотъ,—сказалъ онъ,—хорошій урокъ: не слѣдуетъ презирать ни одного человѣка. Я обѣщался охранять тебя до самаго Холивуда, а клянусь Распятіемъ, Джекъ, ты скорѣе можешь охранять меня.

— Ну, Дикъ, мы теперь друзья съ тобой,—сказалъ Мэтчемъ.

— Да мы никогда и не были недругами,—отвѣтилъ Дикъ.—Ты въ своемъ родѣ хорошій мальчикъ, хотя нѣсколько похожъ на бабу. Я никогда не встрѣчалъ никого, кто походилъ бы на тебя. Но, пожалуйста, переведи духъ и пойдемъ дальше. Тутъ не мѣсто для болтовни.

— У меня очень болитъ нога,—сказалъ Мэтчемъ.

— Да, я забылъ о твоей ногѣ, — отвѣтилъ Дикъ — Ну, значитъ, намъ надо итти осторожнѣе. Хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ мы. Я совершенно потерялъ тропинку; впрочемъ, можетъ быть, это и лучше. Если стерегутъ у перевоза, то, моможетъ быть, стерегутъ и тропинку. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы сэръ Даніэль вернулся сюда съ сорока людьми; онъ разметалъ бы этихъ негодяевъ, какъ вѣтеръ разсѣиваетъ листья. Ну, Джекъ, обопрись о мое плечо, бѣдняга. Нѣтъ, ты недостаточно высокъ для этого. Сколько тебѣ лѣтъ? Готовъ побиться о закладъ, двѣнадцать?

— Нѣтъ, мнѣ шестнадцать,—сказалъ Мэтчемъ.

— Ну, ты малъ для своихъ лѣтъ,—отвѣтилъ Дикъ.—Возьми мою руку. Мы пойдемъ тихо, не бойся. Я обязанъ тебѣ жизнью, Джекъ, а я умѣю одинаково хорошо отплачивать за добро, какъ и за зло.

Они стали подыматься по откосу.

— Рано или поздно мы должны выйти на дорогу,—продолжалъ Дикъ,—и тогда двинемся впередъ. Клянусь мессой! Какая

Пораженная стрѣлою лошадь забилась отъ боли...

у тебя слабая рука, Джекъ! Я бы стыдился, если бы у меня была такая рука. Знаешь, что я скажу тебѣ?—съ внезапнымъ смѣхомъ проговорилъ онъ. — Клянусь мессой, мнѣ кажется, что Гугъ-перевозчикъ принялъ тебя за дѣвушку!

— Нѣтъ, не можетъ быть!—вскрикнулъ Мэтчемъ, сильно краснѣя.

— А я готовъ побиться о закладъ, что это такъ!—настаивалъ Дикъ.—Да и нельзя винить его. Ты болѣе похожъ на дѣвушку, чѣмъ на мужчину. Больше скажу тебѣ: для мальчика у тебя странный видъ, а для дѣвушки, Джекъ, ты былъ бы совсѣмъ красивъ, право. Ты былъ бы хорошенькой дѣвушкой.

— Ну,—сказалъ Мэтчемъ,—вѣдь ты отлично знаешь, что я не дѣвушка.

— Да, знаю, я шучу,—сказалъ Дикъ.—Ты будешь настоящимъ мужчиной, мой храбрый. Смотри, еще какіе совершишь подвиги.

А знаешь что? Мнѣ было бы ужасно любопытно узнать, кто изъ насъ, Джекъ, будетъ первымъ посвященъ въ рыцари? «Сэръ Ричардъ Шельтонъ, рыцарь»—это красиво звучитъ. Но и «сэръ Джонъ Мэтчемъ» звучитъ недурно.

— Пожалуйста, Дикъ, остановись, дай мнѣ напиться,—сказалъ его пріятель, останавливаясь у свѣтлаго ручейка, вытекавшаго изъ холма прямо въ песчаное углубленіе, величиной не болѣе кармана.—И... о, Дикъ, если бы я могъ поѣсть чего-нибудь! У меня даже сердце болитъ отъ голода.

— Да что ты не поѣлъ что ли въ Кеттлеѣ, дурачокъ?—спросилъ Дикъ.

— Я далъ обѣтъ. Я былъ введенъ въ грѣхъ,—пробормоталъ Мэтчемъ,—но теперь я съ жадностью поѣлъ бы сухого хлѣба.

— Такъ садись и ѣшь,—сказалъ Дикъ,—покуда я пойду разыскивать дорогу.

Онъ вынулъ изъ-за пояса сумку, въ которой былъ хлѣбъ и куски копченой свиной грудинки. Мэтчемъ съ жадностью набросился на ѣду, а Дикъ пошелъ въ чащу деревьевъ.

Нѣсколько дальше была лощинка, гдѣ ручеекъ пробивался среди сухихъ листьевъ; еще дальше деревья становились выше и стояли на большемъ разстояніи другъ отъ друга; ива и вязъ стали замѣняться дубомъ и букомъ. Безпрерывный шелестъ листьевъ деревьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, заглушалъ звуки его шаговъ; эти звуки представляли для слуха то же, что безлунная ночь для глаза, но Дикъ все же шелъ чрезвычайно осторожно, прокрадываясь отъ одного толстаго ствола дерева къ другому и зорко оглядываясь по сторонамъ. Внезапно, въ заросли передъ

нимъ промелькнула лань, словно тѣнь. Онъ остановился въ гнѣвѣ на несчастную случайность. Эта часть лѣса была, навѣрно, пустынна, но теперь, когда бѣдная лань побѣжала, она являлась какъ бы вѣстникомъ, посланнымъ имъ, чтобы предупредить о своемъ приходѣ, и, вмѣсто того, чтобы идти дальше, Дикъ вернулся къ ближайшему высокому дереву и сталъ быстро взбираться на него.

Счастье улыбнулось ему. Дубъ, на который онъ влѣзъ, былъ однимъ изъ самыхъ высокихъ въ этой части лѣса и возвышался надъ своими сосѣдями на шесть футовъ съ половиною.

Когда Дикъ добрался до самаго высокаго развѣтвленія и повисъ тамъ, раскачиваясь съ головокружительной быстротой на сильномъ вѣтру, онъ увидѣлъ за собой всю болотистую равнину вплоть до Кеттлей и Тилль, извивавшійся среди лѣсистыхъ островковъ, а впереди бѣлую линію большой дороги, проходившую по лѣсу. Лодка была поднята—теперь она была на половинѣ пути къ перевозу. Но за этимъ исключеніемъ не было ни признака присутствія человѣка, не слышно ничего, кромѣ шума вѣтра. Онъ только что собирался спуститься съ дерева, какъ, бросивъ послѣдній взглядъ, увидѣлъ рядъ точекъ посреди болота. Очевидно, какой-то маленькій отрядъ переходилъ плотину быстрымъ шагомъ; это нѣсколько встревожило Дика; онъ быстро спустился и вернулся къ своему товарищу.

IV. Лѣсные удальцы.

Между тѣмъ Мэтчемъ отдохнулъ и ожилъ. Пріятели, окрыленные тѣмъ, что видѣлъ Дикъ, поспѣшно прошли остальную часть лѣса, безпрепятственно перешли черезъ дорогу и начали подыматься на возвышенность, на которой былъ расположенъ Тонсталльскій лѣсъ. Вездѣ попадались рощи, между которыми виднѣлись мѣста, поросшія верескомъ, дрокомъ, песчаныя и покрытыя старыми тисами. Почва становилась все болѣе неровной; постоянно встрѣчались углубленія и кочки. И съ каждымъ шагомъ выше вѣтеръ дулъ все болѣе рѣзко, а деревья гнулись подъ его порывами, словно лесы удочекъ.

Бѣглецы только что вышли на одну изъ полянокъ, какъ Дикъ внезапно бросился на землю, уткнувъ лицо въ терновникъ, и медленно поползъ назадъ подъ тѣнь чащи. Мэтчемъ, хотя и сильно

удивленный, такъ какъ не видѣлъ причины бѣгства, послѣдовалъ примѣру товарища. Только тогда, когда оба добрались до гостепріимной чащи, онъ повернулся и попросилъ объясненія.

Вмѣсто отвѣта Дикъ показалъ пальцемъ.

Въ дальнемъ концѣ лужайки, высоко возвышаясь надъ всѣмъ сосѣднимъ лѣсомъ, старая ель отчетливо выдѣлялась на свѣтломъ небѣ своей мрачной зеленью. Футовъ на пятьдесятъ отъ земли стволъ росъ прямо, напоминая массивную колонну. На этой вышинѣ онъ развѣтвлялся на два огромныхъ сука; въ ихъ развѣтвленіи, словно мачта на кораблѣ, стоялъ человѣкъ въ зеленой одеждѣ, зорко вглядывавшійся во всѣ стороны. Солнце ярко освѣщало его волосы; одной рукой онъ прикрывалъ глаза и въ то же время медленно покачивалъ головой то въ одну сторону, то въ другую съ правильностью машины.

Мальчики переглянулись.

— Попробуемъ итти налѣво, — сказалъ Дикъ, — мы чуть было не попались, Джекъ.

Черезъ десять минутъ они вышли на проторенную дорожку.

— Я не знаю этой части лѣса,—замѣтилъ Дикъ.—Куда-то ведетъ эта дорожка?

— Попробуемъ все-таки пойти по ней,—сказалъ Мэтчемъ.

Чрезъ нѣсколько ярдовъ дорожка дошла до вершины хребта и стала круто спускаться къ впадинѣ, напоминавшей своей формой чашу. У подножія холма, среди густой чащи цвѣтущаго боярышника, двѣ или три крыши съ раскрытыми стропилами, какъ бы почернѣвшими отъ огня, и высокая труба указывали развалины дома.

— Что бы это могло быть?—шепнулъ Мэтчемъ.

— Клянусь мессой, не знаю,—отвѣтилъ Дикъ.—Я совершенно потерялся. Но все же идемъ смѣло впередъ.

Съ бьющимися сердцами они спустились среди кустовъ боярышника. По временамъ имъ попадались слѣды недавней культуры; фруктовыя деревья и огородныя овощи росли въ дикомъ видѣ въ рощѣ; солнечные часы валялись на травѣ; пріятелямъ казалось, что тутъ былъ прежде садъ. Подойдя еще немного, они очутились передъ развалинами какого-то дома.

Должно быть, домъ былъ нѣкогда красивый и крѣпко выстроенный. Онъ былъ обнесенъ сухимъ рвомъ, заполненнымъ въ данную минуту обломками камней; вмѣсто моста, перекинулось

упавшее бревно. Двѣ заднія стѣны дома еще стояли, и лучи солнца пробивались сквозь пустыя окна; но остальная часть зданія рухнула и лежала въ грудѣ развалинъ, почернѣвшихъ отъ огня. Нѣсколько кустиковъ растеній уже зеленѣли внутри, между щелями.

— Я вспомнилъ,—прошепталъ Дикъ,—это, должно быть, Гримстонъ. Онъ принадлежалъ нѣкоему Симону Мельсбери; сэръ Даніэль былъ причиной его гибели! Беннетъ Хэтчъ сжегъ домъ пять лѣтъ тому назадъ. По правдѣ сказать, мнѣ было очень жалко, такъ какъ домъ былъ очень красивъ.

Внизу, во впадинѣ, куда не достигалъ вѣтеръ, было тихо и тепло; Мэтчемъ положилъ руку на плечо Дика и поднялъ палецъ въ знакъ предостереженія.

— Тсъ!—сказалъ онъ.

Какой-то странный звукъ нарушилъ тишину. Онъ повторился два раза прежде, чѣмъ слушатели уяснили себѣ его происхожденіе. То прочищалъ горло какой-то толстякъ. Немедленно за этимъ хриплый, нескладный голосъ запѣлъ:

«И всталъ тогда хозяинъ, король всѣхъ сорванцовъ,
И молвилъ: «Что вамъ надо среди этихъ лѣсовъ?»
А Гамелинъ отвѣтилъ—онъ не бывалъ смущенъ:
— «Тотъ, кому городъ тѣсенъ, въ лѣсу гуляетъ онъ...»

Пѣвецъ остановился; раздался легкій лязгъ желѣза, и затѣмъ наступило молчаніе.

Мальчики стояли, смотря другъ на друга. Кто бы ни былъ ихъ невидимый сосѣдъ, онъ находился какъ разъ по ту сторону развалинъ. Внезапно краска залила лицо Мэтчема; въ слѣдующее мгновенье онъ перешелъ по упавшему бревну и сталъ осторожно влѣзать на огромную кучу мусора, наполнявшую внутренность разрушеннаго дома. Дикъ удержалъ бы его, если бы поспѣлъ во-время; теперь же ему оставалось только слѣдовать за товарищемъ.

Въ углу развалины два бревна упали накрестъ, образовавъ пустое пространство. Черезъ него и спустились въ безмолвіи мальчики. Они спрятались такъ, что ихъ совершенно не было видно, и черезъ дырочку, продѣланную стрѣлой, могли видѣть все, что происходило на другой сторонѣ.

Заглянувъ въ дырочку, товарищи онѣмѣли отъ ужаса при

мысли о положенiи, въ которое они попали. Возвратиться назадъ было невозможно; они еле смѣли дышать. На самомъ краю рва, футахъ въ тридцати отъ мѣста, гдѣ они скрывались, желѣзный котелъ кипѣлъ и дымился надъ ярко горѣвшимъ костромъ; а совсѣмъ рядомъ съ нимъ, прислушиваясь, словно до него донесся шумъ, произведенный ими при спускѣ, стоялъ высокiй, краснолицый, очень тощiй человѣкъ съ желѣзной ложкой въ правой рукѣ, съ рогомъ и страшнымъ кинжаломъ за поясомъ. Очевидно, это и былъ пѣвецъ; ясно было, что онъ мѣшалъ въ котлѣ, когда чьи-то неосторожные шаги по мусору донеслись до его слуха. Немного дальше другой человѣкъ дремалъ, завернувшись въ коричневый плащъ; надъ лицомъ его порхала бабочка. Вся эта сцена происходила на полянѣ, бѣлой отъ маргаритокъ; въ самой отдаленной части ея, на цвѣтущемъ боярышникѣ висѣлъ лукъ, колчанъ со стрѣлами и остатокъ туши оленя.

Незнакомецъ пересталъ прислушиваться, поднялъ ложку ко рту, попробовалъ ея содержимое и снова началъ мѣшать въ котлѣ и пѣть.

— «Тотъ, кому городъ тѣсенъ, въ лѣсу гуляетъ онъ»...

— прокаркалъ онъ, возвращаясь къ тѣмъ словамъ, на которыхъ остановился.

«О, сэръ, мы здѣсь въ лѣсу зла дѣлать не хотимъ,
Лань королевскую лишь развѣ подстрѣлимъ».

Продолжая пѣть, онъ бралъ время отъ времени ложку похлебки, дулъ на нее и пробовалъ съ видомъ опытнаго повара. Наконецъ, онъ, должно быть, рѣшилъ, что похлебка готова, вынулъ изъ-за пояса рогъ и протрубилъ въ него три раза.

Спавшiй проснулся, повернулся на другой бокъ, отогналъ бабочку и оглядѣлся вокругъ.

— Что такое, братъ? — сказалъ онъ. — Обѣдъ?

— Да, болванъ,—отвѣтилъ поваръ, обѣдъ, обѣдъ въ сухомятку, безъ эля и хлѣба. Теперь мало удовольствiй въ зеленомъ лѣсу; было время, когда хорошiй малый могъ жить здѣсь, словно аббатъ въ митрѣ, вдали отъ дождей и бѣлыхъ холодовъ; у него бывало вдоволь эля и вина. Но теперь отважный духъ угасъ въ людяхъ; этотъ Джонъ Мститель, Боже спаси и сохрани насъ, ничто иное, какъ пугало для воронъ.

— Ну, Лаулессъ,—возразилъ собесѣдникъ,—ты слишкомъ много обращаешь вниманія на ѣду и питье. Погоди немного, придетъ хорошее время.

— Видишь, я жду этого хорошаго времени съ тѣхъ поръ, какъ былъ вотъ такимъ,—отвѣтилъ поваръ.—Я былъ францисканскимъ монахомъ; былъ королевскимъ стрѣлкомъ; былъ матросомъ и плавалъ по соленымъ морямъ; бывалъ, чортъ возьми, и лѣснымъ бродягой, и стрѣлялъ королевскихъ оленей. И что же вышло изъ всего этого? Ничего! Лучше бы я остался въ монастырѣ. Аббатъ Джонъ значитъ болѣе, чѣмъ Джонъ Мститель. Клянусь Пречистой Дѣвой! Вотъ и они.

На полянѣ одинъ за другимъ показались высокіе, пригожіе молодцы. Каждый изъ нихъ, вынувъ ножъ и роговую чашку, бралъ себѣ похлебки изъ котла и усаживался на траву. Одежда и вооруженіе ихъ отличались большимъ разнообразіемъ; нѣкоторые были въ грубыхъ рубахахъ, и все оружіе ихъ состояло изъ ножа и стараго лука; другіе были одѣты по самой лѣсной модѣ—въ шапкахъ и курткахъ изъ темно-зеленаго сукна, съ нарядными стрѣлами, украшенными перьями, за поясомъ, рогомъ на перевязи, мечомъ и кинжаломъ сбоку. Они приходили безмолвные отъ голода и, еле буркнувъ какое-то привѣтствіе, сейчасъ же набрасывались на ѣду.

Ихъ собралось уже человѣкъ около двадцати, когда звуки сдержанныхъ радостныхъ восклицаній раздались вблизи, среди кустовъ боярышника, и немедленно вслѣдъ за этимъ на поляну вышли пять—шесть человѣкъ, несшихъ носилки. Высокій, крѣпкій человѣкъ съ легкой сѣдиной въ волосахъ, съ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ прокопченный окорокъ, шелъ впереди съ авторитетнымъ видомъ; за спиной у него былъ лукъ, въ рукѣ—рогатина.

— Ну, добрые молодцы! — крикнулъ онъ. — Мои веселые друзья, вы тутъ свистѣли на сухой дудкѣ и жили скудно. Но что я всегда говорилъ? Имѣйте терпѣніе, судьба всегда можетъ обернуться къ лучшему. И вотъ ея первенецъ—славный эль!

Послышался гулъ одобрительныхъ возгласовъ, когда носильщики опустили носилки, на которыхъ оказался боченокъ большихъ размѣровъ.

— А теперь поторопитесь, братцы, — продолжалъ пришед-

ній.—Намъ предстоитъ работа. Къ перевозу только что подошла горсть стрѣлковъ; они въ одеждахъ темно-краснаго и синяго цвѣта; всѣ они—мишень для насъ; всѣ должны попробовать нашихъ стрѣлъ; ни одинъ изъ нихъ не долженъ пробиться черезъ этотъ лѣсъ. Братцы, здѣсь насъ около пятидесяти сильныхъ человѣкъ, и каждому изъ насъ нанесена тяжелая обида: Кто потерялъ свои земли, кто — друзей; нѣкоторые лишены правъ и изгнаны, всѣ угнетены! Кто же сдѣлалъ это зло? Сэръ Даніэль, клянусь Распятіемъ! Неужели же онъ воспользуется плодами своихъ преступленій? Неужели будетъ уютно сидѣть въ нашихъ домахъ? Вспахивать наши поля? Будетъ сосать украденную у насъ кость? Полагаю, нѣтъ. Онъ пользуется силой закона; выигрываетъ процессы, но есть одинъ процессъ, котораго онъ не выиграетъ,—у меня тутъ за поясомъ такая бумага, которая, если будетъ угодно святымъ, побѣдитъ его.

Поваръ къ этому времени пилъ уже второй рогъ эля. Онъ поднялъ его, какъ бы въ знакъ привѣтствія оратору.

— Мастеръ Эллисъ,—сказалъ онъ,—вы стоите за месть, какъ и слѣдуетъ вамъ; но вашъ бѣдный братъ по зеленому лѣсу, которому незачѣмъ ни жалѣть о потерянныхъ земляхъ, ни думать о друзьяхъ, со своей жалкой точки зрѣнія, помышляетъ о прибыли, которую можно получить отъ этого. Онъ предпочитаетъ благородное золото и четырехпинтовый сосудъ съ виномъ Канарскихъ островов̂ъ всякой мести въ мірѣ.

— Лаулессъ,—отвѣтилъ ораторъ,—чтобы достигнуть Моотъ-Хауса, сэръ Даніэль долженъ проѣхать черезъ лѣсъ. Чортъ возьми! Этотъ путь обойдется ему дороже всякой битвы. Потомъ, когда онъ останется съ жалкой горстью людей, которой удастся спастись отъ насъ, когда всѣ его знатные друзья падутъ и обратятся въ бѣгство, и некому будетъ помочь ему, мы окружимъ со всѣхъ сторонъ эту старую лисицу, и велико будетъ его паденіе. Это жирная добыча; ея хватитъ на обѣдъ всѣмъ намъ.

— Эхъ,—сказалъ Лаулессъ,—много я ѣдалъ такихъ обѣдовъ, но приготовить ихъ трудная работа, добрый мастеръ Эллисъ. А пока, что мы дѣлаемъ? Изготовляемъ черныя стрѣлы, пишемъ стихи и пьемъ свѣжую холодную воду—препепріятный напитокъ.

— Ты ненадеженъ, Уилль Лаулессъ. Отъ тебя все еще отдаетъ запахомъ кладовой францисканцевъ; жадность погубитъ

тебя,—замѣтилъ Эллисъ. — Мы взяли двадцать фунтовъ отъ Аппльярда. Мы взяли семь марокъ вчера у гонца. День тому назадъ мы получили пятьдесятъ отъ купца.

— А сегодня,—сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ,—я остановилъ толстаго продавца индульгенцій, скакавшаго въ Холивудъ. Вотъ его кошелекъ.

Эллисъ сосчиталъ содержимое кошелька.

— Сто шиллинговъ!—проворчалъ онъ.—Дуракъ, у него, навѣрное, было больше запрятано въ сандаліяхъ или зашито въ капюшонѣ. Ты еще ребенокъ, Томъ Кьюкоу; ты упустилъ рыбку.

Но несмотря на все, Эллисъ небрежно опустилъ кошелекъ въ карманъ. Онъ стоялъ, опираясь на рогатину и оглядывалъ остальныхъ. Сидя въ различныхъ позахъ, они жадно ѣли супъ изъ дичи и обильно запивали его элемъ. День удался хорошій; счастье повезло имъ; но дѣло было къ спѣху, и они быстро справлялись съ ѣдой. Тѣ, что пришли раньше, уже покончили съ обѣдомъ. Нѣкоторые легли на траву и сейчасъ же заснули, словно удавы; другіе болтали между собой или осматривали оружіе. Одинъ изъ собесѣдниковъ, въ особенно веселомъ настроеніи, запѣлъ, держа въ рукахъ рогъ съ элемъ:

«Не знаемъ закона средь нашихъ лѣсовъ,
И голодъ намъ здѣсь незнакомъ:
Всегда здѣсь олень намъ на пищу готовъ.
Здѣсь, лѣтомъ, все весело, тихо кругомъ.

Когда же настанутъ здѣсь бури, дожди,
Зима съ собой снѣгъ принесетъ—
Тихонько, спустивъ капюшонъ, уходи
Домой, гдѣ очагъ тебя ждетъ».

Въ это время мальчики лежали и слушали; только Ричардъ снялъ свой арбалетъ и приготовилъ крюкъ, чтобы натянуть тетиву. Они не смѣли двинуться, и эта сцена изъ лѣсной жизни происходила на ихъ глазахъ, словно на театрѣ. Но вдругъ наступилъ странный перерывъ. Высокая дымовая труба, возвышавшаяся надъ остатками развалинъ, находилась какъ разъ надъ ихъ головами. Вдругъ въ воздухѣ раздался свистъ, затѣмъ громкій ударъ, и куски сломанной стрѣлы пролетѣли мимо ушей мальчиковъ. Кто-то, можетъ быть, часовой на ели, пустилъ стрѣлу въ трубу.

Мэтчемъ не могъ удержаться отъ легкаго крика, который онъ заглушилъ сейчасъ же; даже Дикъ вздрогнулъ и выпустилъ крюкъ. Очевидно, это былъ сигналъ для собравшихся на полянѣ людей. Въ одно мгновенье всѣ они были на ногахъ, начали стягивать пояса, пробовали тетивы, вынимали изъ ноженъ мечи и кинжалы. Эллисъ поднялъ руку; лицо его внезапно приняло выраженіе дикой энергіи; бѣлки глазъ блестѣли на загорѣломъ лицѣ.

— Молодцы,—сказалъ онъ,—вы знаете ваши мѣста. Не дайте ускользнуть ни одной человѣческой душѣ. Аппльярдъ, выпивка передъ ѣдой; теперь мы подходимъ къ самому столу. Я хочу хорошенько отомстить за трехъ людей: за Гарри Шельтона, Симона Мельмсбери и,—ударяя себя по широкой груди,— за Эллиса Декуорса, клянусь мессой!

Какой-то человѣкъ, весь красный отъ волненія, прибѣжалъ черезъ кусты терновника.

— Это не сэръ Даніэль,—задыхаясь, проговорилъ онъ.— Ихъ только семеро. Стрѣла долетѣла до васъ?

— Только что прилетѣла,—отвѣтилъ Эллисъ.

— Чортъ побери!—крикнулъ гонецъ.—Мнѣ послышался ея свистъ. А я то долженъ отправиться безъ обѣда.

Въ теченіе одной минуты члены «Черной Стрѣлы», кто бѣгомъ, кто быстрыми шагами, смотря по тому, кто гдѣ находился, исчезли изъ сосѣдства разрушеннаго дома; и только котелъ, потухавшій костеръ и остовъ мертваго оленя на кустѣ боярышника указывали, что они были тутъ.

V. Кровожаденъ, какъ охотничій песъ.

Мальчики лежали смирно, пока послѣдніе шаги не заглушилъ шумъ вѣтра. Тогда они встали и съ большимъ трудомъ, такъ какъ очень устали отъ неудобнаго положенія, въ которомъ имъ пришлось лежать, проползли по развалинамъ и перешли снова черезъ ровъ по бревну. Мэтчемъ поднялъ крюкъ и прошелъ первымъ; Дикъ слѣдовалъ за нимъ съ арбалетомъ въ рукѣ.

— А теперь впередъ, въ Холивудъ,—сказалъ Мэтчемъ.

— Въ Холивудъ!—вскрикнулъ Дикъ.—Въ то время, когда будутъ избивать хорошихъ людей? Только не я! Я лучше согласенъ видѣть тебя повѣшеннымъ, Джекъ!

— Такъ ты бросишь меня, бросишь?—спросилъ Мэтчемъ.

— Что дѣлать! Приходится,—отвѣтилъ Дикъ.—Если я не поспѣю предупредить ихъ, я умру вмѣстѣ съ ними. Какъ! Неужели ты хотѣлъ бы, чтобы я бросилъ людей, среди которыхъ жилъ? Полагаю, нѣтъ. Дай мнѣ мой крюкъ!

Но Мэтчемъ вовсе не собирался исполнить это приказаніе.

— Дикъ,—сказалъ онъ,—ты поклялся передъ святыми, что доставишь меня здравымъ и невредимымъ въ Холивудъ. Неужели ты откажешься отъ своихъ словъ? Неужели покинешь меня, какъ клятвопреступникъ?

— Нѣтъ, я клялся отъ души,—отвѣтилъ Дикъ.—И хотѣлъ выполнить свою клятву. Знаешь что, Джекъ, иди со мной; дай мнѣ только предупредить этихъ людей и, если будетъ нужно, пострѣлять съ ними, потомъ, когда все прояснится, я пойду въ Холивудъ и сдержу свою клятву.

— Ты насмѣхаешься надо мной,—сказалъ Мэтчемъ.—Тѣ люди, которымъ ты хочешь помогать, ищутъ моей погибели.

Дикъ почесалъ голову.

— Я не могу поступить иначе, Джекъ,—сказалъ онъ.—Тутъ нѣтъ другого средства. Тебѣ не грозитъ большая опасность, мой милый, а они стоятъ на пути къ смерти. Смерть! — повторилъ онъ.—Подумай объ этомъ! Чортъ побери, зачѣмъ ты задерживаешь меня здѣсь? Дай мнѣ крюкъ. Клянусь святымъ Георгіемъ, неужели всѣ они должны умереть?

— Ричардъ Шельтонъ, — сказалъ Мэтчемъ, пристально смотря ему въ лицо,—неужели ты присоединишься къ партіи сэра Даніэля? Развѣ у тебя нѣтъ ушей? Развѣ ты не слышалъ, что говорилъ этотъ Эллисъ? Или у тебя нѣтъ сердца для твоихъ кровныхъ и для твоего отца, убитаго этими людьми? «Гарри Шельтонъ», сказалъ онъ, а что Гарри Шельтонъ былъ твоимъ отцомъ это такъ же вѣрно, какъ то, что солнце свѣтитъ на небѣ.

— Чего ты отъ меня хочешь?—крикнулъ Дикъ.—Неужели ты хочешь, чтобы я повѣрилъ ворамъ?

— Я слышалъ это и раньше,—сказалъ Мэтчемъ.—Молва о томъ, что его убилъ сэръ Даніэль сильно распространена здѣсь. Онъ убилъ его, преступивъ клятву; онъ пролилъ невинную кровь у него же въ домѣ. Небо жаждетъ отомщенія за это убійство, а ты—сынъ этого человѣка—идешь утѣшать и защищать его убійцу!

— Джекъ!—вскрикнулъ мальчикъ. — Я не знаю. Можетъ

быть, это и было такъ, почемъ я знаю! Но видишь, этотъ человѣкъ воспиталъ меня, кормилъ; съ его людьми я охотился, игралъ съ ними, и вдругъ оставить ихъ въ часъ опасности. О, милый, если бы я сдѣлалъ это, то былъ бы совершенно лишенъ чести! Джекъ, не проси меня, ты не захотѣлъ бы видѣть меня низкимъ.

— Но твой отецъ, Дикъ?—нѣсколько колеблясь, проговорилъ Мэтчемъ.—Твой отецъ? И твоя клятва мнѣ? Ты взялъ въ свидѣтели святыхъ.

— Мой отецъ?—сказалъ Шельтонъ.—Онъ былъ бы за то, чтобы я пошелъ туда! Если сэръ Даніэль убилъ его, то эта рука убьетъ сэра Даніэля, когда настанетъ часъ, но въ опасности я не покину ни его, ни его людей. А что касается до моей клятвы, то ты, добрый Джекъ, разрѣшишь меня отъ нея. Ради спасенія жизни многихъ людей, не сдѣлавшихъ тебѣ никакого зла, и ради моей чести ты освободишь меня.

— Я освобожу тебя, Дикъ? Никогда!—отвѣтилъ Мэтчемъ.— Если ты бросишь меня, ты нарушишь клятву, и я объявлю это всѣмъ.

— Кровь моя кипитъ!—сказалъ Дикъ.—Отдай мнѣ крюкъ! Отдай его мнѣ!

— Не отдамъ,—сказалъ Мэтчемъ,—я спасу тебя помимо твоей воли.

— Не отдашь?—крикнулъ Дикъ.—Я заставлю тебя отдать!

— Попробуй!—сказалъ Мэтчемъ.

Они стояли, смотря въ глаза другъ другу, готовые броситься. Дикъ сдѣлалъ прыжокъ, Мэтчемъ сейчасъ же повернулся и побѣжалъ, но Дикъ нагналъ его двумя прыжками, вырвалъ у него изъ рукъ крюкъ, грубо бросилъ мальчика на землю и всталъ надъ нимъ разгоряченный, грозно занеся кулакъ. Мэтчемъ лежалъ тамъ, гдѣ упалъ, лицомъ въ траву, не думая сопротивляться.

Дикъ натянулъ тетиву.

— Я покажу тебѣ!—бѣшено кричалъ онъ.—Безъ клятвы или съ клятвой, мнѣ все равно, будь ты повѣшенъ!

Онъ повернулся и побѣжалъ. Мэтчемъ сразу вскочилъ на ноги и бросился за нимъ.

— Что тебѣ нужно? — крикнулъ Дикъ, остановившись. — Чего ты бѣжишь за мной? Убирайся прочь!

— Я могу итти за тобой, если мнѣ угодно,—сказалъ Мэтчемъ.—Лѣсъ открытъ для меня.

— Отойди, клянусь Пречистой Дѣвой!—сказалъ Дикъ, подымая арбалетъ.

— Ахъ, какой ты храбрый мальчикъ! — возразилъ Мэтчемъ.—Стрѣляй.

Дикъ опустилъ въ смущеніи арбалетъ.

— Смотри,—сказалъ онъ.—Ты сдѣлалъ мнѣ достаточно зла, иди по добру по здорову своей дорогой, а то мнѣ невольно придется прогнать тебя.

— Хорошо,—упрямо проговорилъ Мэтчемъ.—Ты сильнѣе изъ насъ двухъ. Дѣлай самое худшее. Я все равно не перестану слѣдовать за тобой, Дикъ, развѣ ужъ тебѣ удастся силой заставить меня уйти.

Дикъ былъ почти внѣ себя отъ бѣшенства. Ему было совѣстно побить такое беззащитное существо, а между тѣмъ онъ, хоть убей, не зналъ другого способа отдѣлаться отъ нежеланнаго и, какъ ему начало казаться, невѣрнаго товарища.

— Мнѣ кажется, ты съ ума сошелъ!—крикнулъ онъ.—Дурачекъ, вѣдь я спѣшу къ твоимъ врагамъ, я пойду къ нимъ такъ скоро, какъ только могутъ меня унести ноги.

— Мнѣ все равно, Дикъ,—отвѣтилъ мальчикъ,—если тебѣ суждено умереть, Дикъ, я также умру. Я предпочитаю итти съ тобой въ тюрьму, чѣмъ быть свободнымъ безъ тебя.

— Ну,—сказалъ Дикъ,—мнѣ некогда стоять тутъ и болтать. Иди за мною, если уже тебѣ такъ нужно, но, если измѣнишь мнѣ, то плохо тебѣ придется, замѣть себѣ это. Я пристрѣлю тебя.

Сказавъ это, Дикъ снова пустился бѣжать, придерживаясь опушки чащи и зорко оглядываясь по сторонамъ. Онъ выскочилъ изъ лощины въ болѣе открытую часть лѣса. Налѣво показалась небольшая возвышенность, покрытая золотистымъ дрокомъ и увѣнчанная группой черныхъ елей.

— Отсюда я могу увидѣть что-нибудь,—подумалъ Дикъ, направляясь по покрытой верескомъ полянѣ.

Онъ прошелъ только нѣсколько ярдовъ, какъ вдругъ Мэтчемъ дотронулся до его плеча и указалъ ему въ даль. Къ востоку отъ возвышенности почва опускалась и переходила въ долину; верескъ еще не отцвѣлъ, и вся поверхность походила на заржавленный, невычищенный щитъ, на которомъ рѣдкіе вязы казались пятнами. Тамъ Дикъ увидѣлъ человѣкъ пять людей въ зеленыхъ курткахъ, подымавшихся на холмъ; во главѣ ихъ, замѣтный

по рогатинѣ въ рукахъ, шелъ самъ Эллисъ Декуорсъ. Одинъ за другимъ они достигали вершины, взглядывали на небо и потомъ исчезали на противоположной сторонѣ.

Дикъ посмотрѣлъ на Мэтчема болѣе ласковымъ взглядомъ.

— Такъ ты будешь вѣренъ мнѣ, Джекъ?—спросилъ онъ.— Я думалъ, что ты принадлежишь къ другой партіи.

Мэтчемъ зарыдалъ.

— Это еще что!—крикнулъ Дикъ.—Святые угодники! Что ты хныкаешь изъ-за одного слова.

— Ты сдѣлалъ мнѣ больно, — проговорилъ, рыдая, Мэтчемъ.—Ты сдѣлалъ мнѣ больно, когда бросилъ на землю. Ты трусъ, потому что злоупотребляешь своей силой.

— Ну, это дурацкая болтовня,—грубо сказалъ Дикъ.—Ты не имѣешь никакихъ правъ на мой крюкъ, мастеръ Джонъ. Я хорошо бы сдѣлалъ, если бы отколотилъ тебя какъ слѣдуетъ. Если пойдешь со мной, то долженъ меня слушаться. Тогда идемъ.

Мэтчемъ раздумывалъ, не остаться ли ему, но видя, что Дикъ шагаетъ къ возвышенности и ни разу не оглянулся въ его сторону, передумалъ и побѣжалъ въ свою очередь. Но поверхность была чрезвычайно неровная и крутая; Дикъ далеко обогналъ его, къ тому же онъ могъ бѣжать гораздо скорѣе и давно уже взобрался на вершину, проползъ между елей и спрятался въ заросли дрока, когда Мэтчемъ, задыхаясь, словно загнанный олень, добрался до него и молча улегся рядомъ съ нимъ.

Внизу, въ концѣ большой долины, короткая дорога отъ деревушки Тонсталль спускалась къ перевозу. Она была хорошо проторена, и глазамъ легко было слѣдить за ней по всему протяженію. Она то окаймлялась просѣками, то замыкалась лѣсомъ; черезъ каждые сто ярдовъ въ ней могла встрѣтиться засада. Далеко внизу дорожки солнце ярко отсвѣчивало отъ семи стальныхъ шлемовъ, а по временамъ, когда деревья рѣдѣли, можно было видѣть Сельдена и его людей, которые быстро скакали, исполняя приказаніе сэра Даніэля. Вѣтеръ немного спалъ, но продолжалъ весело играть деревьями; можетъ быть, если бы съ отрядомъ находился Апльярдъ, онъ увидѣлъ бы предостереженіе въ безпокойствѣ птицъ.

— Теперь замѣть,—шепнулъ Дикъ.—Они уже достаточно далеко заѣхали въ лѣсъ; спасеніе ихъ зависитъ отъ того, продвинутся ли они впередъ. Видишь вонъ то мѣсто, гдѣ широкая про-

сѣка сбѣгаетъ внизъ, а въ срединѣ ея десятка два деревьевъ образуютъ какъ бы островъ? Тамъ они были бы въ безопасности. Только бы имъ добраться туда здравыми и невредимыми; я постараюсь предупредить ихъ. Но я предчувствую несчастье; ихъ только семеро противъ многочисленныхъ враговъ и вооружены они луками. А арбалетъ, Джекъ, всегда одержитъ побѣду надъ лукомъ.

Между тѣмъ Сельденъ и его спутники продолжали пробираться по дорожкѣ, не подозрѣвая грозившей имъ опасности, и постепенно приближались къ мѣсту, гдѣ скрывались мальчики.

Одинъ разъ они остановились, собрались въ кучку и, казалось, прислушивались, указывая на какую-то точку. Но вниманіе ихъ, очевидно, было привлечено тѣмъ, что происходило очень далеко, на равнинѣ—глухимъ ревомъ пушки, доносившимся повременамъ вѣтромъ и говорившимъ о большомъ сраженіи. Конечно, было о чемъ подумать: если голосъ большихъ пушекъ сталъ слышнымъ въ Тонсталльскомъ лѣсу, то битва, должно быть, отодвигалась все восточнѣе, и, очевидно, счастье обернулось противъ сэра Даніэля и лордовъ алой розы.

Но вотъ маленькій отрядъ снова двинулся и дошелъ до очень открытой части дороги, покрытой верескомъ, куда вдавалась только узкая полоса лѣса. Они только что поровнялись съ ней, какъ въ воздухѣ мелькнула стрѣла. Одинъ изъ людей всплеснулъ руками, лошадь его попятилась, оба упали и катались вмѣстѣ по землѣ. Даже оттуда, гдѣ лежали мальчики, слышенъ былъ гулъ человѣческихъ голосовъ; они увидѣли, какъ становились испуганныя лошади надыбы. Наконецъ, отрядъ нѣсколько оправился отъ изумленія, и одинъ изъ всадниковъ сталъ сходить съ коня. Вторая стрѣла, пущенная издали, сверкнула, описавъ пологую дугу; второй всадникъ упалъ на землю. Сходившій съ лошади человѣкъ упустилъ поводъ, лошадь его понеслась галопомъ, таща его за ногу вдоль дороги, причемъ онъ ударялся о каждый камень и попадалъ подъ копыта. Четверо остававшихся въ сѣдлѣ немедленно разсыпались въ разныя стороны; одинъ повернулся и съ крикомъ поскакалъ къ перевозу; остальные трое, бросивъ повода, съ развѣвающимися одеждами помчались вверхъ по дорогѣ, шедшей изъ Тонсталля. Изъ-за каждой группы деревьевъ, мимо которой они скакали, въ нихъ летѣла стрѣла. Скоро упала одна изъ лошадей, но всадникъ вскочилъ на ноги и продолжалъ

слѣдовать за товарищами, пока второй выстрѣлъ не уложилъ его. Упалъ еще человѣкъ; потомъ его лошадь; изъ всего отряда остался только одинъ человѣкъ и тотъ безъ лошади; шумъ галопировавшихъ въ разныя стороны лошадей безъ всадниковъ быстро замиралъ въ пространствѣ.

За все это время не показался ни одинъ изъ нападающихъ. Тамъ и сямъ на дорогѣ валялись люди и лошади въ смертельной агоніи, но ни одинъ милосердый врагъ не вышелъ изъ своего убѣжища, чтобы избавить ихъ отъ страданій.

Оставшійся въ живыхъ человѣкъ стоялъ, пораженный, рядомъ со своимъ павшимъ конемъ. Онъ прошелъ вдоль широкой полянки съ островкомъ изъ лѣса, на который указывалъ Дикъ. Онъ былъ на разстояніи, приблизительно пятисотъ ярдовъ отъ того мѣста, гдѣ спрятались мальчики, и они могли видѣть, какъ онъ оглядывался вокругъ въ ожиданіи смерти. Но ничего не произошло, и къ несчастному вернулось его мужество. Вдругъ онъ снялъ свой арбалетъ и натянулъ тетиву. Въ ту же минуту онъ сдѣлалъ движеніе, по которому Дикъ узналъ Сельдена.

При этой попыткѣ къ сопротивленію въ чащѣ лѣса вокругъ Сельдена раздался хохотъ. По крайней мѣрѣ, человѣкъ двадцать—въ засадѣ сидѣло наибольшее количество людей—приняли участіе въ этомъ жестокомъ и несвоевременномъ весельѣ. Потомъ стрѣла пролетѣла мимо плеча Сельдена, онъ прыгнулъ и отскочилъ немного назадъ. Другая стрѣла, дрожа, упала у его ногъ. Онъ бросился подъ прикрытіе деревьевъ. Третья стрѣла полетѣла прямо въ лицо ему и упала недалеко отъ него. И хохотъ повторился снова, раздаваясь эхомъ въ различныхъ мѣстахъ чащи.

Ясно было, что нападающіе только дразнили несчастнаго, какъ люди въ тѣ времена дразнили бѣднаго быка, или какъ кошка и теперь играетъ съ мышкою. Стычка уже окончилась; дальше по дорогѣ человѣкъ въ одеждѣ зеленаго цвѣта спокойно собиралъ стрѣлы; а остальные доставляли себѣ жестокое удовольствіе смотрѣть на муки грѣшника, своего ближняго.

Сельденъ понялъ, въ чемъ дѣло; съ гнѣвнымъ крикомъ онъ положилъ на плечо свой арбалетъ и послалъ наудачу стрѣлу въ лѣсъ. Случай помогъ ему: въ чащѣ раздался легкій крикъ. Сельденъ бросилъ свое оружіе и побѣжалъ впередъ вдоль просѣки, почти прямо къ тому мѣсту, гдѣ скрывались Дикъ и Мэтчемъ.

Члены шайки «Черной Стрѣлы» начали стрѣлять не на шутку. Но они получили по заслугамъ; счастье отвернулось отъ нихъ; большинству пришлось стрѣлять противъ солнца, а Сельденъ, набѣгу, перепрыгивалъ съ одной стороны на другую, чтобы обмануть ихъ и не дать имъ вѣрно прицѣлиться. Болѣе того, повернувъ вдоль просѣки, онъ уничтожилъ всѣ приготовленія враговъ; тамъ не было разставлено стрѣлковъ, кромѣ того, котораго онъ только что убилъ или ранилъ. Очевидно, между нападавшими произошло смятеніе. Раздался свистокъ, повторенный сначала три, потомъ два раза. Въ отвѣтъ на нихъ раздались свистки съ другой стороны. Лѣсъ съ обѣихъ сторонъ наполнился звуками шаговъ людей, которые пробирались сквозь заросли. Перепуганная лань выбѣжала на полянку, постояла одно мгновенье на трехъ ногахъ и потомъ снова исчезла въ чащѣ.

Сельденъ продолжалъ бѣжать, перепрыгивая съ одной стороны на другую; по временамъ его преслѣдовали стрѣлы, но всѣ онѣ не попадали въ цѣль. Казалось, что ему удастся остаться невредимымъ. Дикъ держалъ наготовѣ свой арбалетъ, чтобы помочь ему; даже Мэтчемъ забылъ о своихъ интересахъ и въ душѣ сочувствовалъ бѣдному бѣглецу. Оба мальчика дрожали и горѣли отъ глубокаго волненія.

Сельденъ былъ ярдахъ въ пятидесяти отъ нихъ, когда въ него попала стрѣла, и онъ упалъ. Въ то же мгновенье онъ поднялся на ноги, побѣжалъ, шатаясь, и, словно слѣпой, въ другую сторону.

Дикъ вскочилъ на ноги.

— Сюда!—крикнулъ онъ, махая рукой.—Въ эту сторону! Тутъ есть помощь! Бѣги, малый... Бѣги.

Но какъ разъ въ ту минуту вторая стрѣла попала въ плечо Сельдену между пластинками его латъ и прошла сквозь кафтанъ. Онъ упалъ на землю.

— Бѣднякъ!—вскрикнулъ Мэтчемъ, сжимая руки.

Дикъ словно окаменѣлъ; стоя на холмѣ, онъ представлялъ собою удобную мишень для стрѣльбы.

Онъ навѣрно былъ бы немедленно убитъ, потому что преслѣдователи были внѣ себя отъ ярости на свою неудачу и отъ негодованія на неожиданное появленіе Дика въ тылу ихъ позиціи, но вдругъ изъ лѣсу—въ поразительно близкомъ разстояніи отъ мальчиковъ—раздался громовой голосъ — голосъ Эллиса Декуорса.

— Остановитесь!—кричалъ онъ.—Не стрѣляйте! Возьмите его живымъ! Это молодой Шельтонъ, сынъ Гарри.

Сейчасъ же раздался пронзительный свистъ, повторенный нѣсколько разъ и передававшійся все дальше и дальше. Свистъ, повидимому, исполнялъ у Джона Мстителя роль боевой трубы, посредствомъ которой онъ отдавалъ свои приказанія.

— Ахъ, бѣда! — крикнулъ Дикъ.—Мы пропали. Скорѣе, Джекъ, скорѣе!

И мальчики повернулись и побѣжали назадъ черезъ группу сосновыхъ деревьевъ, покрывавшихъ вершину холма.

VI. До конца дня.

Дѣйствительно, мальчикамъ пора было бѣжать. Члены шайки «Черной Стрѣлы» устремлялись на холмъ со всѣхъ сторонъ. Тѣ, кто умѣли лучше бѣгать или которымъ приходилось бѣжать по ровной мѣстности, далеко опередили остальныхъ и были уже близко къ цѣли; бѣжавшіе по долинамъ разсѣялись направо и налѣво, окружая мальчиковъ съ обѣихъ сторонъ.

Дикъ бросился въ первое попавшееся мѣсто. То была роща высокихъ дубовъ, съ твердой почвой, безъ зарослей. Такъ какъ она спускалась внизъ по холму, то мальчики могли бѣжать очень скоро. Затѣмъ шла открытая лужайка. Дикъ избѣгнулъ ее, повернувъ налѣво. Черезъ двѣ минуты имъ встрѣтилось такое же препятствіе, и мальчики избѣгли его такимъ же способомъ. Въ концѣ концовъ вышло, что мальчики, держась постоянно влѣво, все болѣе и болѣе приближались къ большой дорогѣ и рѣкѣ, черезъ которую они переплыли часъ или два тому назадъ, а большинство ихъ преслѣдователей уклонилось въ другую сторону и бѣжало къ Тонсталлю.

Мальчики остановились, чтобы передохнуть. Шумъ преслѣдованія прекратился. Дикъ приложился ухомъ къ землѣ, и все же ничего не было слышно. Однако, вѣтеръ попрежнему шумѣлъ въ деревьяхъ, и потому трудно было убѣдиться, дѣйствительно ли настала тишина.

— Впередъ!—сказалъ Дикъ, несмотря на усталость и на то, что Мэтчемъ продолжалъ хромать на больную ногу; они собрали все свое мужество и снова бросились внизъ по холму.

Три минуты спустя они бѣжали черезъ чащу плотно сомкну-

таго вершинами лѣса. Надъ ихъ головами высокія деревья образовали густой покровъ листвы. Какъ бы поддерживаемая колоннами чаща лѣса высокая, какъ кафедральный соборъ, была открыта и удобна для бѣгства, за исключеніемъ кустовъ остролиста, черезъ которые приходилось пробираться мальчикамъ.

Пробравшись на другую сторону черезъ послѣдніе кусты остролиста, они очутились опять на открытомъ мѣстѣ.

— Стой!—крикнулъ чей-то голосъ.

И среди толстыхъ стволовъ, менѣе чѣмъ въ пятидесяти футахъ передъ собой, они увидѣли толстаго малаго въ зеленой одеждѣ, который сейчасъ же вложилъ стрѣлу въ лукъ и прицѣлился. Мэтчемъ съ крикомъ остановился. Дикъ, не останавливаясь, бросился прямо къ нему, выхватывая на-ходу кинжалъ. Былъ ли незнакомецъ пораженъ смѣлостью нападенія или связанъ какими-нибудь приказаніями, какъ бы то ни было, онъ не выстрѣлилъ и стоялъ, очевидно, колеблясь. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, Дикъ бросился на него, схватилъ его за горло и опрокинулъ его навзничь на землю. Стрѣла отлетѣла въ одну сторону, лукъ—съ громкимъ звономъ въ другую. Обезоруженный лѣсной житель схватилъ напавшаго на него мальчика; но въ воздухѣ два раза сверкнулъ и опустился кинжалъ. Послышались стоны, и Дикъ поднялся на ноги. Незнакомецъ лежалъ неподвижно, пораженный въ сердце.

— Впередъ!—сказалъ Дикъ.—Онъ бросился впередъ; Мэтчемъ еле тащился за нимъ. Сказать правду, они бѣжали не очень скоро, такъ какъ это было очень трудно для нихъ; они ловили ртомъ воздухъ, словно рыбы. Мэтчемъ чувствовалъ сильное колотье въ боку; голова у него кружилась. Колѣни Дика были какъ будто налиты свинцомъ. Но мальчики старались бѣжать съ неуменьшавшимся мужествомъ.

Наконецъ, они добрались до конца чащи. Она кончалась внезапно, и въ нѣсколькихъ ярдахъ передъ ними лежала большая дорога изъ Райзингэма въ Шорби, шедшая между двумя ровными стѣнами лѣса.

При видѣ дороги Дикъ остановился и лишь только пересталъ бѣжать услышалъ какой-то неясный шумъ, постепенно усиливавшійся. Сначала этотъ шумъ походилъ на порывъ очень сильнаго вѣтра, но вскорѣ сталъ болѣе опредѣленнымъ: послышался топотъ галопирующихъ лошадей, и въ одно мгновеніе цѣлый

отрядъ воиновъ обогнулъ уголъ, промчался мимо мальчиковъ и исчезъ мгновенно. Всадники ѣхали въ полномъ безпорядкѣ, очевидно, спасаясь; нѣкоторые изъ нихъ были ранены; лошади безъ всадниковъ скакали рядомъ, съ окровавленными сѣдлами. Очевидно, то были бѣглецы съ поля большого сраженія.

Топотъ лошадей только что началъ замирать въ сторонѣ Шорби, какъ снова послышался стукъ копытъ, и по дорогѣ проскакалъ еще бѣглецъ—на этотъ разъ одинокій всадникъ и—судя по его великолѣпнымъ латамъ—человѣкъ высокаго положенія. Сейчасъ же за нимъ слѣдовали фуры обоза; лошади, понукаемыя возницами, какъ будто дѣло шло о спасеніи жизни, бѣжали неуклюжей рысью. Очевидно, эти люди бѣжали заблаговременно съ поля сраженія; но трусость не спасла ихъ. Только что они поравнялись съ мѣстомъ, гдѣ стояли удивленные мальчики, какой-то человѣкъ въ изрубленныхъ латахъ, повидимому, внѣ себя отъ бѣшенства, нагналъ фуры и началъ избивать погонщиковъ рукояткой меча. Нѣкоторые изъ нихъ вскочили съ мѣстъ и убѣжали въ лѣсъ; онъ продолжалъ избивать сидѣвшихъ, проклиная ихъ все время, какъ трусовъ, почти нечеловѣческимъ голосомъ.

Все это время шумъ въ отдаленіи усиливался; вѣтеръ доносилъ скрипъ телѣгъ, топотъ лошадей, крики людей, какой-то смутный, постепенно усиливавшійся шумъ. Ясно было, что цѣлая армія хлынула, словно наводненіе, на дорогу.

Дикъ стоялъ, мрачно задумавшись. Онъ намѣревался итти по большой дорогѣ, до поворота къ Холивуду, а теперь ему приходилось измѣнять планъ. Но главное—онъ узналъ цвѣта графа Райзингэма и понялъ, что приверженцы Ланкастерской розы потерпѣли полное пораженіе. Былъ ли сэръ Даніэль съ ними? И если да, бѣжалъ ли онъ, разбитъ ли онъ? Или онъ покинулъ сторону Іорка и измѣнилъ чести? И то, и другое было плохо.

— Пойдемъ,—сурово проговорилъ онъ и, повернувшись, пошелъ впередъ по рощѣ; Мэтчемъ заковылялъ вслѣдъ за нимъ.

Нѣсколько времени они молча шли по лѣсу. Становилось поздно; солнце опускалось въ долину Кеттлея; верхушки деревьевъ горѣли золотымъ свѣтомъ; но тѣни уже становились темнѣе, и начиналъ чувствоваться ночной холодъ.

— Если бы было что поѣсть!—вдругъ проговорилъ, останавливаясь, Дикъ.

Мэтчемъ сѣлъ и заплакалъ.

— Ты можешь плакать изъ-за ужина, а когда нужно было спасать жизнь людямъ, такъ сердце у тебя было довольно равнодушное,—презрительно проговорилъ Дикъ,—у тебя на совѣсти семь смертей, мастеръ Джонъ; я никогда не прощу тебя за это.

— Совѣсть! — вскрикнулъ Мэтчемъ, смотря на Дика съ яростью въ глазахъ.—Моя совѣсть! А у тебя на кинжалѣ красная человѣческая кровь! И за что ты убилъ его, бѣднаго? Онъ вытащилъ стрѣлу, но не пустилъ ее, онъ держалъ тебя въ своихъ рукахъ и пощадилъ! Нужно столько же храбрости, чтобы убить котенка, сколько для убійства беззащитнаго человѣка.

Дикъ онѣмѣлъ отъ изумленія.

— Я убилъ его въ честномъ бою. Я бросился послѣ того, какъ онъ поднялъ лукъ,—закричалъ онъ.

— Это былъ ударъ труса,—возразилъ Мэтчемъ.—Ты просто грубый хвастунъ, мастеръ Дикъ; ты только пользуешься удобнымъ случаемъ; покажись кто-нибудь посильнѣе, ты будешь валяться у него въ ногахъ! Ты не думаешь и о мести, потому что смерть твоего отца остается неотмщенной, и его бѣдный духъ требуетъ справедливаго возмездія. Но если въ твои руки попадетъ бѣдное существо, у котораго нѣтъ ни искусства, ни силы, она должна погибнуть.

Дикъ былъ слишкомъ взбѣшенъ, чтобы обратить вниманіе на слово «она».

— Чортъ побери, вотъ такъ новости!—крикнулъ онъ.—Изъ каждыхъ двухъ человѣкъ одинъ бываетъ сильнѣе другого. Сильный побѣждаетъ слабѣйшаго, и по дѣломъ ему. Ты заслуживаешь, чтобы я побилъ тебя, мастеръ Мэтчемъ за твою необузданность и неблагодарность ко мнѣ; и ты получишь то, что заслужилъ.

И Дикъ, умѣвшій въ самомъ сильномъ гнѣвѣ сохранять наружное спокойствіе, сталъ разстегивать поясъ.

Мэтчемъ удержалъ слезы; онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, но смѣло смотрѣлъ въ лицо Дику и не двигался съ мѣста. Дикъ сдѣлалъ шагъ впередъ, размахивая поясомъ, и остановился смущенный взглядомъ большихъ глазъ и худымъ усталымъ лицомъ товарища. Мужество начало измѣнять ему.

— Скажи, что ты былъ неправъ,—запинаясь, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я былъ правъ,—сказалъ Мэтчемъ.—Ну иди, же-

стокій! Я хромаю; я усталъ; я не сопротивляюсь; я не сдѣлалъ тебѣ никакого вреда; такъ побей меня, трусъ!

При этихъ послѣднихъ вызывающихъ словахъ Дикъ поднялъ поясъ; но Мэтчемъ вздрогнулъ и скорчился въ такомъ ужасѣ, что у Дика снова не хватило смѣлости. Рука съ поясомъ упала, и онъ стоялъ въ нерѣшительности, чувствуя себя глупцомъ.

— Чортъ тебя побери, проклятый!—сказалъ онъ.—Если ты такъ слабъ тѣломъ, то тѣмъ болѣе долженъ сдерживать свой языкъ. Пусть меня повѣсятъ, если я побью тебя! — надѣвая поясъ, продолжалъ онъ.—Побить я тебя не побью, но простить тебя, никогда не прощу. Я не зналъ тебя; ты былъ врагомъ моего господина; я одолжилъ тебѣ моего коня; ты съѣлъ мой обѣдъ; ты назвалъ меня человѣкомъ изъ дерева, трусомъ и хвастуномъ. Ну, клянусь мессой, мѣра переполнилась. Признаюсь, великая вещь быть слабымъ: можно совершить самый дурной поступокъ, и никто не накажетъ тебя; можно украсть у человѣка оружіе въ минуту нужды, а человѣкъ, у котораго оно украдено, не можетъ взять его обратно,—вѣдь ты слабъ, чортъ возьми! Значитъ, если кто-нибудь направитъ на тебя копье и крикнетъ тебѣ, что у него силы мало, такъ ты и дашь ему пронзить тебя! Экая дичь!

— А все же ты не бьешь меня,—возразилъ Мэтчемъ.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ Дикъ,—пусть будетъ. Я научу тебя кое-чему. Мнѣ кажется, тебя плохо воспитывали, но въ тебѣ есть хорошіе задатки. Къ тому же ты, несомнѣнно, спасъ меня... Впрочемъ, нѣтъ, я забылъ это; я такъ же неблагодаренъ, какъ ты. Однако, идемъ впередъ. Если ты хочешь попасть въ Холивудъ сегодня вечеромъ, или рано утромъ завтра, то намъ лучше поторопиться.

Дикъ совершенно пришелъ въ себя и говорилъ съ обычнымъ добродушіемъ. Но Мэтчемъ не простилъ ему ничего. Жестокость Дика, воспоминаніе объ убитомъ имъ человѣкѣ—самое главное—эпизодъ съ поясомъ,—все это было нелегко забыть.

— Благодарю васъ,—изъ вѣжливости сказалъ Мэтчемъ,—но, право, добрый мастеръ Шельтонъ, я предпочитаю найти дорогу одинъ. Лѣсъ великъ; пусть каждый изъ насъ выберетъ себѣ путь; я обязанъ вамъ за обѣдъ и урокъ. Прощайте!

— Ну,—крикнулъ Дикъ,—если такова твоя пѣсня—пусть такъ и будетъ, и чума тебя возьми!

Они разошлись, и пошли въ разныя стороны не думая о

направленіи, каждый погруженный въ мысли о ссорѣ. Но не сдѣлалъ Дикъ и десяти шаговъ, какъ услышалъ свое имя; Мэтчемъ подбѣжалъ къ нему.

— Дикъ,—сказалъ онъ,—было бы невѣжливо разстаться такъ холодно. Вотъ моя рука и вмѣстѣ съ ней мое сердце. За все, что ты сдѣлалъ для меня, за то, что такъ помогъ мнѣ, благодарю тебя не изъ вѣжливости только, а отъ всего сердца. Всего хорошаго.

— Ну, малый,—сказалъ Дикъ, беря протянутую руку,—желаю тебѣ успѣха, но сильно сомнѣваюсь въ немъ. Ты слишкомъ любишь спорить.

Они разстались во второй разъ, и на этотъ разъ Дикъ побѣжалъ за Мэтчемомъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—возьми мой арбалетъ, нельзя итти невооруженнымъ.

— Арбалетъ!—сказалъ Мэтчемъ.—Нѣтъ, мальчикъ, у меня нѣтъ ни силы натянуть его, ни умѣнья прицѣлиться. Это не помогло бы мнѣ, добрый мальчикъ. Но все же я благодарю тебя.

Наступила ночь, и подъ деревьями они не могли разглядѣть лицъ другъ друга.

— Я пройду немного съ тобой,—сказалъ Дикъ. — Ночь темна. Мнѣ бы не хотѣлось оставлять тебя на этой тропинкѣ. Мнѣ кажется, ты можешь заблудиться.

Не разговаривая больше, онъ пошелъ впередъ, и Мэтчемъ снова послѣдовалъ за нимъ. Тьма становилась все гуще и гуще; иногда только на открытыхъ мѣстахъ мальчики видѣли небо, усѣянное мелкими звѣздами. Издали продолжалъ доноситься слабый шумъ бѣгства ланкастерской арміи; но съ каждымъ шагомъ они удалялись отъ него.

Послѣ получаса молчаливой ходьбы они вышли на большое, открытое мѣсто, покрытое верескомъ. Полянка, покрытая папоротниками, съ островками изъ группъ тисовыхъ деревьевъ, слабо освѣщалась звѣздами. Тутъ мальчики остановились и взглянули другъ на друга.

— Ты усталъ?—спросилъ Дикъ.

— Да, я такъ усталъ,—отвѣтилъ Мэтчемъ,—что кажется готовъ лечь и умереть.

— Я слышу журчанье рѣки,—сказалъ Дикъ,—дойдемъ до нея; мнѣ страшно хочется пить.

Мѣстность медленно понижалась. Дѣйствительно, внизу мальчики нашли журчащую рѣчку, бѣжавшую между ивами. Оба бросились на берегъ и, вытянувъ губы на уровень блестѣвшей отъ звѣздъ поверхности воды, напились всласть.

— Дикъ,—сказалъ Мэтчемъ,—я не могу больше.

— Я видѣлъ, когда мы спускались, какую-то яму,—сказалъ Дикъ.—Ляжемъ тамъ и заснемъ.

— О, съ большимъ удовольствіемъ!—вскрикнулъ Мэтчемъ.

Яма была песчаная и сухая; съ одной стороны ее прикрывала группа терновыхъ кустовъ, росшая надъ ней; мальчики легли, крѣпко прижавшись другъ къ другу для тепла и совершенно забывъ о своей ссорѣ. Скоро сонъ сошелъ на нихъ, словно облако, и они мирно заснули на росѣ подъ звѣздами.

VII. Закрытое лицо.

Они проснулись на разсвѣтѣ; птицы еще не пѣли, а только чирикали то тамъ, то сямъ въ лѣсу; солнце еще не взошло, но на востокѣ небо было покрыто красивыми, разноцвѣтными полосами. Полуголодные, измученные отъ усталости, они лежали неподвижно, испытывая чувство восхитительной истомы. Внезапно до слуха ихъ донесся звукъ колокольчика.

— Колокольчикъ!—сказалъ, вставая, Дикъ.—Неужели мы такъ близко отъ Холивуда?

Немного спустя снова раздался звукъ колокольчика, но на этотъ разъ нѣсколько ближе; и съ этихъ поръ онъ продолжалъ звучать отрывисто въ утреннемъ молчаніи, приближаясь все болѣе и болѣе.

— Что бы это могло значить?—сказалъ Дикъ, который проснулся совсѣмъ.

— Это идетъ кто-то,—отвѣтилъ Мэтчемъ,—колокольчикъ звенитъ при каждомъ его движеніи.

— Я самъ понимаю это,—сказалъ Дикъ.—Но для чего? Что дѣлаетъ онъ въ Тонсталльскихъ лѣсахъ? Джекъ,—прибавилъ онъ,—смѣйся надо мной, если хочешь, но мнѣ не нравится этотъ глухой звукъ.

— Да, — сказалъ Мэтчемъ, и дрожь пробѣжала по его

тѣлу,—въ немъ есть что-то печальное. Если бы не наступилъ день...

Но какъ разъ въ это мгновеніе колокольчикъ зазвучалъ быстрѣе и отчетливѣе, потомъ издалъ громкій, нестройный звукъ и замолкъ на нѣкоторое время.

— Тотъ, кто идетъ съ колокольчикомъ, какъ будто бѣжалъ нѣсколько времени и потомъ бросился въ воду,—замѣтилъ Дикъ.

— А теперь онъ снова пошелъ тише,—прибавилъ Мэтчемъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Дикъ,—не такъ ужъ тихо, Джекъ. Этотъ человѣкъ идетъ очень скоро. Онъ или боится за свою жизнь, или спѣшитъ по какому-нибудь дѣлу. Развѣ ты не замѣчаешь, какъ быстро приближаются шаги?

— Они совсѣмъ близко,—сказалъ Мэтчемъ.

Мальчики стояли на краю ямы, а такъ какъ она находилась на возвышеніи, то передъ ними открывался видъ на большую часть прогалины вплоть до окружавшихъ ее густыхъ лѣсовъ.

При дневномъ свѣтѣ, очень ясномъ, хотя небо было сѣро, мальчики увидѣли тропинку, извивавшуюся бѣлой лентой среди дроковъ. Судя по ея направленію, Дикъ рѣшилъ, что она должна, болѣе или менѣе прямо, вести къ Моотъ-Хаусу.

На тропинкѣ показалась бѣлая фигура, вышедшая изъ опушки лѣса. Она остановилась немного, видимо оглядываясь по сторонамъ; потомъ медленно, согнувшись почти вдвое, пошла черезъ верескъ, приближаясь къ мѣсту, гдѣ находились мальчики. Колокольчикъ звенѣлъ при каждомъ ея шагѣ. Лица у фигуры не было; бѣлый капюшонъ, въ которомъ не были даже прорѣзаны дырочки для глазъ, закрывалъ голову; невѣдомое существо, повидимому, ощупывало дорогу палкой.

Смертельный ужасъ охватилъ мальчиковъ.

— Прокаженный!—проговорилъ Дикъ слабымъ голосомъ.

— Его прикосновеніе — смерть, — сказалъ Мэтчемъ,—бѣжимъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Дикъ, развѣ ты не видишь, что онъ совсѣмъ слѣпой? Онъ ощупываетъ дорогу палкой. Будемъ лежать смирно; вѣтеръ дуетъ въ сторону тропинки; онъ пройдетъ мимо, не сдѣлавъ намъ вреда. Увы, бѣднякъ, намъ слѣдуетъ пожалѣть его!

— Я пожалѣю его, когда онъ пройдетъ мимо, — отвѣтилъ Мэтчемъ.

Слѣпой прокаженный прошелъ уже полпути до нихъ. Взошло солнце и освѣтило его закрытое лицо. До своей отвратительной болѣзни онъ былъ, видимо, высокаго роста и даже теперь шелъ увѣренной походкой сильнаго человѣка. Печальный звонъ колокольчика, стукъ палки, покрывало безъ дырочекъ для глазъ на лицѣ, сознаніе, что онъ не только приговоренъ къ смерти и страданіямъ, но навсегда осужденъ не прикасаться къ ближнимъ,— все это наполнило ужасомъ сердца мальчиковъ, и съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ его къ нимъ, мужество и силы покидали ихъ.

Незнакомецъ поровнялся съ ямой, остановился и повернулъ лицо прямо въ сторону мальчиковъ.

— Святая Дѣва, защити меня! Онъ видитъ насъ!—слабымъ голосомъ сказалъ Мэтчемъ.

— Тсъ!—шепнулъ Дикъ. — Онъ только прислушивается. Вѣдь онъ слѣпъ, дурачокъ!

Прокаженный смотрѣлъ, или слушалъ; какъ бы то ни было, онъ простоялъ нѣсколько секундъ на одномъ мѣстѣ. Потомъ онъ пошелъ дальше, но снова остановился, повернулся и какъ будто взглянулъ на мальчиковъ. Даже Дикъ смертельно поблѣднѣлъ и закрылъ глаза, точно могъ заразиться отъ одного взгляда прокаженнаго. Но вскорѣ зазвучалъ колокольчикъ, и на этотъ разъ прокаженный, безъ малѣйшаго колебанія, прошелъ остальную часть маленькой прогалины и исчезъ подъ сѣнью лѣса.

— Онъ видѣлъ насъ, — сказалъ Мэтчемъ, — я готовъ поклясться въ этомъ!

— Вздоръ!—возразилъ Дикъ, который нѣсколько оправился отъ страха.—Онъ только слышалъ насъ. Онъ самъ боялся, бѣднякъ! Будь ты слѣпъ и ходи постоянно во мракѣ, ты самъ испугался бы, если бы хрустнула вѣтвь, или зачирикала птица.

— Дикъ, добрый Дикъ, онъ видѣлъ насъ,—повторилъ Мэтчемъ.—Когда человѣкъ прислушивается, онъ поступаетъ не такъ, какъ этотъ, а совсѣмъ иначе. Онъ видѣлъ, а не слышалъ. У него злыя намѣренія. Вотъ послушай, вѣдь колокольчикъ не звонитъ больше.

Дѣйствительно, то была правда. Колокольчикъ не звонилъ больше.

— Да, мнѣ не нравится это,—сказалъ Дикъ.—Да,—крик-

нулъ онъ,—мнѣ очень не нравится это. Что бы это могло значить? Идемъ скорѣе!

— Онъ пошелъ къ востоку,—прибавилъ Мэтчемъ.—Добрый Дикъ, пойдемъ прямо на западъ. Я вздохну свободно только тогда, когда повернусь спиной къ этому прокаженному.

— Ты слишкомъ труслив, Джекъ,—возразилъ Дикъ.—Мы пойдемъ прямо въ Холивудъ, т. е. по крайней мѣрѣ настолько, насколько я могу вести тебя, и, значитъ, на сѣверъ.

Они поднялись, прошли по камнямъ черезъ рѣку и начали подыматься на противоположный берегъ, который подымался болѣе круто къ опушкѣ лѣса. Мѣстность стала очень неровной; поминутно встрѣчались то бугорки, то впадины; деревья стояли то отдѣльно, то группами. Становилось трудно выбирать дорогу, и мальчики шли нѣсколько наугадъ. Къ тому же они устали отъ вчерашнихъ усилій и недостатка пищи и тяжело тащили ноги по песку.

Войдя на холмикъ, они вдругъ увидѣли прокаженнаго, который переходилъ дорогу по впадинѣ въ нѣсколькихъ стахъ футовъ впереди нихъ. Колокольчикъ безмолствовалъ, палка болѣе не стучала по землѣ; онъ шелъ быстрой, увѣренной походкой зрячаго человѣка. Въ слѣдующее мгновеніе онъ исчезъ въ маленькой рощѣ.

При первомъ взглядѣ на прокаженнаго мальчики спрятались за кустикомъ дрока и продолжали лежать тамъ, пораженные ужасомъ.

— Навѣрно, онъ преслѣдуетъ насъ,—сказалъ Дикъ,—навѣрно. Ты видѣлъ, онъ придерживалъ рукой язычекъ у колокольчика, чтобы онъ не звонилъ? Ну, да помогутъ намъ всѣ святые и да научатъ насъ! У меня нѣтъ силъ бороться съ заразой!

— Что онъ дѣлаетъ?—проговорилъ Мэтчемъ.—Что нужно ему? Кто слышалъ, чтобы прокаженный сталъ преслѣдовать несчастныхъ лишь по злобѣ? Вѣдь колокольчикъ у него именно для того, чтобы люди могли избѣгать его? Дикъ, тутъ скрывается что-то болѣе серьезное.

— Мнѣ все равно,—со стономъ сказалъ Дикъ, — сила моя пропала; ноги—словно вода. Да помогутъ мнѣ святые!

— Неужели ты будешь лежать тутъ?—крикнулъ Мэтчемъ.— Пойдемъ назадъ на открытое мѣсто. Тамъ намъ удобнѣе; онъ не можетъ подкрасться неожиданно.

— Я не могу,—сказалъ Дикъ,—мое время пришло; онъ можетъ случайно пройти мимо.

— Ну, такъ натяни мнѣ твой арбалетъ!—вскрикнулъ Мэтчемъ.—Будь же мужчиной!

Дикъ перекрестился.

— Неужели ты хочешь, чтобы я стрѣлялъ въ прокаженнаго?—сказалъ онъ.—У меня рука не подымется на это....— Нѣтъ,—прибавилъ онъ,—будь что будетъ! Я буду драться съ людьми, но не съ призраками и прокаженными. Я не знаю, кто это! Но небо защититъ насъ отъ того или другого.

— Ну,—замѣтилъ Мэтчемъ,—если таково мужество мужчины, то что онъ за жалкое созданіе! Однако, если ты ничего не хочешь дѣлать, то будемъ лежать смирно.

Колокольчикъ отрывисто звякнулъ.

— Онъ не удержалъ язычка,—шепнулъ Мэтчемъ.—Святые угодники! Какъ онъ близко отъ насъ.

Дикъ ничего не отвѣтилъ; отъ страха у него чуть не стучали зубы.

Скоро они увидѣли между кустиками кусокъ бѣлой одежды; затѣмъ изъ-за пня высунулась голова прокаженнаго; казалось, онъ пристально оглядѣлъ окрестность, прежде чѣмъ удалился. Для напряженныхъ чувствъ мальчиковъ, весь кустъ какъ бы ожилъ отъ шороха листьевъ и треска вѣтвей; оба они ясно слышали біеніе сердца другъ у друга.

Внезапно прокаженный съ крикомъ выскочилъ на ближайшую прогалину и побѣжалъ прямо на мальчиковъ. Громко крича, они бросились въ разныя стороны. Но ихъ страшный врагъ живо догналъ Мэтчема и схватилъ его такъ крѣпко, что онъ не имѣлъ возможности сопротивляться. Мальчикъ испустилъ отчаянный крикъ, раздавшійся далеко въ лѣсу, и судорожно забился; потомъ члены его ослабѣли, и онъ упалъ безъ чувствъ на руки человѣка, который его схватилъ.

Дикъ услышалъ крикъ и обернулся. Онъ увидѣлъ, какъ упалъ Мэтчемъ, и бодрость духа и сила вернулись къ нему. Съ крикомъ сожалѣнія и гнѣва онъ снялъ свой арбалетъ и натянулъ его. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выстрѣлить, прокаженный остановилъ его, поднявъ руку.

— Погоди стрѣлять, Диконъ! — крикнулъ знакомый го-

лось.—Погоди стрѣлять, безумный смѣльчакъ! Неужели ты не узнаешь друга?

Прокаженный съ крикомъ выскочилъ на прогалину...

Прокаженный положилъ Мэтчема на землю, снялъ съ лица капюшонъ, и передъ Дикомъ явились знакомыя черты сэра Даніэля Брэклея.

— Сэръ Даніэль!—вскрикнулъ Дикъ.

— Да, клянусь мессой, сэръ Даніэль!—сказалъ рыцарь.—Ты что же это вздумалъ стрѣлять въ своего опекуна, плутъ? Но вотъ этотъ...—Тутъ онъ прервалъ себя и спросилъ, указывая на Мэтчема:—Какъ имя его, Дикъ?

— Я зову его мастеръ Мэтчемъ,—сказалъ Дикъ.—Развѣ вы его не знаете? Онъ говорилъ, что вы его знаете.

— Да,—отвѣтилъ сэръ Даніэль,—я знаю этого мальчика,—и усмѣхнулся.—Но онъ потерялъ сознаніе, и, правду сказать, было изъ-за чего. Да, Дикъ? Вѣдь я напугалъ васъ до смерти, не правда ли?

— Да, сэръ Даніэль, напугали,—сказалъ Дикъ, вздыхая при одномъ воспоминаніи.—Ну, сэръ, извините, я, право, охотнѣе встрѣтился бы съ самимъ дьяволомъ и, по правдѣ сказать, дрожу еще до сихъ поръ. Но что заставило васъ одѣться такъ, сэръ?

Чело сэра Даніэля внезапно омрачилось отъ гнѣва.

— Что заставило?—сказалъ онъ.—Хорошо, что ты напомнилъ мнѣ объ этомъ. Что? Я прятался въ своемъ собственномъ Тонсталльскомъ лѣсу ради спасенія жизни, Дикъ. Мы поспѣли не во-время къ сраженію—какъ разъ, чтобы принять участіе въ бѣгствѣ. Гдѣ всѣ мои славные воины? Клянусь мессой, не знаю, Дикъ. Мы были смяты, выстрѣлы градомъ падали на насъ; я не видѣлъ ни одного человѣка въ одеждѣ моихъ цвѣтовъ съ тѣхъ поръ, какъ трое упали у меня на глазахъ. Что касается меня, я добрался невредимымъ до Шорби и, помня о «Черной Стрѣлѣ», досталъ себѣ эту одежду и колокольчикъ и тихо пошелъ по дорогѣ къ Моотъ-Хаусу. Никакое переодѣваніе не можетъ сравниться съ этимъ; звонъ этого колокольчика напугаетъ самаго храбраго молодца въ лѣсу; всѣ они блѣднѣютъ, когда слышатъ его. Наконецъ, я дошелъ до тебя и Мэтчема. Я плохо видѣлъ черезъ капюшонъ и не былъ увѣренъ, что это вы; главное, по многимъ причинамъ, я былъ удивленъ, встрѣтивъ васъ вмѣстѣ. Кромѣ того, я боялся открыться на полянкѣ, гдѣ долженъ былъ итти медленно, постукивая палкой.—Но взгляни, бѣдняга начинаетъ оживать немного. Глотокъ хорошаго вина съ Канарскихъ острововъ подбодритъ его.

Рыцарь вынулъ изъ-подъ своей длинной одежды большую бутылку и началъ растирать виски и смачивать губы мальчика, который постепенно началъ приходить въ сознаніе, переводя

тусклый взглядъ съ одного на другого изъ стоявшихъ передъ нимъ людей.

— Ободрись, Джекъ!—сказалъ Дикъ.—Это былъ вовсе не прокаженный, а сэръ Даніэль! Посмотри самъ!

— Проглоти-ка хорошенькую порцію вотъ этого напитка,—сказалъ рыцарь.—Это придастъ тебѣ мужества. Потомъ я дамъ поѣсть вамъ обоимъ, и мы отправимся всѣ трое въ Тонсталль. Долженъ признаться по совѣсти, Дикъ,—продолжалъ онъ, раскладывая на травѣ хлѣбъ и мясо,—я не могу дождаться времени, когда буду въ безопасности, въ четырехъ стѣнахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ сѣлъ на коня, мнѣ никогда не приходилось такъ плохо; въ опасности моя жизнь, и имѣніе, и средства существованія и въ довершеніе всего меня преслѣдуютъ эти лѣсные бродяги. Но я еще не сдаюсь. Нѣкоторые изъ моихъ молодцовъ сумѣютъ пробраться домой. У Хэтча десять человѣкъ; у Сельдена—шесть. Да, мы скоро снова станемъ сильными; и если мнѣ удастся купить миръ у счастливаго и недостойнаго лорда Іорка, мы съ тобой, Дикъ, будемъ снова людьми и станемъ опять разъѣзжать верхомъ.

Сказавъ это, рыцарь наполнилъ рогъ виномъ съ Канарскихъ острововъ и молча отвѣтилъ на тостъ своего воспитанника.

— Сельденъ, — запинаясь, пробормоталъ Дикъ, — Сельденъ...—Онъ снова остановился.

Сэръ Даніэль опустилъ рогъ съ виномъ, не попробовавъ его.

— Что такое? —крикнулъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Сельденъ? Говори! Что съ Сельденомъ?

Дикъ, запинаясь, разсказалъ о засадѣ и избіеніи приверженцевъ сэра Даніэля.

Рыцарь слушалъ молча; по лицо его судорожно подергивалось отъ гнѣва и печали.

— Клянусь моей правой рукой, я отомщу за это! —вскричалъ онъ.—Если мнѣ не удастся, если я не пролью крови десяти человѣкъ за каждаго изъ моихъ слугъ, пусть отсохнетъ эта рука! Я сломалъ этого Декуорса, какъ тростинку, разорилъ его; я сжегъ кровъ надъ его головой; я выгналъ его изъ этой мѣстности. Неужели же онъ снова вернется, чтобы оскорблять меня? Ну, Декуорсъ, на этотъ разъ плохо придется тебѣ!

Онъ помолчалъ нѣсколько времени; лицо его продолжало подергиваться.

— Ѣшьте! — вдругъ вскрикнулъ онъ. —А ты, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Мэтчему,—поклянись мнѣ, что послѣдуешь за мной въ Моотъ-Хаусъ.

— Клянусь моей честью!—отвѣтилъ Мэтчемъ.

— Что мнѣ дѣлать съ твоей честью!—крикнулъ рыцарь.— Поклянись мнѣ счастьемъ твоей матери.

Мэтчемъ далъ требуемую клятву; сэръ Даніэль спустилъ капюшонъ на лицо и приготовилъ колокольчикъ и палку. Это ужасное переодѣваніе возбудило до извѣстной степени чувство ужаса, пережитаго его спутниками. Вскорѣ рыцарь поднялся на ноги.

— Ѣшьте скорѣе, — сказалъ онъ, — и быстро слѣдуйте за мной въ мой домъ.

Съ этими словами онъ пошелъ къ лѣсу, и вскорѣ звукъ колокольчика сталъ отсчитывать его шаги. Мальчики сидѣли, не дотрагиваясь до ѣды, и слушали, пока колокольчикъ не замеръ медленно вдали, на вершинѣ холма.

— Итакъ, ты идешь въ Тонсталль?—спросилъ Дикъ.

— Да, что сдѣлать! — сказалъ Мэтчемъ. — Я храбрѣе за спиной сэра Даніэля, чѣмъ когда бываю лицомъ къ лицу съ нимъ.

Они спѣшно поѣли и отправились по тропинкѣ, которая шла по возвышенности, среди лѣса, гдѣ большіе буки стояли въ одиночку среди зеленыхъ полянокъ, а птицы и бѣлки рѣзвились въ ихъ вѣтвяхъ. Два часа спустя они спускались уже по другую сторону и среди верхушекъ деревьевъ увидѣли передъ собой красныя стѣны и крыши Тонсталльскаго дома.

— Здѣсь, — сказалъ, останавливаясь, Мэтчемъ, — ты простишься со своимъ другомъ Джекомъ, котораго никогда ужъ больше не увидишь. Ну, Дикъ, прости ему все, что онъ сдѣлалъ дурного, какъ онъ, со своей стороны, радостно, съ любовью прощаетъ тебя.

— Почему?—спросилъ Дикъ.—Вѣдь мы оба идемъ въ Тонсталль; я думаю, что буду видѣть тебя тамъ и даже очень часто.

— Ты никогда больше не увидишь бѣднаго Джека Мэтчема,—отвѣтилъ мальчикъ,—онъ былъ такъ трусливъ и надоѣдливъ, а все же вытащилъ тебя изъ рѣки; ты не увидишь его больше, Дикъ, клянусь честью!—Онъ открылъ объятія; мальчики обнялись и поцѣловались.—Знаешь, Дикъ, у меня дурное предчувствіе,—продолжалъ Мэтчемъ.—Ты увидишь теперь новаго сэра Даніэля: до сихъ поръ все удавалось ему, и счастье сопут-

ствовало ему; но, я думаю, теперь, когда его постигъ злой рокъ и жизни его могутъ грозить всякія случайности, онъ окажется плохимъ господиномъ для насъ обоихъ. Онъ, можетъ быть, храбръ въ сраженіи, но у него лживые глаза, у него въ глазахъ страхъ, Дикъ, а страхъ жестокъ, какъ волкъ! Мы идемъ въ его домъ. Святая Марія да выведетъ насъ оттуда!

Они молча продолжали спускаться и, наконецъ, вышли къ стоявшей въ лѣсу твердынѣ сэра Даніэля—низкому, мрачному зданію, съ круглыми башнями по бокамъ, покрытому мхомъ, со рвомъ, поросшимъ лиліями.

КНИГА II.

МООТЪ-ХАУСЪ.

I. Дикъ предлагаетъ вопросы.

Моотъ-Хаусъ стоялъ недалеко отъ дороги, проложенной въ лѣсу. Снаружи онъ представлялъ собою прямоугольникъ изъ краснаго камня, на каждомъ углу котораго возвышалось по круглой башнѣ съ бойницами для стрѣльбы изъ лука и зубцами наверху. Въ срединѣ былъ узкій дворъ. Черезъ ровъ, приблизительно въ двѣнадцать футовъ ширины, былъ перекинутъ подъемный мостъ. Ровъ наполнялся водой, проведенной посредствомъ канавы изъ лѣсного пруда; защищать его было можно съ зубцовъ двухъ южныхъ башенъ. Вообще домъ стоялъ удобно для защиты. На разстояніи, до котораго можетъ долетѣть стрѣла, пущенная изъ лука, виднѣлось нѣсколько большихъ деревьевъ.

Во дворѣ Дикъ нашелъ часть гарнизона, дѣятельно готовившагося къ защитѣ и угрюмо обсуждавшаго шансы ея. Кто дѣлалъ стрѣлы, кто оттачивалъ давно не употреблявшіеся мечи, но, работая, всѣ покачивали головами.

Двѣнадцать человѣкъ изъ отряда сэра Даніэля спаслись съ поля битвы, пробрались черезъ лѣсъ и явились въ Моотъ-Хаусъ. Но изъ этой дюжины трое были тяжело ранены, двое при Райзингэмѣ, во время безпорядочнаго бѣгства, одинъ—часовыми Джона Мстителя въ то время, какъ пересѣкалъ лѣсъ. Такимъ образомъ, гарнизонъ, считая Хэтча, сэра Даніэля и молодого Шельтона, состоялъ изъ двадцати двухъ человѣкъ. Можно было ожидать,

что постоянно будутъ прибавляться новыя силы. Поэтому опасность грозила не со стороны недостатка людей.

Страхъ передъ «Черной Стрѣлой»—вотъ что угнетало духъ гарнизона. Въ тѣ времена постоянныхъ перемѣнъ люди очень мало заботились о своихъ явныхъ врагахъ—приверженцахъ партіи Іорка. Какъ говорили тогда: «Міръ перевернется прежде, чѣмъ придетъ бѣда». Но они дрожали передъ своими сосѣдями въ лѣсу. Не одинъ сэръ Даніэль былъ отмѣченъ ихъ ненавистью. Его слуги, въ сознаніи своей безнаказанности, жестоко обращались съ жителями этой мѣстности. Жесткія приказанія и исполнялись жестко, и изъ маленькой группы людей, разговаривавшихъ во дворѣ, не было ни одного не виновнаго въ притѣсненіи сосѣдей или въ варварскомъ поступкѣ. А теперь, благодаря случайностямъ войны, сэръ Даніэль оказывался неспособнымъ защитить своихъ слугъ; теперь, благодаря нѣсколькимъ часамъ битвы, въ которой не принимали участія многіе изъ собесѣдниковъ, всѣ они стали достойными наказанія, государственными измѣнниками, находящимися внѣ закона, небольшимъ отрядомъ въ жалкой крѣпости, которую едва-ли удастся отстоять, людьми, подвергающимися справедливой мести своихъ жертвъ. Не было недостатка и въ мрачныхъ указаніяхъ на то, что ожидало ихъ.

Въ различное время, вечеромъ и ночью, къ воротамъ съ громкимъ ржаніемъ прискакало не менѣе семи испуганныхъ лошадей безъ всадниковъ. Двѣ изъ нихъ принадлежали воинамъ изъ отряда Сельдена; пять тѣмъ, кто выѣхалъ на поле сраженія съ сэромъ Даніэлемъ. Наконецъ, незадолго до разсвѣта ко рву, шатаясь, подошелъ копьеносецъ, пронзенный тремя стрѣлами; онъ испустилъ духъ, пока его внесли, но судя по словамъ, которыя онъ говорилъ въ агоніи, онъ долженъ былъ быть послѣднимъ, оставшимся въ живыхъ изъ значительнаго отряда.

Даже Хэтчъ, несмотря на загаръ, поблѣднѣлъ отъ тревоги. Онъ отвелъ Дика въ сторону и, узнавъ отъ него судьбу Сельдена, упалъ на каменную скамью и заплакалъ. Остальные смотрѣли на него съ удивленіемъ и тревогой, сидя на стульяхъ и приступочкахъ въ солнечномъ уголкѣ двора, но никто не рѣшился спросить о причинѣ его волненія.

— Ну, мастеръ Шельтонъ,—наконецъ, проговорилъ Хэтчъ,—ну, что я говорилъ? Мы всѣ уйдемъ одинъ за другимъ. Сельденъ былъ мнѣ словно братъ родной. Онъ ушелъ вторымъ; ну, мы всѣ

пойдемъ за нимъ! Какъ это было въ ихъ негодныхъ стихахъ: «Черную стрѣлу въ черное сердце». Кажется, такъ? Апплльярдъ, Сельденъ, Смитъ, старый Гемфрей всѣ ушли, а тамъ лежитъ бѣдный Джонъ Картеръ; бѣдный грѣшникъ все призываетъ священника.

Дикъ насторожилъ уши. Изъ низкаго окна, у котораго они разговаривали, долетали до его слуха стоны и шопотъ.

— Онъ лежитъ тутъ?—спросилъ онъ.

— Да, въ комнатѣ второго привратника, — отвѣтилъ Хэтчъ. — Мы не могли нести его дальше, онъ такъ страдалъ душой и тѣломъ. Съ каждымъ толчкомъ, когда мы поднимали его, онъ думалъ, что кончается. Но теперь мнѣ думается, онъ страдаетъ больше душой. Онъ все время зоветъ священника; не понимая, почему не идетъ сэръ Оливеръ. Исповѣдь будетъ длинная; бѣдному Апплльярду и бѣдному Сельдену не пришлось исповѣдаться.

Дикъ подошелъ къ окну и заглянулъ въ него. Маленькая келья была низка и темна, но онъ могъ разглядѣть раненаго солдата, лежавшаго на койкѣ и стонавшаго.

— Ну какъ дѣла, бѣдный Картеръ?—спросилъ онъ.

— Мастеръ Шельтонъ,—взволнованнымъ шопотомъ проговорилъ раненый,—ради Бога, приведите священника. Увы! Мнѣ пришелъ конецъ; мнѣ очень плохо; рана моя смертельна. Вы не можете оказать мнѣ никакой другой услуги, это будетъ послѣдняя. Ради спасенія моей души, какъ настоящій джентльменъ, поторопитесь; у меня на совѣсти такое дѣло, которое можетъ ввергнуть меня въ пучину ада.

Онъ застоналъ и Дикъ услышалъ, какъ онъ заскрежеталъ зубами отъ боли или ужаса.

Какъ разъ въ эту минуту сэръ Даніэль показался на порогѣ залы. Въ рукѣ у него было письмо.

— Ребята,—сказалъ онъ,—мы потерпѣли пораженіе; къ чему отрицать это? Напротивъ, это заставляетъ насъ еще скорѣе сѣсть на коней. Старый Гарри Шестой проигралъ битву. Ну, такъ умоемъ руки. У меня есть близкій къ герцогу человѣкъ— лордъ Уэнслейдель, мой добрый другъ. Ну, я написалъ письмо этому другу, прося его милости и обѣщая большое удовлетвореніе за прошлое и достаточно вѣрное обезпеченіе въ будущемъ. Не сомнѣвайтесь, что онъ благосклонно выслушаетъ насъ.

Мольба безъ даровъ все равно, что пѣсня безъ музыки; я осыплю его обѣщаніями, ребята, я не скуплюсь на обѣщанія. Чего же не достаетъ? Очень важнаго! Къ чему мнѣ обманывать васъ? Важнаго и труднаго: гонца, чтобы доставить это письмо. Лѣса, какъ вамъ извѣстно, полны людей, желающихъ намъ зла. Быстрота очень нужна, но безъ хитрости и осторожности ничего не выйдетъ. Кто же изъ вашего отряда возьметъ это письмо, доставитъ его лорду Уэнслейделю и принесетъ мнѣ отвѣтъ?

Немедленно поднялся одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Я сдѣлаю это, если вы желаете,—сказалъ онъ,—я готовъ даже рисковать шкурой.

— Нѣтъ, Дикки Боуеръ,—возразилъ рыцарь.—Это не нравится мнѣ. Ты, правда, хитеръ, но недостаточно проворенъ. Ты всегда отстаешь отъ другихъ.

— Ну, тогда я, сэръ Даніэль!—крикнулъ другой.

— Боже упаси!—сказалъ рыцарь.—Ты проворенъ, но не хитеръ. Ты сразу попадешь въ лагерь Джона Мстителя. Благодарю васъ обоихъ за желаніе и смѣлость. Но вы не годитесь.

Хэтчъ предложилъ себя, но также получилъ отказъ.

— Ты нуженъ мнѣ здѣсь, добрый Беннетъ; ты, вѣдь, моя правая рука,—возразилъ рыцарь.

Наконецъ, изъ группы подошедшихъ къ нему людей сэръ Даніэль выбралъ одного и далъ ему письмо.

— Ну,—сказалъ онъ,—мы всѣ зависимъ отъ твоего проворства и осторожности. Принеси мнѣ хорошій отвѣтъ, и раньше чѣмъ черезъ три недѣли я очищу мой лѣсъ отъ бродягъ, которые смѣютъ смѣяться намъ въ лицо. Но замѣть хорошенько, Трогмортонъ, дѣло не легкое. Ты долженъ выбраться ночью и пробираться, какъ лисица; а какъ ты переберешься черезъ Тилль, ужъ и не знаю: нельзя ни перейти черезъ мостъ, ни переправиться въ лодкѣ.

— Я умѣю плавать,—сказалъ Трогмортонъ.—Не бойтесь, я вернусь благополучно.

— Ну, другъ, ступай въ кладовую, — отвѣтилъ сэръ Даніэль,—и поплавай прежде всего въ темномъ элѣ.—Съ этими словами онъ повернулся и вышелъ изъ сѣней.

— У сэра Даніэля мудрый языкъ,—замѣтилъ Хэтчъ Дику.— Право, многіе изъ менѣе великихъ людей постарались бы замять дѣло, а онъ говоритъ правду своему отряду. Вотъ, говоритъ онъ,

опасность, а вотъ и затрудненіе, и шутитъ, говоря это. Клянусь, Распятіемъ, онъ природный вождь! Нѣтъ ни одного человѣка, котораго не подбодрилъ бы! Посмотрите, какъ всѣ принялись за дѣло.

Это восхваленіе сэра Даніэля навело Дика на одну мысль.

— Беннетъ,—сказалъ онъ,—какъ умеръ мой отецъ?

— Не спрашивайте меня,—отвѣтилъ Хэтчъ.—Я не принималъ участія въ его смерти и ничего не знаю; да и больше того, я буду молчать, мастеръ Дикъ. Видите, человѣкъ можетъ говорить о своихъ дѣлахъ, но не о томъ, какіе разговоры онъ слышитъ. Спрашивайте, если хотите, сэра Оливера... или Картера, а не меня.

Хэтчъ отправился въ обходъ, оставивъ Дика въ раздумьѣ.

— Почему онъ не захотѣлъ сказать мнѣ?—думалъ юноша.— И почему онъ назвалъ Картера? Картеръ... можетъ быть, онъ принималъ тутъ какое-нибудь участіе.

Онъ вошелъ въ домъ и, пройдя немного по коридору съ нависшими сводами, подошелъ къ двери кельи, откуда доносились стоны раненаго. Картеръ сильно вздрогнулъ, увидя его.

— Привели вы священника?—крикнулъ онъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ Дикъ.—Прежде вы должны сказать мнѣ кое-что. Какъ умеръ мой отецъ, Гарри Шельтонъ?

Выраженіе лица раненаго мгновенно измѣнилось.

— Не знаю,—угрюмо отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, вы хорошо знаете это,—возразилъ Дикъ.—Не старайтесь отдѣлаться отъ меня.

— Говорю вамъ, не знаю,—повторилъ Картеръ.

— Ну, такъ вы умрете безъ исповѣди,—сказалъ Дикъ.— Я здѣсь и останусь. Будьте увѣрены, къ вамъ не придетъ никакой священникъ. Какая польза въ раскаяніи, если не думаешь загладить сдѣланное зло; а безъ раскаянія — исповѣдь только насмѣшка.

— Вы говорите то, чего не думаете, мастеръ Дикъ,—спокойно сказалъ Картеръ.—Дурно угрожать умирающему и (говоря по правдѣ) не годится это дѣлать вамъ. И кромѣ того, что это поведеніе непохвально, оно не принесетъ вамъ никакой пользы. Оставайтесь, если желаете. Вы можете погубить мою душу, вы ничего не узнаете! Это мое послѣднее слово вамъ.— И раненый повернулся на другой бокъ.

Правду говоря, Дикъ сказалъ эти слова необдуманно и ему самому стало стыдно своихъ угрозъ. Но онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе.

— Картеръ,—сказалъ онъ,—поймите меня. Я знаю, что вы были только орудіемъ въ рукахъ другихъ; слуга долженъ повиноваться своему господину; я не могу покарать его. Но, съ разныхъ сторонъ, я узнаю, что на мнѣ—юномъ и ничего незнающемъ—лежитъ великій долгъ, что я долженъ отомстить за отца. Прошу васъ, забудьте мои угрозы, добрый Картеръ, и добровольно, съ искреннимъ раскаяніемъ, помогите мнѣ вашимъ признаніемъ.

Раненый лежалъ молча, Дикъ никакъ не могъ добиться отъ него ни слова.

— Хорошо,—сказалъ Дикъ,—я позову вамъ священника, какъ вы желаете; если вы виновны противъ меня и моихъ родныхъ, то я не хочу быть виноватымъ противъ кого бы то ни было, тѣмъ болѣе противъ человѣка, находящагося при послѣднемъ издыханіи.

Старый солдатъ выслушалъ его все также безмолвно и неподвижно. Онъ даже сдержалъ стоны, и Дикъ, выходя изъ комнаты, преисполнился восхищеніемъ передъ этимъ суровымъ мужествомъ.

— А между тѣмъ,—думалъ онъ,—что значитъ мужество безъ ума? Будь у него чисты руки, онъ заговорилъ бы; его молчаніе выдало тайну лучше всякихъ словъ. Ну, улики стекаются ко мнѣ со всѣхъ сторонъ. Сэръ Даніэль или его люди принимали участіе въ смерти моего отца.

Дикъ съ тяжестью на сердцѣ остановился въ каменномъ коридорѣ. Неужели въ этотъ часъ, когда счастье измѣнило сэру Даніэлю, когда онъ осужденъ членами шайки «Черная Стрѣла», когда онъ осажденъ побѣдоносными приверженцами іоркскаго дома, неужели и онъ, Дикъ, обратится противъ человѣка, выкормившаго и воспитавшаго его, человѣка, который, правда, часто сурово наказывалъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимо охранялъ его юность? Если это, дѣйствительно, окажется необходимымъ, какъ жестоко это будетъ!

— Дай Богъ, чтобы онъ былъ невиненъ!—сказалъ онъ.

Въ это время чьи-то шаги раздались по плитамъ коридора, и сэръ Оливеръ степенно подошелъ къ юношѣ

— Тутъ васъ ждутъ съ нетерпѣніемъ,—сказалъ Дикъ.

— Я иду туда, добрый Ричардъ,—сказалъ священникъ.— Это бѣдный Картеръ. Увы, его невозможно исцѣлить.

— А душа у него страдаетъ еще сильнѣе тѣла,—замѣтилъ Дикъ.

— Вы видѣли его? — спросилъ, замѣтно вздрогнувъ, сэръ Оливеръ.

— Я только что отъ него,—отвѣтилъ Дикъ.

— Что сказалъ онъ... что сказалъ онъ?—поспѣшно отрывистымъ тономъ проговорилъ священникъ.

— Онъ только жалобно призывалъ васъ, сэръ Оливеръ... Вы хорошо сдѣлаете, если поскорѣе пойдете къ нему, потому что рана причиняетъ ему сильную боль.

— Я сейчасъ пойду къ нему,—отвѣтилъ священникъ.—Ну, всѣ мы грѣшны. Для всѣхъ насъ настанетъ послѣдній часъ, добрый Ричардъ.

— Да, сэръ, и хорошо, если всѣ мы встрѣтимъ его спокойно,—отвѣтилъ Дикъ.

Священникъ опустилъ глаза и, пробормотавъ благословеніе, поспѣшно ушелъ.

— И онъ также!—подумалъ Дикъ.—Онъ, который поучалъ меня благочестію. Что это за свѣтъ, если всѣ, кто заботились обо мнѣ, виновны въ смерти моего отца! Мщеніе! Увы! Какъ горька моя участь: я долженъ мстить моимъ друзьямъ!

При этой мысли онъ вспомнилъ Мэтчема.

При воспоминаніи о своемъ странномъ товарищѣ онъ сначала улыбнулся, а затѣмъ задумался надъ тѣмъ, гдѣ бы онъ могъ быть. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ они дошли вмѣстѣ до дверей Моотъ-Хауса, младшій мальчикъ исчезъ, и Дикъ стосковался по немъ; ему такъ хотѣлось перекинуться съ нимъ словечкомъ, другимъ.

Приблизительно черезъ часъ послѣ обѣдни, довольно быстро совершенной сэромъ Оливеромъ, все общество собралось въ большой залѣ для обѣда. Это была длинная, низкая комната съ поломъ, усыпаннымъ зеленымъ тростникомъ, со стѣнами, украшенными коврами съ изображеніями охотниковъ и гончихъ собакъ. Тамъ и сямъ на стѣнахъ были развѣшены копья, луки и щиты; въ громадномъ каминѣ ярко горѣлъ огонь; вокругъ стѣнъ шли

скамьи, покрытыя коврами, а посрединѣ комнаты хорошо накрытый столъ ожидалъ обѣдающихъ. Ни сэръ Даніэль, ни его жена не явились къ обѣду. Не было даже и сэра Оливера, а о Мэтчемѣ не говорили ни слова. Дикъ начиналъ безпокоиться; ему припоминались грустныя предчувствія пріятеля; онъ сталъ раздумывать, не случилось ли чего дурного съ Мэтчемомъ въ этомъ домѣ. Послѣ ужина онъ отыскалъ Гуди Хэтчъ, которая спѣшила къ лэди Брэклей.

— Гуди,—сказалъ онъ,—скажите, пожалуйста, гдѣ мастеръ Мэтчемъ? Я видѣлъ, какъ вы пошли съ нимъ, когда мы пришли сюда?

Старуха громко расхохоталась.

— Ахъ, мастеръ Дикъ,—сказала она,—какіе у васъ, право, зоркіе глаза!—И снова засмѣялась.

— Нѣтъ, гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ?—настаивалъ Дикъ.

— Вы никогда больше не увидите его,—сказала старуха.— Никогда. Это ужъ навѣрно.

— Я добьюсь причины этого, если не увижу его,—возразилъ Дикъ.—Онъ пришелъ сюда не вполнѣ по своей волѣ; какъ бы то ни было, я его лучшій защитникъ и присмотрю, чтобы съ нимъ хорошо обращались. Тутъ слишкомъ много тайнъ; это начинаетъ надоѣдать мнѣ!

Дикъ еще не договорилъ, какъ чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. То былъ Беннетъ Хэтчъ, незамѣтно подошедшій сзади. Онъ знакомъ отослалъ жену.

— Другъ Дикъ, — сказалъ онъ, когда они остались наединѣ,—да что вы въ самомъ дѣлѣ сошли съ ума, что ли? Если вы не оставите въ покоѣ нѣкоторыхъ вещей, то лучше бы вамъ быть въ соленомъ морѣ, чѣмъ здѣсь въ Тонсталльскомъ домѣ. Вы разспрашивали меня; вы закидывали удочку Картеру; вы напугали своими намеками священника. Ведите же себя умнѣе, безумецъ; и сейчасъ, когда васъ позоветъ сэръ Даніэль, придите къ нему съ ласковымъ лицомъ; будьте благоразумны. Васъ будутъ подробно разспрашивать. Обдумайте свои отвѣты.

— Хэтчъ, — возразилъ Дикъ,—во всемъ этомъ мнѣ чуется нечистая совѣсть.

— Если вы не будете умнѣе, то скоро почуете кровь, — отвѣтилъ Беннетъ. — Я только предупреждаю васъ. А вотъ идутъ за вами.

И, дѣйствительно, въ эту минуту по двору шелъ посланный, чтобы позвать Дика къ сэру Даніэлю.

II. Двѣ клятвы.

Сэръ Даніэль былъ въ залѣ. Онъ въ гнѣвѣ расхаживалъ передъ каминомъ въ ожиданіи Дика. Въ комнатѣ, кромѣ него, не было никого, за исключеніемъ сэра Оливера, который скромно сидѣлъ вдали, перелистывая требникъ и бормоча молитвы.

— Вы посылали за мной, сэръ Даніэль? — сказалъ молодой Шельтонъ.

— Да, я посылалъ за тобой! — отвѣтилъ рыцарь. — Что это дошло до моихъ ушей? Неужели я былъ для тебя такимъ жестокимъ опекуномъ, что ты поспѣшилъ повѣрить всему дурному, что тебѣ наговорили обо мнѣ? Или, можетъ быть, ты хочешь перейти на сторону моихъ враговъ, потому что, въ настоящее время я потерпѣлъ неудачу. Клянусь мессой, отецъ твой былъ не таковъ! Онъ всегда стоялъ за своихъ близкихъ, что бы съ нимъ не было. А ты, Дикъ, повидимому, другъ только въ счастливые дни и теперь хочешь отдѣлаться отъ своихъ.

— Извините, это не такъ, сэръ Даніэль, — твердо проговорилъ Дикъ. — Я благодаренъ и вѣренъ тѣмъ, кому обязанъ благодарностью и вѣрностью. И прежде чѣмъ говорить о другомъ, я благодарю васъ и благодарю сэра Оливера; никто больше васъ обоихъ не имѣетъ правъ на меня; я былъ бы настоящей собакой, если бы забылъ объ этомъ.

— Это хорошо, — сказалъ сэръ Даніэль и потомъ продолжалъ съ возрастающимъ гнѣвомъ: — Твоя благодарность и вѣрность — одни слова, Дикъ Шельтонъ, а я обращаю вниманіе на поступки. Въ часъ опасности, когда мое имя запятнано, мои земли конфискованы, когда этотъ лѣсъ полонъ людьми, жаждущими моей гибели, что значитъ благодарность? — Что значитъ вѣрность? У меня остался только маленькій отрядъ. И что же, въ знакъ благодарности или вѣрности ты отравляешь сердца моихъ людей своими коварными нашептываніями? Избавь меня отъ подобнаго рода благодарности. Ну, чего ты желаешь? Говори, мы здѣсь для того, чтобы отвѣчать. Если ты имѣешь что-нибудь противъ меня — выступи и скажи прямо.

— Сэръ, — отвѣчалъ Дикъ, — отецъ мой умеръ, когда я былъ еще ребенкомъ. До моего слуха дошло, что съ нимъ поступили низко. До моего слуха дошло, — я не хочу ничего скрывать—что вы принимали участіе въ его гибели. И, говоря истину, я не могу не успокоиться, ни честно помогать вамъ, пока не получу разрѣшенія этихъ сомнѣній.

Сэръ Даніэль опустился на скамью. Онъ подперъ рукой подбородокъ и пристально взглянулъ на Дика.

— И ты думаешь, что я могъ быть опекуномъ сына убитаго мной человѣка? — спросилъ онъ.

— Простите, если я отвѣчу вамъ невѣжливо, — сказалъ Дикъ, — но вѣдь вы отлично знаете, что быть опекуномъ чрезвычайно выгодно. Развѣ всѣ эти годы вы не пользовались моими доходами и не управляли моими людьми? Развѣ у васъ въ будущемъ нѣтъ разсчета на мою женитьбу? Не знаю, что она можетъ принести вамъ, но чего-нибудь да стоитъ. Простите меня еще разъ, но если вы были настолькко низки, что убили довѣрявшаго вамъ человѣка, то, можетъ быть, у васъ было достаточно поводовъ для менѣе низкихъ поступковъ.

— Когда я былъ юношей твоихъ лѣтъ, — сурово проговорилъ сэръ Даніэль,—мой умъ не было такъ склоненъ къ подозрѣніямъ. А сэръ Оливеръ,—прибавилъ онъ,—какъ могъ онъ—священникъ—оказаться виновнымъ въ этомъ дѣлѣ?

— Ну, сэръ Даніэль, — сказалъ Дикъ, — собака идетъ, куда ей приказываетъ ея господинъ. Всѣмъ извѣстно, что этотъ священникъ только орудіе вашихъ замысловъ. Я говорю совершенно откровенно; теперь не до вѣжливостей. Я хочу, чтобы мнѣ отвѣтили такъ же искренно, какъ я говорю. А отвѣта я не получаю. Вы только предлагаете мнѣ еще больше вопросовъ. Совѣтую вамъ остеречься, сэръ Даніэль; такимъ образомъ вы только увеличиваете мои подозрѣнія, а не удовлетворяете ихъ.

— Я отвѣчу тебѣ откровенно, мастеръ Ричардъ,—сказалъ рыцарь. — Я не былъ бы честнымъ человѣкомъ, если бы сказалъ, что ты не возбудилъ гнѣва во мнѣ. Но я буду справедливъ даже въ гнѣвѣ. Приди ко мнѣ съ этими словами, когда выростешь и станешь мужчиной, а я не буду уже опекуномъ, который не можетъ отплатить за нихъ. Приди ко мнѣ тогда, и я отвѣчу тебѣ, какъ ты этого заслуживаешь — ударомъ въ зубы.

А до тѣхъ поръ у тебя два выхода: или проглоти эти оскорбленія, держи языкъ за зубами и старайся за человѣка, который кормитъ тебя и сражался за тебя въ дѣтствѣ или—дверь открыта, лѣса полны моими врагами — ступай.

Рѣшимость, съ которой были произнесены эти слова, взгляды, которыми они сопровождались — все это поколебало Дика; однако, онъ не могъ не замѣтить, что не получилъ отвѣта на свой вопросъ.

— Я ничего такъ не желаю, какъ повѣрить вамъ, сэръ Даніэль, — сказалъ онъ. — Убѣдите меня, что на васъ нѣтъ этой вины.

— Ты примешь мое честное слово, Дикъ? — спросилъ рыцарь.

— Приму, — отвѣтилъ юноша.

— Даю тебѣ это слово, — сказалъ сэръ Даніэль. — Подтверждаю моимъ честнымъ словомъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ моей души и будущимъ отвѣтомъ па судѣ Божіемъ, — я не принималъ никакого участія въ смерти твоего отца.

Онъ протянулъ руку, и Дикъ съ горячностью взялъ ее. Никто изъ нихъ не замѣтилъ священника, который въ ужасѣ и съ мучительнымъ раскаяніемъ приподнялся со своего мѣста при этой торжественной, ложной клятвѣ.

— Ахъ, — сказалъ Дикъ, — пусть ваше великодушіе поможетъ вамъ простить меня! Я былъ дѣйствительно негодяемъ, что не повѣрилъ вамъ. Но вотъ вамъ моя рука; я не буду больше сомнѣваться.

— Ты прощенъ, Дикъ, — отвѣтилъ сэръ Даніэль. — Ты незнакомъ со свѣтомъ и его наклонностью къ клеветѣ.

— Я тѣмъ болѣе виноватъ, — прибавилъ Дикъ, — что негодяи указывали не прямо на васъ, а на сэра Оливера.

Говоря это, онъ повернулся къ священнику и остановился на полсловѣ. Этотъ высокій, румяный, дородный, важный человѣкъ вдругъ какъ бы развалился на куски; румянецъ исчезъ, все его тѣло ослабѣло; губы бормотали молитву. А когда Дикъ внезапно взглянулъ на него, онъ громко вкрикнулъ, словно дикое животное, и закрылъ лицо руками.

Сэръ Даніэль въ два шага очутился рядомъ со священни-

комъ и яростно потрясъ его за плечо. Подозрѣнія Дика проснулись съ новой силой.

— Пусть сэръ Оливеръ также поклянется,—сказалъ онъ.— Обвиняли и его.

— Онъ поклянется, — сказалъ рыцарь.

Сэръ Оливеръ безмолвно замахалъ руками.

— А, клянусь мессой, вы поклянетесь! — кричалъ сэръ Даніэль внѣ себя отъ бѣшенства. — Поклянитесь здѣсь, на этой книгѣ,—продолжалъ онъ, подымая упавшій на полъ требникъ.— Какъ! Вы заставляете меня сомнѣваться въ васъ! Клянитесь, говорю вамъ, клянитесь!

Но священникъ былъ не въ состояніи произнести ни слова. Страхъ передъ сэромъ Даніэлемъ, ужасъ при мысли о клятвопреступленіи, охватившіе его съ одинаковой силой, душили его.

Въ это мгновеніе въ высокое, расписное окно залы съ трескомъ влетѣла черная стрѣла и, дрожа, впилась въ средину большого стола.

Сэръ Оливеръ громко, пронзительно вскрикнулъ и упалъ въ обморокъ на тростникъ, разбросанный по полу. Рыцарь, въ сопровожденіи Дика бросился во дворъ, а оттуда по ближайшей винтовой лѣстницѣ на зубцы стѣны. Часовые всѣ были насторожѣ. Солнце спокойно свѣтило на зеленыя поляны съ разбросанными на нихъ деревьями и на лѣсистые холмы, окаймлявшіе горизонтъ. Нигдѣ не было видно слѣдовъ нападающихъ.

— Откуда вылетѣла эта стрѣла? — спросилъ рыцарь.

— Изъ-за той группы деревьевъ, сэръ Даніэль, — отвѣтилъ часовой.

Рыцарь стоялъ нѣсколько времени въ раздумьѣ. Потомъ онъ обернулся къ Дику.

— Дикъ,—сказалъ онъ,—пригляди за этими людьми; я поручаю ихъ тебѣ. Что касается священника, то онъ долженъ оправдаться, или я узнаю въ чемъ дѣло. Я начинаю почти раздѣлять твои подозрѣнія. Повѣрь мнѣ, онъ поклянется, не то мы докажемъ его виновность.

Дикъ отвѣтилъ довольно холодно, и рыцарь, бросивъ на него проницательный взглядъ, поспѣшно вернулся въ залу. Прежде всего онъ оглядѣлъ стрѣлу. Онъ въ первый разъ видѣлъ такой метательный снарядъ; поворачивая стрѣлу то въ ту, то въ другую сторону, онъ почувствовалъ нѣкотораго рода страхъ при

видѣ ея мрачнаго цвѣта. Кромѣ того, на стрѣлѣ было написано одно лишь слово: «Зарытый».

— А, — проговорилъ онъ, — значитъ, они знаютъ, что я дома. «Зарытый»! Да, но между ними не найдется ни одной собаки, годной на то, чтобы откопать меня.

Сэръ Оливеръ пришелъ въ себя и съ трудомъ поднялся на ноги.

— Увы, сэръ Даніэль!—простоналъ онъ.—Вы поклялись страшной клятвой; вы осуждены на вѣки!

— Да,—возразилъ рыцарь,—я далъ клятву, глупая башка; а ты дашь еще болѣе важную. Ты поклянешься на святомъ Холивудскомъ крестѣ. Смотри же; приготовь слова. Клятва должна быть дана сегодня ночью.

— Да просвѣтитъ васъ небо,—отвѣтилъ священникъ,—да отклонитъ небо ваше сердце отъ такого беззаконія!

— Вотъ что, мой добрый отецъ, — сказалъ сэръ Даніэль,— если дѣло пошло о благочестіи — я больше ничего не скажу; только вы поздно принимаетесь за это. Но если у васъ есть хоть сколько-нибудь разума, выслушайте меня. Этотъ мальчикъ начинаетъ раздражать меня, словно оса. Онъ нуженъ мнѣ, потому что я хочу съ выгодой для себя женить его. Но, говорю вамъ прямо, если онъ будетъ надоѣдать мнѣ, онъ отправится къ своему отцу. Я отдамъ приказаніе перевести его въ комнату надъ капеллой. Если вы можете подтвердить свою невинность хорошей, солидной клятвой и съ спокойнымъ, увѣреннымъ выраженіемъ лица — все будетъ хорошо: мальчикъ нѣсколько поуспокоится, и я пощажу его. Если же вы запнетесь, или поблѣднѣете, или затруднитесь во время произнесенія клятвы такъ, что онъ не повѣритъ вамъ, то — клянусь мессой, — онъ умретъ. Обдумайте все хорошенько.

— Въ комнату надъ капеллой! — задыхаясь, проговорилъ священникъ.

— Именно туда, — отвѣтилъ рыцарь. — Итакъ, если вы желаете спасти его, спасайте; если же нѣтъ, пожалуйста, уходите и оставьте меня въ покоѣ. Будь я человѣкъ вспыльчивый, я давно бы прокололъ васъ мечомъ изъ-за вашей невыносимой трусости и безразсудства. Что же вы выбрали? Отвѣчайте.

— Я выбралъ, — сказалъ сэръ Оливеръ. — Да проститъ

меня небо, — я выбираю зло ради добра. Я поклянусь ради спасенія юноши.

— Такъ то лучше будетъ! — сказалъ сэръ Даніэль. — Ну такъ посылайте скорѣе за нимъ. Вы увидитесь съ нимъ наединѣ. Но я буду слѣдить за вами. Я останусь тутъ, рядомъ въ комнатѣ.

Рыцарь поднялъ драпировку изъ ковра и опустилъ ее за собой. Послышался звукъ щелкнувшей пружины, затѣмъ скрипъ шаговъ по лѣстницѣ.

Сэръ Оливеръ, оставшись одинъ, бросилъ боязливый взглядъ на завѣшанную ковромъ стѣну и перекрестился съ выраженіемъ ужаса и сокрушенія.

— Если иначе ему придется быть въ комнатѣ надъ капеллой, — пробормоталъ онъ, — то я долженъ спасти его хотя бы цѣной моей души.

Три минуты спустя Ричардъ Шельтонъ, за которымъ былъ отправленъ другой посланный, нашелъ сэра Оливера, блѣднаго, съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, стоящимъ у стола въ залѣ.

— Ричардъ Шельтонъ, — сказалъ онъ, — вы потребовали отъ меня клятвы. Я могъ бы обидѣться и отказать вамъ въ этомъ требованіи, но сердце мое тронуто при воспоминаніи о прошломъ, и я удовлетворю вашему желанію. Клянусь вамъ святымъ Холивудскимъ крестомъ въ томъ, что я не убивалъ вашего отца.

— Сэръ Оливеръ, — отвѣтилъ Дикъ, — когда мы въ первый разъ прочли записку Джона Мстителя, я былъ увѣренъ въ этомъ. Но позвольте мнѣ предложить вамъ два вопроса. Положимъ, вы не убили его. Но не принимали ли вы участія въ этомъ убійствѣ?

— Ни малѣйшаго, — отвѣтилъ сэръ Оливеръ. И въ то же время, лицо его какъ то странно передернулось; какъ будто онъ хотѣлъ выразить этой мимикой предостереженіе, но не смѣлъ сдѣлать этого.

Дикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него; потомъ обернулся и оглядѣлъ пустую залу.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Да ничего, — поспѣшно отвѣтилъ священникъ, мѣняя выраженіе лица. — Я ничего не дѣлаю; я страдаю; я чувствую себя нехорошо. Я... я... извините, Дикъ, мнѣ нужно уйти. Кля-

пусь святымъ Холивудскимъ крестомъ, я невиновенъ ни въ насиліи, ни въ измѣнѣ. Успокойтесь, добрый юноша. Прощайте.

И онъ вышелъ изъ залы съ непривычной для него быстротой.

Дикъ остался на мѣстѣ, словно прикованный; взглядъ его блуждалъ по комнатѣ; на лицѣ смѣнялись выраженія различныхъ чувствъ — удивленія, сомнѣнія, подозрѣнія и удовлетворенія. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ умъ его прояснялся, подозрѣнія одержали верхъ; за ними послѣдовала увѣренность въ самомъ худшемъ. Онъ поднялъ голову и сильно вздрогнулъ. Высоко на стѣнѣ на тканомъ коврѣ была изображена фигура дикаря-охотника. Одной рукой онъ подносилъ ко рту рогъ; другой размахивалъ большимъ копьемъ. У него было темное лицо, такъ какъ онъ долженъ былъ изображать африканца.

Случилось нѣчто, сильно напугавшее Дика. Солнце зашло за окно залы, а огонь на большомъ очагѣ сильно разгорѣлся и бросалъ измѣнчивый свѣтъ на потолокъ и на обои. При этомъ свѣтѣ черный охотникъ подмигнулъ Дику бѣлымъ вѣкомъ.

Онъ продолжалъ смотрѣть на глазъ охотника. При свѣтѣ огня глазъ казался драгоцѣннымъ камнемъ; онъ былъ прозраченъ, онъ жилъ. Бѣлое вѣко опять закрылось надъ нимъ на одно мгновеніе и исчезло въ слѣдующее.

Не оставалось никакого сомнѣнія. Это исчезъ живой глазъ, наблюдавшій за нимъ черезъ дырочку въ обояхъ.

Дикъ мгновенно понялъ весь ужасъ своего положенія. Предостереженія Хэтча, мимика священника, глазъ, наблюдавшій за нимъ изъ-за стѣны — все это мелькнуло въ его умѣ. Онъ понялъ, что подвергался испытанію, выдалъ себя и погибъ, если его не спасетъ какое-нибудь чудо.

— Если мнѣ не удастся выбраться изъ этого дома — я погибъ, — думалъ онъ. — А бѣдный Мэтчемъ — въ какое гнѣздо змѣй завелъ я его!

Онъ еще раздумывалъ, когда въ комнату поспѣшно вошелъ какой-то человѣкъ, чтобы помочь ему перенести оружіе одежду и двѣ—три книги въ новую комнату.

— Въ новую комнату? — повторилъ Дикъ. — Зачѣмъ? Въ какую комнату?

— Въ комнату надъ капеллой — отвѣтилъ посланный.

— Она долго оставалась пустой, — задумчиво проговорилъ Дикъ. — Что это за комната?

— Хорошая комната, — отвѣтилъ слуга. — Но только — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, — говорятъ, въ ней появляется призракъ.

— Призракъ? — дрожа, повторилъ Дикъ. — Я не слыхалъ объ этомъ. Чей же призракъ?

Слуга оглянулся вокругъ и проговорилъ шепотомъ: — Ризничаго церкви св. Іоанна, — сказалъ онъ. — Его оставили разъ ночевать въ этой комнатѣ, а на утро — фью! — его не оказалось тамъ. Говорили, что его взялъ дьяволъ; съ вечера онъ очень много пилъ.

Дикъ съ мрачнымъ предчувствіемъ пошелъ за слугой.

III. Комната надъ капеллой.

Съ зубцовъ башни ничего больше не было замѣтно. Солнце склонялось къ западу и, наконецъ, зашло; но, несмотря на бдительность часовыхъ, ни одно живое существо не показывалось вблизи Тонсталльскаго дома.

Когда наступила ночь, Трогмортона ввели въ угловую комнату, выходившую на ровъ. Оттуда его спустили въ ровъ со всевозможными предосторожностями. Впродолженіе короткаго времени были слышны всплески воды; потомъ черная фигура сошла на берегъ у вѣтвей ивы и стала красться по травѣ. Сэръ Даніэль и Хэтчъ внимательно прислушивались еще около получаса, но все было тихо. Гонецъ отправился благополучно.

Нахмуренное чело сэра Даніэля разгладилось. Онъ обернулся къ Хэтчу.

— Беннетъ, — сказалъ онъ, — этотъ Джонъ Мститель, такой же человѣкъ, какъ ты самъ. Онъ спитъ. Смѣлѣе! Мы покончимъ съ нимъ.

Все время послѣ полудня и вечеромъ Дика посылали въ разныя стороны; одно приказаніе слѣдовало за другимъ, такъ что Дикъ былъ пораженъ количествомъ порученій и поспѣшностью, съ которой приходилось исполнять ихъ. Все это время онъ не видѣлъ ни сэра Оливера, ни Мэтчема, но мысли о священникѣ и о юношѣ постоянно проносились въ его головѣ. Главною

цѣлью его было какъ можно скорѣе выбраться изъ Топсталльскаго дома, а, между тѣмъ, ему хотѣлось, до ухода, переговорить съ ними обоими.

Наконецъ, съ лампой въ рукахъ, онъ поднялся въ свое новое помѣщеніе. Это была большая, низкая и довольно темная комната. Окно съ желѣзной рѣшеткой выходило на ровъ и было очень высоко отъ земли. Постель была роскошная, съ пуховой подушкой и съ другой, набитой лавендой, съ краснымъ одѣяломъ, съ вышитымъ узоромъ изъ розъ. Кругомъ всѣхъ стѣнъ стояли буфеты, запертые на замокъ, и спрятанные отъ взглядовъ подъ ткаными коврами темнаго цвѣта. Дикъ обошелъ всю комнату, приподымая драпировки, постукивая по стѣнамъ, напрасно стараясь открыть шкафы. Онъ убѣдился, что дверь крѣпка и засовъ основателенъ, потомъ поставилъ лампу на подставку и снова оглядѣлся вокругъ.

Съ какой цѣлью ему отвели эту комнату? Она была больше и красивѣе его прежней комнаты. Скрывалась тутъ какая-нибудь ловушка? Нѣтъ ли тайнаго выхода? Дѣйствительно ли тутъ появляется призракъ? Кровь похолодѣла у него въ жилахъ.

Какъ разъ надъ нимъ на плоской кровлѣ раздавались тяжелые шаги часового. Подъ нимъ, какъ онъ зналъ, были своды капеллы, а рядомъ съ часовней — столовая. Навѣрно, изъ залы шелъ какой-нибудь потайной ходъ; доказательствомъ этого служилъ глазъ, смотрѣвшій сквозь дыру ковра. Болѣе чѣмъ вѣроятно, было, что ходъ тянулся до часовни; если это было такъ, то онъ велъ и въ его комнату.

Спать въ этой комнатѣ, — онъ хорошо чувствовалъ это, — было бы безразсудной смѣлостью. Держа оружіе наготовѣ, онъ сѣлъ въ углу комнаты, за дверью. Если противъ него злоумышляютъ, онъ дорого продастъ свою жизнь.

Наверху, вдоль зубцовъ крыши, послышался топотъ ногъ нѣсколькихъ людей, оклики часовыхъ и лозунгъ — караулъ смѣнился.

Какъ разъ въ это время Дикъ услышалъ какое то царапанье въ дверь; звукъ этотъ сталъ громче и, наконецъ, раздался шепотъ:

— Дикъ, Дикъ, это я!

Дикъ подбѣжалъ къ двери, отворилъ засовъ и впустилъ въ

компату Мэтчема. Мальчикъ былъ очень блѣденъ; въ одной рукѣ онъ держалъ лампу, въ другой — обнаженный кинжалъ.

— Закрой дверь, — шепнулъ онъ. — Скорѣе, Дикъ! Этотъ домъ полонъ шпіоновъ; я слышу, какъ они идутъ за мной по коридору; я слышу, какъ они дышатъ за стѣной.

— Ну, успокойся, — сказалъ Дикъ, — дверь заперта. Мы въ безопасности на нѣкоторое время, если можно быть безопасными въ этихъ стѣнахъ. Но я отъ всего сердца радъ видѣть тебя. Клянусь мессой, я думалъ, что тебя уже нѣтъ въ живыхъ. Гдѣ ты скрывался?

— Это все равно, — отвѣтилъ Мэтчемъ. — Разъ мы встрѣтились, то какое дѣло до этого! Но, Дикъ, открыты ли у тебя глаза? Говорили тебѣ о томъ, что будетъ завтра?

— Не говорили,—отвѣтилъ Дикъ.—Что же будетъ завтра?

— Завтра, или сегодня ночью, не знаю, — сказалъ Мэтчемъ, — но во всякомъ случаѣ они замышляютъ на твою жизнь, Дикъ. У меня есть доказательства: я слышалъ, какъ они шептались; они почти сказали мнѣ это.

— Вотъ какъ! — сказалъ Дикъ. — Я и самъ думалъ это.

И онъ подробно разсказалъ все, что случилось за этотъ день.

Когда онъ покончилъ съ разсказомъ, Мэтчемъ всталъ и, въ свою очередь, началъ разсматривать комнату.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — не видно никакого входа. Но, навѣрно, онъ есть. Дикъ, я останусь съ тобой. Если ты долженъ умереть — я умру съ тобой. И я могу помочь тебѣ — взгляни! Я укралъ кинжалъ, — я сдѣлаю все что могу! А, между тѣмъ, если ты нашелъ какой-нибудь исходъ, какую-либо лазейку, черезъ которую мы могли бы выйти, или окно, черезъ которое можно спуститься, я съ радостью встрѣчу всякую опасность и убѣгу съ тобой.

— Джекъ, — сказалъ Дикъ, — клянусь мессой, Джекъ, ты самая хорошая, самая вѣрная и храбрая душа во всей Англіи! Дай мнѣ твою руку, Джекъ.

И онъ, молча, схватилъ руку друга.

— Вотъ что я скажу тебѣ, — началъ онъ. — Тутъ есть окно, черезъ которое спустился посланный; веревка, должно быть, еще въ комнатѣ. Это все-таки надежда.

— Тсъ! — сказалъ Мэтчемъ.

Оба прислушались. Внизу, подъ поломъ, послышался какой-то звукъ, прекратился было и возобновился опять.

— Кто-то ходитъ по комнатѣ, внизу, — шепнулъ Мэтчемъ.

— Нѣтъ, внизу нѣтъ комнаты, — возразилъ Дикъ, — мы надъ часовней. Это ходитъ по тайному корридору мой убійца. Ну, пусть идетъ: плохо ему придется! — И онъ заскрежеталъ зубами.

— Потуши лампы, — сказалъ Мэтчемъ. — Можетъ быть, онъ чѣмъ-нибудь выдастъ себя.

Они потушили обѣ лампы и притаились, не дыша, словно мертвые. Шаги, внизу, хотя очень тихіе, были ясно слышны. Они то приближались, то удалялись, наконецъ, послышался громкій скрипъ поворачиваемаго въ замкѣ ключа и наступило продолжительное молчаніе.

Шаги послышались вновь, и вдругъ черезъ щель въ стѣнѣ въ отдаленномъ углу комнаты показался свѣтъ. Онъ становился все ярче; отворилась подъемная дверь, впустивъ потокъ свѣта. Видна была сильная рука, подымавшая дверь; Дикъ поднялъ свой арбалетъ въ ожиданіи, что покажется и голова человѣка, которому принадлежала рука.

Но тутъ произошла остановка. Изъ далекаго угла дома послышались крики; сначала одинъ голосъ, потомъ два, а затѣмъ и много голосовъ повторяли одно и то же имя. Этотъ шумъ, очевидно, встревожилъ убійцу; подъемная дверь молча была опущена на свое мѣсто, шаги еще разъ раздались внизу, какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находились мальчики, и затѣмъ замерли вдали.

Наступила минутная передышка. Дикъ глубоко вздохнулъ и тутъ только прислушался къ суматохѣ, помѣшавшей нападенію, которая все увеличивалась вмѣсто того, чтобы уменьшаться. По всему дому раздавалась бѣготня; двери съ шумомъ распахивались и закрывались, и надъ всѣмъ этимъ гамомъ возвышался голосъ сэра Даніэля, звавшаго «Джоанну».

— Джоанна!—повторилъ Дикъ.—Кто бы это могъ быть, чортъ возьми! Здѣсь нѣтъ никакой Джоанны и никогда не было. Что это значитъ?

Мэтчемъ молчалъ. Онъ, повидимому, отошелъ въ сторону. Въ комнату проникалъ лишь слабый свѣтъ звѣздъ, и въ далекомъ концѣ комнаты, гдѣ были мальчики, царила полная тьма.

— Джекъ,—сказалъ Дикъ,—я не знаю, гдѣ ты былъ весь день. Видѣлъ ты эту Джоанну?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мэтчемъ,—я не видѣлъ ее.

— И не слышалъ, чтобы говорили о ней?—продолжалъ онъ.

Шаги приближались. Сэръ Даніэль продолжалъ звать на дворѣ громовымъ голосомъ.

— Слышалъ ты о ней?—повторилъ Дикъ.

— Я слышалъ о ней,—сказалъ Мэтчемъ.

— Какъ у тебя дрожитъ голосъ! Что съ тобой?—сказалъ Дикъ.—Это большое счастье для насъ, эта Джоанна; она отвлечетъ ихъ мысли отъ насъ.

— Дикъ,—вскрикнулъ Мэтчемъ, — я погибъ, мы оба погибли! Бѣжимъ отсюда, пока еще есть время. Они не успокоятся, пока не найдутъ меня. Или вотъ что—пусти меня впередъ; когда найдутъ меня, ты можешь бѣжать. Пусти меня, Дикъ... добрый Дикъ, выпусти меня!

Она отыскивала въ темнотѣ засовъ. Дикъ, наконецъ, понялъ все.

— Клянусь мессой!—крикнулъ онъ.—Ты вовсе не Джекъ; Ты Джоанна Седлей! Ты та дѣвушка, которая не хотѣла выйти за меня!

Дѣвушка остановилась и стояла молча и неподвижно. Дикъ также молчалъ нѣсколько времени, потомъ снова заговорилъ.

— Джоанна, — сказалъ онъ, — ты спасла мою жизнь, а я спасъ твою; мы видѣли, какъ текла кровь, были и друзьями и недругами—я даже хватался за поясъ, чтобы отколотить тебя; и все это время я считалъ тебя мальчикомъ. Но теперь смерть близка, время прошло, а прежде чѣмъ я умру я долженъ сказать тебѣ вотъ что: ты лучшая и самая храбрая дѣвушка на свѣтѣ, и если бы я остался въ живыхъ, я съ радостью женился бы на тебѣ; но буду ли я живъ, или умру, я люблю тебя.

Она ничего не отвѣтила.

— Ну, скажи же что-нибудь, Джекъ,—сказалъ онъ.—Будь доброй дѣвушкой, скажи, что любишь меня!

— Зачѣмъ же я была бы здѣсь, Дикъ!—воскликнула она.

— Ну такъ значитъ, если намъ удастся благополучно выбраться отсюда, мы поженимся, — продолжалъ Дикъ,—а если намъ суждено умереть—умремъ, и дѣлу конецъ. Но какъ ты нашла мою комнату?

— Я спросила у г-жи Хэтчъ,—отвѣтила она.

— Ну, она человѣкъ вѣрный,—замѣтилъ онъ.—Она не выдастъ тебя. У насъ есть время.

Въ это мгновеніе, какъ бы въ опроверженіе его словъ, по коридору раздались шаги, и кто-то громко ударилъ въ дверь кулакомъ.

— Эй!—крикнулъ чей-то голосъ.—Откройте, мастеръ Дикъ, откройте!

Дикъ не тронулся съ мѣста и ничего не отвѣтилъ.

— Все кончено,—сказала дѣвушка и обвила руками шею Дика.

Люди одинъ за другимъ собирались у двери. Наконецъ, явился самъ сэръ Даніэль, и шумъ внезапно прекратился.

— Дикъ,—кричалъ рыцарь,—не представляйся осломъ. И семь спящихъ дѣвъ проснулись бы отъ такого шума. Отворяй, братъ, отворяй.

Дикъ продолжалъ молчать.

— Сломайте дверь,—сказалъ сэръ Даніэль.

И слуги его тотчасъ же яростно стали ударять въ дверь ногами и кулаками. Несмотря на то, что она была очень прочна и заперта тяжелымъ засовомъ, она подалась бы, еслибъ снова не вмѣшалась судьба. Среди грома ударовъ раздался крикъ часового; за нимъ послѣдовалъ другой; съ зубцовъ башенъ раздались тоже крики, въ отвѣтъ на которые послышались крики изъ лѣса. Въ первое мгновеніе тревоги казалось, что обитатели лѣсовъ берутъ приступомъ Моотъ-Хаусъ. Сэръ Даніэль и его люди отказались отъ атаки комнаты Дика въ данную минуту и бросились защищать стѣны.

— Теперь мы спасены!—вскрикнулъ Дикъ.

Онъ схватилъ обѣими руками старинную кровать и безуспѣшно старался сдвинуть ее съ мѣста.

— Помоги мнѣ Джекъ. Ради спасенія твоей жизни, напряги всѣ твои силы!—сказалъ онъ.

Громадными усиліями они оттащили большую дубовую кровать и приставили ее однимъ концомъ къ двери комнаты.

— Ты только ухудшаешь положеніе вещей,—печально проговорила Джоанна.—Онъ войдетъ черезъ подъемную дверь.

— Ну нѣтъ,—отвѣтилъ Дикъ,—онъ не посмѣетъ открыть эту

тайну многимъ людямъ. Мы сами убѣжимъ черезъ эту дверь Слушай! Нападеніе закончилось. Да его и вовсе не было.

Дѣйствительно, никакого нападенія не было, а просто явилась другая часть отсталыхъ воиновъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи; они-то и помѣшали сэру Даніэлю. Они спаслись бѣгствомъ подъ покровомъ темноты; ихъ впустили въ большія ворота, а теперь они сходили съ коней во дворѣ при громкомъ стукѣ копытъ и звонѣ доспѣховъ и оружія.

— Онъ сейчасъ вернется, — сказалъ Дикъ, — скорѣе въ подъемную дверь!

Онъ зажегъ лампу, и оба прошли въ одинъ изъ угловъ комнаты. Щель было легко отыскать, такъ какъ черезъ нее еще мерцалъ слабый свѣтъ; Дикъ взялъ изъ своего небольшого запаса оружія прочный мечъ, запустилъ его глубоко въ щель и навалился изо всѣхъ силъ на рукоятку. Трапъ подался и пріоткрылся немного. Молодые люди ухватились руками за него и откинули его. Они увидѣли нѣсколько ступенекъ, внизу которыхъ предполагаемый убійца оставилъ горящую лампу.

— Ну,—сказалъ Дикъ,—иди впередъ и возьми лампу. Я пойду за тобой и закрою дверь.

Они сошли одинъ за другимъ; когда Дикъ захлопнулъ за собой отверстіе, раздались снова громовые удары въ дверь его комнаты.

IV. Подземный ходъ.

Проходъ, въ которомъ очутились Дикъ и Джоанна, былъ узокъ, грязенъ и коротокъ. На другомъ концѣ его была полуоткрытая дверь—безъ сомнѣнія та, которую они слышали, какъ открывалъ предполагаемый убійца. Съ потолка спускалась густая паутина; на каменномъ полу глухо отдавались самые легкіе шаги.

За дверью проходъ развѣтвлялся подъ прямыми углами. Дикъ выбралъ наудачу одинъ изъ ходовъ, и оба пошли быстрыми шагами вдоль выемки кровли капеллы. Сводчатый потолокъ подымался при слабомъ мерцаніи лампы, словно спина кита. Тамъ и сямъ попадались отверстія, приспособленныя для наблюденій скрытыя съ другой стороны рѣзьбой карнизовъ. Взглянувъ въ одно изъ этихъ отверстій, Дикъ увидѣлъ устланный плитами полъ часовни, алтарь съ его горящими восковыми свѣчами и распро-

стертую передъ нимъ на ступеняхъ фигуру сэра Оливера, молившагося, поднявъ руки кверху.

Дойдя до конца коридора, они спустились по нѣсколькимъ ступенямъ. Проходъ становился уже; стѣна съ одной стороны была изъ дерева; черезъ щели слышенъ былъ шумъ разговора и видно мерцаніе огней. Бѣглецы дошли до круглаго отверстія въ стѣнѣ величиной съ человѣческій глазъ. Дикъ заглянулъ въ него и увидѣлъ внутренность столовой. Съ полдюжины людей въ латахъ, сидѣли вокругъ стола, уничтожая паштетъ изъ дичи и жадно запивая его виномъ. Навѣрно, это были недавно прибывшіе воины.

— Тутъ намъ не найти помощи,—сказалъ Дикъ,—попробуемъ вернуться назадъ.

— Нѣтъ,—сказала Джоанна,—можетъ быть есть проходъ дальше.

Они пошли впередъ; но черезъ нѣсколько ярдовъ проходъ заканчивался маленькой лѣстницей. Ясно было, что бѣгство невозможно съ этой стороны, пока солдаты занимаютъ столовую.

Они возвратились назадъ съ возможной быстротой и принялись изслѣдовать другой проходъ. Проходъ былъ чрезвычайно узокъ, такъ что еле можно было пройти одному человѣку; итти приходилось по постоянно спускавшимся и подымавшимся головоломнымъ лѣстницамъ; Дикъ потерялъ всякое понятіе о томъ, гдѣ онъ находится.

Наконецъ, проходъ сталъ еще уже и ниже; лѣстницы продолжали спускаться все глубже; стѣны съ обѣихъ сторонъ были сыры и липки на ощупь. Вдали слышались пискъ и бѣготня крысъ.

— Должно быть мы въ подземной темницѣ,—сказалъ Дикъ.

— А выхода все нѣтъ,—прибавила Джоанна.

— Но долженъ же быть выходъ!—отвѣтилъ Дикъ.

И дѣйствительно, вскорѣ они дошли до крутого поворота; тутъ проходъ заканчивался лѣстницей. Она была завалена тяжелой каменной плитой. Бѣглецы употребляли всѣ усилія, чтобы сдвинуть ее. Она оставалась неподвижной.

— Кто-нибудь держитъ ее,—замѣтила Джоанна.

— Ну нѣтъ,—сказалъ Дикъ,—будь то человѣкъ, обладающій силой десяти людей, онъ все же подался бы немного. А она

не поддается, точно упрается въ неподвижную скалу. Тамъ лежитъ какая-нибудь тяжесть. Тутъ нѣтъ выхода, и, говоря по правдѣ, добрый Джекъ, мы здѣсь такіе же плѣнники, какъ если бы у насъ были кандалы на ногахъ. Сядемъ здѣсь и поговоримъ. Черезъ нѣсколько времени мы вернемся назадъ; можетъ быть, тогда они будутъ менѣе осторожны; кто знаетъ, можетъ быть, намъ и удастся вырваться. Но, по моему скромному мнѣнію, мы пропали.

— Дикъ!—сказала молодая дѣвушка.—Печаленъ тотъ день, когда ты встрѣтилъ меня! Потому что я, несчастная, неблагодарная дѣвушка, завела тебя сюда.

— Что за глупости!—возразилъ Дикъ.—Такъ ужъ было суждено, а что суждено, исполняется помимо нашей воли. Разскажи-ка мнѣ, что ты за дѣвушка, и какъ попала въ руки сэра Даніэля; это будетъ лучше, чѣмъ оплакивать меня или себя.

— Я—сирота, какъ и ты, безъ отца и матери,—сказала Джоанна,—и на великое мое—а слѣдовательно и твое, Дикъ—несчастіе, богатая невѣста. Опекуномъ у меня былъ лордъ Фоксгемъ; но оказывается, что сэръ Даніэль купилъ у короля право на выдачу меня замужъ... и заплатилъ очень дорогую цѣну. И вотъ я, бѣдный ребенокъ, еще у кормилицы, стала предметомъ борьбы между двумя знатными и богатыми людьми, желавшими каждый для своей пользы выдать меня замужъ! Ну, свѣтъ перевернулся, появился новый канцлеръ, и сэръ Даніэль купилъ опекунство надо мной черезъ голову лорда Фоксгема. Новая перемѣна,—и лордъ Фоксгемъ купилъ право на выдачу меня замужъ помимо сэра Даніэля; и съ тѣхъ поръ между ними продолжается вражда. Но все это время я была въ рукахъ лорда Фоксгема, и онъ былъ для меня добрымъ господиномъ. Наконецъ, я должна была быть выдана замужъ—или, если хочешь, продана. Лордъ Фоксгемъ долженъ былъ получить пятьсотъ фунтовъ. Гэмлей, такъ зовутъ моего жениха, и какъ разъ завтра, Дикъ, я должна быть помолвлена съ нимъ. Если бы сэръ Даніэль не узналъ этого, я была бы навѣрное обвѣнчана,—и никогда бы не увидѣла тебя, Дикъ... дорогой Дикъ.

Она взяла его руку и поцѣловала ее съ нѣжной граціей; Дикъ притянулъ къ себѣ ея руку и сдѣлалъ то же самое.

— Ну,—продолжала она,—сэръ Даніэль неожиданно схватилъ меня въ саду и заставилъ переодѣться въ мужское платье,

что для женщины смертельный грѣхъ; и къ тому же это платье не идетъ мнѣ. Онъ поѣхалъ со мной, какъ ты самъ видѣлъ, въ Кеттлей, сказавъ мнѣ, что я должна выйти за тебя; но я, въ душѣ, рѣшила, что, на зло ему, не выйду за Гэмлея.

— А! — вскрикнулъ Дикъ. — Значитъ, ты любила этого Гэмлея.

— Нѣтъ,—отвѣтила Джоанна,—не любила. Я только ненавидѣла сэра Даніэля. А потомъ, Дикъ, ты помогъ мнѣ, и былъ добръ ко мнѣ, и очень смѣлъ, и помимо моей воли мое сердце обратилось къ тебѣ, и теперь, если бы мы могли устроить это, я очень охотно выйду за тебя. А если жестокая судьба не допуститъ этого, ты все же будешь дорогъ мнѣ. Пока бьется мое сердце, я буду вѣрна тебѣ.

— А я,—сказалъ Дикъ,—который никогда и не думалъ о женщинахъ до сихъ поръ, я полюбилъ тебя, когда считалъ тебя мальчикомъ. Мнѣ было жаль тебя, я самъ не зналъ, почему. Когда я хотѣлъ отколотить тебя, у меня не поднялась рука. Но когда ты созналась, что ты дѣвушка, Джекъ—я все-таки буду звать тебя Джекомъ—я убѣдился, что ты именно та дѣвушка, которая нужна мнѣ. Слушай!—перебилъ онъ себя.—Кто-то идетъ.

Дѣйствительно, тяжелые шаги отдавались эхомъ въ проходѣ, и цѣлая армія крысъ снова разбѣжались во всѣ стороны.

Дикъ оглядѣлъ позицію. Неожиданный поворотъ въ проходѣ былъ выгоденъ для него. Такимъ образомъ онъ могъ безопасно стрѣлять подъ прикрытіемъ стѣны. Но свѣтъ былъ слишкомъ близко отъ него; онъ выбѣжалъ нѣсколько впередъ, поставилъ лампу посреди прохода и потомъ вернулся на свое мѣсто.

Въ отдаленномъ концѣ прохода показался Беннетъ. Онъ, казалось, шелъ одинъ; въ рукѣ онъ несъ горящій факелъ, благодаря которому въ него легче было цѣлиться.

— Стой, Беннетъ!—крикнулъ Дикъ.—Еще одинъ шагъ, и ты мертвъ.

— Такъ вы здѣсь,—возразилъ Беннетъ, вглядываясь въ темноту.—Я не вижу. Ага! Умно вы поступили, Дикъ, что поставили вашу лампу передъ собой. Право, хотя это и было сдѣлано для того, чтобы прострѣлить мое сердце,—я все же радуюсь, видя, какъ вы воспользовались моими уроками! Но, скажите, что вы дѣлаете, чего ищете здѣсь? Зачѣмъ вы хотите стрѣлять въ стараго, добраго друга? А молодая барышня еще здѣсь?

— Ну, Беннетъ, спрашивать-то нужно мнѣ, а тебѣ отвѣчать,—отвѣтилъ Дикъ.—Почему моя жизнь подвергается опасности здѣсь? Почему являются какіе-то люди, чтобы убить меня въ постели? Почему я долженъ бѣжать изъ безопаснаго дома моего собственнаго опекуна и отъ друзей, среди которыхъ я жилъ и которыхъ ничѣмъ не обидѣлъ?

— Мастеръ Дикъ, мастеръ Дикъ,—сказалъ Беннетъ,—что я говорилъ вамъ? Вы храбрый, но самый безхитростный юноша изъ всѣхъ, кого я помню!

— Ну,—сказалъ Дикъ,—я вижу, что ты знаешь все, и что я осужденъ въ самомъ дѣлѣ. Хорошо. Я останусь здѣсь. Пусть сэръ Даніэль добываетъ меня отсюда, если сумѣетъ.

Хэтчъ помолчалъ немного.

— Слушайте,—наконецъ, проговорилъ онъ,—я возвращусь къ сэру Даніэлю, чтобы сказать ему, гдѣ вы находитесь и въ какомъ именно мѣстѣ; вѣдь онъ затѣмъ и послалъ меня. Но если вы не глупы, то вамъ лучше уйти до тѣхъ поръ, пока я вернусь.

— Уйти!—повторилъ Дикъ.—Я ушелъ бы давно, если бы зналъ, какъ это сдѣлать. Я не могу сдвинуть плиту.

— Суньте руку въ уголъ и посмотрите, что найдете тамъ,—отвѣтилъ Беннетъ,—веревка Трогмортона еще въ той комнатѣ. Прощайте.

Хэтчъ повернулся и исчезъ въ изгибахъ прохода.

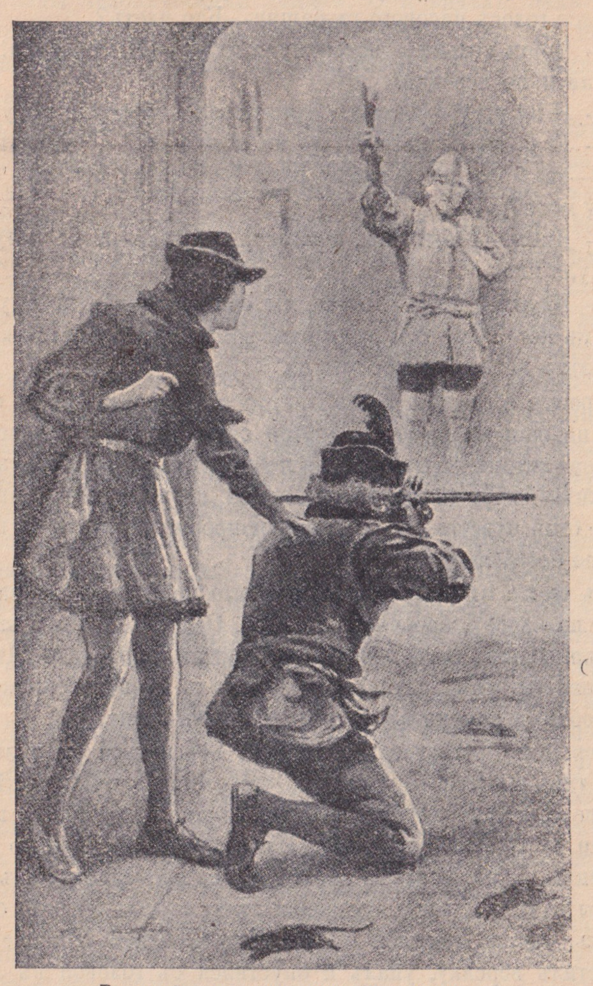
Дикъ сейчасъ же вернулся за лампой и послѣдовалъ совѣту. Въ одномъ углу прохода въ стѣнѣ была глубокая впадина. Дикъ всунулъ руку въ отверстіе, нашелъ желѣзный болтъ и сильно дернулъ его кверху. Послышался громкій трескъ, и каменная плита сейчасъ же отодвинулась.

Бѣглецамъ открылся выходъ. Съ небольшимъ усиліемъ имъ удалось поднять дверь, и они вышли въ комнату со сводами, выходившую одной стороной во дворъ, гдѣ два-три человѣка съ голыми руками чистили лошадей недавно пріѣхавшихъ солдатъ. Нѣсколько факеловъ, воткнутыхъ въ желѣзныя кольца на стѣнѣ, освѣщали эту сцену своимъ колеблющимся свѣтомъ.

V. Какъ Дикъ перешелъ на другую сторону.

Дикъ затушилъ лампу, чтобы не привлекать вниманія, поднялся наверхъ и прошелъ вдоль коридора. Въ темной комнатѣ онъ отыскалъ веревку, привязанную къ чрезвычайно тяжелой.

старинной кровати. Дикъ взялъ клубокъ веревки, подошелъ къ окну и началъ медленно и осторожно спускать ее въ ночную темноту. Джоанна стояла рядомъ съ нимъ; по мѣрѣ того, какъ

Въ рукѣ онъ несъ горящій факелъ...

веревка удлинялась, а Дикъ все еще продолжалъ разматывать ее, сильный страхъ поколебалъ рѣшимость молодой дѣвушки.

— Дикъ,—сказала она,—неужели это такъ высоко? Я не рѣшусь спуститься. Я непремѣнно упаду, добрый Дикъ.

Она заговорила какъ разъ въ самую критическую минуту. Дикъ вздрогнулъ; остатокъ клубка выскользнулъ изъ его рукъ, и конецъ веревки съ плескомъ упалъ въ ровъ. Въ то же мгновеніе раздался голосъ часового съ башни—Кто идетъ?

— Чортъ возьми!—вскрикнулъ Дикъ.—Мы пропали! Скорѣе спускайся по веревкѣ.

— Я не могу,—сказала, отшатываясь, молодая дѣвушка.

— Если ты не можешь, то не могу и я, — сказалъ Шельтонъ,—какъ же я переплыву ровъ безъ тебя? Значитъ ты бросаешь меня?

— Дикъ,—задыхаясь, проговорила она,—я не могу. Силы покинули меня.

— Клянусь мессой, тогда мы оба погибли!—крикнулъ онъ, топнувъ ногой, потомъ, услышавъ шаги, онъ бросился къ двери комнаты и хотѣлъ захлопнуть ее.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ затворить засовъ, чьи-то сильныя руки налегли на дверь съ другой стороны. Одно мгновеніе онъ боролся; потомъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, побѣжалъ назадъ къ окну. Дѣвушка прислонилась къ стѣнѣ у окна; она была почти безъ чувствъ. Когда Дикъ попробовалъ взять ее на руки, тѣло ея безжизненно повисло.

Въ то же мгновеніе люди, которые помѣшали ему затворить дверь на засовъ, бросились на него. Одного изъ нихъ онъ закололъ кинжаломъ; остальные отступили въ безпорядкѣ. Дикъ воспользовался этимъ случаемъ, подбѣжалъ къ подоконнику, схватилъ обѣими руками веревку и спустился по ней.

Веревка была узловатая, отчего спускаться было легче; но Дикъ такъ спѣшилъ и такъ мало привыкъ къ гимнастикѣ подобнаго рода, что качался въ воздухѣ, словно преступникъ на висѣлицѣ и то ударялся головой, то разбивалъ себѣ руки о грубую, каменную стѣну. Воздухъ свистѣлъ у него въ ушахъ; онъ видѣлъ звѣзды надъ головой и отраженія этихъ звѣздъ во рвѣ; онѣ кружились, словно опавшіе листья передъ бурей. Наконецъ, онъ выпустилъ веревку, упалъ и опустился съ головой въ ледяную воду.

Когда онъ выплылъ на поверхность воды, его рука наткнулась на веревку; освободясь отъ тяжести, она сильно раскачивалась въ разныя стороны. Надъ головой у него виднѣлся красный огонь; взглянувъ наверхъ, онъ увидѣлъ при свѣтѣ факеловъ и тре-

пожника, наполненнаго горящими углями, что зубцы стѣнъ башенъ усѣяны человѣческими лицами. Онъ видѣлъ, какъ глаза этихъ людей поворачивались во всѣ стороны, ища его; но онъ былъ слишкомъ низко, свѣтъ не достигалъ его, и всѣ поиски были напрасны.

Тутъ онъ замѣтилъ, что веревка была слишкомъ длинна и началъ пробиваться, насколько могъ къ другой сторонѣ рва, продолжая держать голову надъ водой. Такимъ образомъ ему удалось сдѣлать болѣе половины пути; берегъ былъ уже вблизи, какъ вдругъ веревка напряглась и начала тянуть его назадъ. Дикъ собралъ все свое мужество и сдѣлалъ прыжокъ въ сторону спускавшихся къ водѣ побѣговъ ивы, которые въ тотъ же вечеръ помогли посланному сэра Даніэля выбраться на берегъ. Онъ опустился въ воду, снова поднялся, опустился во второй разъ; потомъ схватился рукой за вѣтку и съ быстротой молніи поднялся въ гущину дерева и прижался къ стволу. Вода текла съ его одежды; онъ задыхался, не вполнѣ увѣренный, что ему удалось спастись отъ преслѣдованія.

Но все это произошло не безъ всплесковъ воды, указавшихъ слѣдившимъ за нимъ съ башни мѣсто, гдѣ онъ находился. Стрѣлы летѣли вокругъ него во тьмѣ, словно градъ. Вдругъ съ башни бросили факелъ, онъ блеснулъ въ воздухѣ при своемъ быстромъ полетѣ, остановился на мгновеніе на краю берега, гдѣ сильно вспыхнулъ и освѣтилъ всю окрестность, словно костеръ—но, на счастье Дика, соскользнулъ, упалъ въ ровъ и мгновенно погасъ.

Онъ достигъ, однако, своей цѣли. Искусные стрѣлки успѣли разглядѣть иву и Дика, спрятавшагося между ея вѣтвями; и хотя юноша сейчасъ же спрыгнулъ и побѣжалъ изо всѣхъ силъ выше на берегъ, однако, ему не удалось избѣгнуть выстрѣла. Одна стрѣла попала ему въ плечо, другая задѣла голову.

Боль отъ ранъ придала ему крылья; онъ выбрался на ровное мѣсто и побѣжалъ быстро и прямо въ темнотѣ, не думая о направленіи, куда бѣжать.

Стрѣлы продолжали преслѣдовать его на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, но вскорѣ это прекратилось. Когда онъ, наконецъ, остановился и обернулся назадъ, онъ былъ уже далеко отъ Моотъ-Хауса, хотя еще видѣлъ, какъ факелы двигались взадъ и впередъ вдоль зубцовъ башни.

Онъ прислонился къ дереву, истекающій кровью и водой, раз-

битый, раненый, одинокій. Но все же онъ спасъ себѣ жизнь; хотя Джоанна осталась во власти сэра Даніэля, онъ не упрекалъ себя за случайность, которой онъ не былъ въ силахъ предотвратить, и не ожидалъ какихъ-либо роковыхъ послѣдствій для молодой дѣвушки. Сэръ Даніэль жестокъ, но врядъ ли онъ будетъ жестокъ къ молодой благородной дѣвицѣ, у которой есть другіе покровители, могущіе легко призвать его къ отвѣту. Вѣроятнѣе всего онъ постарается поскорѣе выдать ее за кого-нибудь изъ своихъ друзей.

— Ну,—думалъ Дикъ,—до тѣхъ поръ я еще успѣю найти средства укротить этого измѣнника. Клянусь мессой, я считаю себя теперь освобожденнымъ отъ всякой благодарности, или обязанности, а въ военное время всѣмъ открывается удобный случай измѣнить свое положеніе.

Но пока положеніе его было очень печальное и затруднительное.

Нѣкоторое время онъ продолжалъ еще пробираться сквозь чащу лѣса. Но боль отъ ранъ, темнота ночи, тревога и смятеніе мыслей мѣшали ему отыскивать направленіе и продолжать пробиваться сквозь густыя заросли. Наконецъ, онъ принужденъ былъ сѣсть и прислониться къ дереву.

Когда онъ очнулся отъ состоянія между сномъ и обморокомъ, сѣрый разсвѣтъ уже началъ смѣнять ночную тьму. Легкій, прохладный вѣтерокъ шелестилъ листвой деревьевъ. Дикъ еще не вполнѣ проснулся, когда, пристально смотря передъ собой, замѣтилъ какой-то темный предметъ, раскачивавшійся на вѣтвяхъ дерева ярдахъ въ ста отъ того, подъ которымъ онъ сидѣлъ. Становилось постепенно яснѣе, Дикъ пришелъ въ себя и былъ въ состояніи разсмотрѣть этотъ предметъ. То былъ человѣкъ, висѣвшій на суку большого дуба. Голова его была опущена на грудь; при каждомъ болѣе сильномъ порывѣ вѣтра тѣло его раскачивалось, а руки и ноги вертѣлись, словно какая-то странная игрушка.

Дикъ съ трудомъ поднялся на ноги; шатаясь и придерживаясь за стволы деревьевъ, онъ подошелъ ближе къ ужасному предмету.

Сукъ былъ на высотѣ приблизительно двадцати футовъ отъ земли, и бѣдный малый былъ поднятъ палачами такъ высоко, что Дикъ не могъ достать рукой даже до его сапогъ; такъ какъ лицо

повѣшеннаго было закрыто капюшономъ, то невозможно было узнать, кто онъ.

Дикъ подошелъ ближе къ ужасному предмету.

Дикъ оглянулся направо и налѣво; наконецъ, онъ замѣтилъ, что другой конецъ веревки былъ привязанъ къ стволу небольшого куста боярышника, обильно покрытаго цвѣтами, росшаго подъ могучей сѣнью дуба. Кинжаломъ—единственнымъ оставшимся у

него оружіемъ—молодой Шельтонъ перерѣзалъ веревку, и трупъ съ глухимъ шумомъ упалъ на землю.

Дикъ приподнялъ капюшонъ; то былъ Трогмортонъ, посланный сэра Даніэля. Онъ недалеко ушелъ со своимъ порученіемъ. Изъ-за пазухи его куртки торчала какая-то бумага, очевидно, ускользнувшая отъ вниманія членовъ общества «Черной Стрѣлы». Дикъ вытащилъ ее и увидѣлъ письмо сэра Даніэля къ лорду Уэнслейделю.

Ну,—подумалъ онъ,—если опять будетъ какая-нибудь перемѣна, вотъ этимъ я могу пристыдить сэра Даніэля—и, можетъ быть, привести его къ плахѣ.

Онъ положилъ бумагу себѣ за пазуху, прочелъ молитву надъ мертвецомъ и снова побрелъ по лѣсу.

Усталость и слабость все увеличивались; въ ушахъ у него звенѣло; онъ спотыкался, терялъ по временамъ сознаніе, такъ сильно онъ ослабѣлъ отъ потери крови. Безъ сомнѣнія онъ много разъ сбивался съ пути, но, наконецъ, вышелъ на большую дорогу, не очень далеко отъ деревушки Тонсталль.

Чей-то грубый голосъ крикнулъ, чтобы онъ остановился.

— Остановиться?—повторилъ Дикъ.—Клянусь мессой, я скорѣе могу упасть.

И въ подтвержденіе своихъ словъ онъ упалъ на дорогу во весь ростъ.

Изъ чащи вышло двое людей, оба въ зеленыхъ курткахъ, съ длинными луками, колчанами и короткими мечами.

— Лаулессъ,—сказалъ младшій изъ нихъ,—да вѣдь это молодой Шельтонъ.

— Вотъ то радость для Джона Мстителя!—отвѣтилъ его товарищъ.—А вѣдь онъ побывалъ въ бою. Тутъ на головѣ у него рана, которая стоила ему не мало унцій крови.

— А здѣсь,—прибавилъ Гриншивъ,—въ плечѣ у него дыра; должно быть здорово ему попало.

— Кто бы могъ это сдѣлать, какъ ты думаешь? Если кто-нибудь изъ насъ, то пусть принимается за молитвы; Эллисъ предложитъ ему длинную исповѣдь и короткую веревку.

— Подыми щенка,—сказалъ Лаулессъ,—вали его мнѣ на спину.

Когда Дикъ былъ поднятъ ему на плечи, онъ, обвивъ себѣ шею его руками, крѣпко захватилъ ихъ и прибавилъ:

— Оставайся на посту, братъ Гриншивъ. Я пойду одинъ съ нимъ.

Гриншивъ вернулся въ засаду у дороги, а Лаулессъ сталъ медленно спускаться съ холма, неся на плечахъ Дика, попрежнему находившагося въ глубокомъ обморокѣ.

Солнце уже взошло, когда онъ вышелъ на окраину лѣса и увидѣлъ деревушку Тонсталль, разбросанную на противоположномъ холмѣ. Все, казалось, было спокойно; только у моста, по обѣ стороны дороги, лежало человѣкъ десять стрѣлковъ. Какъ только они замѣтили Лаулесса съ его ношей, они зашевелились и стали натягивать луки, какъ приличествовало бдительнымъ часовымъ.

— Кто идетъ?—окликнулъ начальникъ отряда.

— Уилли Лаулессъ, клянусь распятіемъ, вы знаете меня такъ же хорошо, какъ свои пять пальцевъ,—съ презрѣніемъ отвѣтилъ Лаулессъ.

— Скажите пароль, Лауллесъ,—сказалъ начальникъ.

— Да просвѣтитъ тебя небо, большой ты дуракъ,—отвѣтилъ Лаулессъ,—развѣ я не сказалъ тебѣ своего имени. Но всѣ вы сошли съ ума отъ игры въ солдаты. Когда я въ лѣсу, то и хочу жить жизнью лѣсовъ, а мой пароль:—наплевать на всю шутовскую солдатчину!

— Лаулессъ, ты подаешь дурной примѣръ; скажи пароль, глупый шутникъ,—сказалъ начальникъ поста.

— А если я позабылъ его?

— А если позабылъ, то, клянусь мессой, я всажу стрѣлу въ твое толстое тѣло,—отвѣтилъ начальникъ.

— Ну если ты такъ плохо понимаешь шутки,—сказалъ Лаулессъ,—то я, пожалуй, скажу мой пароль—Декуорсъ и Шельтонъ—вотъ мой пароль; а вотъ и иллюстрація: Шельтонъ у меня на плечахъ, и я его несу къ Декуорсу.

— Проходи, Лаулессъ,—сказалъ часовой.

— А гдѣ Джонъ?—спросилъ бывшій францисканецъ.

— Онъ творитъ судъ и расправу, собираетъ пошлины, словно вельможа,—крикнулъ одинъ изъ часовыхъ.

Такъ и оказалось. Когда Лаулессъ дошелъ до маленькой гостиницы деревушки, онъ увидѣлъ Эллиса Декуорса, окруженнаго арендаторами сэра Даніэля. Опираясь на силу своего отряда, онъ хладнокровно собиралъ съ нихъ арендную плату и вы-

давалъ расписки въ пріемѣ суммъ. По лицамъ арендаторовъ ясно было видно, какъ мало имъ нравится эта процедура,—они очень ясно понимали, что имъ придется платить вдвойнѣ.

Какъ только Эллисъ узналъ, что привело къ нему повара, онъ отпустилъ остальныхъ арендаторовъ, и, съ явными признаками интереса и тревоги, сопроводилъ Дика въ одну изъ комнатъ гостиницы. Тутъ осмотрѣли раны юноши и привели его въ чувство простыми средствами.

— Милый мальчикъ, — сказалъ Эллисъ, — ты въ рукахъ друга, который любилъ твоего отца и, ради него, любитъ и тебя. Отдохни немного, потому что ты еще не совсѣмъ пришелъ въ себя. Потомъ ты раскажешь мнѣ свою исторію и мы вмѣстѣ обсудимъ, какъ помочь тебѣ.

Позже, въ теченіе дня, когда Дикъ проснулся послѣ спокойнаго сна, чувствуя себя все еще очень слабымъ, но съ болѣе яснымъ сознаніемъ и менѣе страдая отъ ранъ, Эллисъ пришелъ къ нему, сѣлъ у его постели и, именемъ его отца, попросилъ его разсказать всѣ обстоятельства его бѣгства изъ Моотъ-Хауса. Во всей сильной, крѣпкой фигурѣ Декуорса, въ честномъ выраженіи его смуглаго лица, въ ясномъ, проницательномъ взглядѣ его глазъ, было что-то заставившее Дика повиноваться ему, и онъ разсказалъ со всѣми подробностями всѣ приключенія послѣднихъ двухъ дней.

— Ну,—сказалъ Эллисъ, когда Дикъ закончилъ свой разсказъ, — смотри, Дикъ Шельтонъ, что сдѣлали для тебя милосердые святые; они не только спасли твое тѣло отъ многочисленныхъ, смертельныхъ опасностей, но привели тебя въ мои руки— руки человѣка, у котораго нѣтъ болѣе задушевнаго желанія, какъ желаніе помочь сыну твоего отца. Будь только вѣренъ мнѣ, а я вижу, что ты можешь быть вѣренъ, — и мы съ тобой накажемъ смертью этого вѣроломнаго человѣка.

— Вы нападете на его домъ? — спросилъ Дикъ.

— Съ моей стороны было бы безуміемъ и думать объ этомъ, — возразилъ Эллисъ. — Онъ слишкомъ силенъ, его люди собираются вокругъ него; тѣ, которые улизнули отъ меня вчера вечеромъ и явились такъ кстати для тебя, охраняютъ его. Напротивъ, Дикъ, и ты, и я, и мои храбрые стрѣлки — мы всѣ должны убраться изъ этого лѣса какъ можно скорѣе и оставить сэра Даніэля въ покоѣ.

— Меня тревожитъ мысль о Джекѣ, — сказалъ Дикъ.

— О Джекѣ? — повторилъ Декуорсъ. — А, понимаю, объ этой дѣвушкѣ. Ну, обѣщаю тебѣ, Дикъ, что если пойдетъ разговоръ о свадьбѣ, мы сейчасъ же начнемъ дѣйствовать; а до тѣхъ поръ, или пока не наступитъ время, мы всѣ исчезнемъ, какъ тѣни ночи съ наступленіемъ утра; сэръ Даніэль будетъ смотрѣть и на востокъ, и на западъ и нигдѣ не увидитъ враговъ; клянусь мессой, онъ подумаетъ, что видѣлъ все это во снѣ, а теперь просыпается на своей постели. Но наши четыре глаза, Дикъ, будутъ пристально слѣдить за нимъ и наши четыре руки—да поможетъ намъ небесное воинство! — одолѣютъ измѣнника.

Два дня спустя гарнизонъ сэра Даніэля настолько усилился, что онъ рѣшился на вылазку и во главѣ сорока всадниковъ проѣхалъ безъ сопротивленія до деревушки Тонсталль. Не пролетѣло ни одной стрѣлы, ни одинъ человѣкъ не пошевелился въ рощѣ; мостъ болѣе не оберегался и былъ открытъ для прохода. Переѣзжая черезъ него, онъ увидѣлъ крестьянъ, боязливо выглядывавшихъ изъ дверей своихъ домовъ.

Наконецъ, одинъ изъ нихъ собрался съ духомъ, вышелъ впередъ и съ нижайшими поклонами передалъ рыцарю какое-то письмо.

Лицо сэра Даніэля потемнѣло, когда онъ прочелъ его содержаніе. Вотъ что было написано тамъ:

«Невѣрнѣйшему и жестокому джентльмену сэру Даніэлю

Брэклей, рыцарю, посылаю эти строки:

Я узналъ, что вы были невѣрны и недобры съ самаго начала. У васъ на рукахъ кровь моего отца; пусть будетъ такъ — она не смоется. Въ одинъ прекрасный день вы погибнете отъ моей руки; обратите вниманіе на это. Еще предупреждаю васъ, что если вы попробуете выдать замужъ благородную даму, миссисъ Джоанну Седлей, на которой я обѣщалъ жениться, то ударъ разразится скоро. Первый шагъ въ этомъ дѣлѣ будетъ твоимъ первымъ шагомъ къ могилѣ.

Рич. Шельтонъ».

КНИГА III.

МИЛОРДЪ ФОКСГЭМЪ.

I. Домъ на берегу.

Со времени бѣгства Ричарда Шельтона отъ опекуна прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ эти мѣсяцы произошло нѣсколько важныхъ для Англіи событій. Ланкастерская партія, казалось, бывшая при послѣднемъ издыханіи, снова подняла голову. Потерпѣвшіе пораженіе приверженцы Іоркскаго дома были разсѣяны, ихъ предводитель варварски убитъ на полѣ сраженія. Когда наступила зима вскорѣ послѣ описанныхъ событій, казалось, что Ланкастерскій домъ одержалъ окончательную побѣду надъ своими врагами.

Городъ Шорби на Тиллѣ былъ наполненъ ланкастерскими вельможами изъ окрестностей. Тутъ былъ графъ Райзингэмъ съ тремя стами воиновъ; лордъ Шорби съ двумя стами; сэръ Даніэль, въ сильномъ фаворѣ и снова разбогатѣвшій отъ конфискацій, жилъ въ собственномъ домѣ на главной улицѣ съ шестидесятью воинами. Міръ, дѣйствительно, перевернулся.

Былъ темный, очень холодный вечеръ первой недѣли января. Стоялъ большой морозъ; дулъ сильный вѣтеръ; можно было ожидать, что до утра пойдетъ снѣгъ.

Въ плохой харчевнѣ, находившейся на улицѣ, прилегавшей къ гавани, трое или четверо людей сидѣли, распивая эль и закусывая яичницей. Это были люди красивые, сильные, загорѣлые, съ грубыми руками, съ смѣлымъ выраженіемъ глазъ. Хотя они были одѣты, какъ простые пахари, даже пьяный солдатъ поостерегся бы начать ссору съ такой компаніей.

Нѣсколько поодаль отъ нихъ, передъ яркимъ огнемъ, сидѣлъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ; хотя онъ былъ одѣтъ такъ же, какъ и другіе, но по его виду ясно было, что онъ по происхожденію выше своихъ товарищей и могъ бы, въ другое время, носить мечъ.

— Ну, — сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ, — мнѣ это не нравится. Дѣло окончится плохо. Здѣсь не мѣсто для веселыхъ малыхъ. Веселый малый любитъ открытое мѣсто, хорошее прикрытіе и небольшое количество враговъ; а здѣсь

мы заперты въ городѣ, окружены непріятелями, и, въ довершеніе несчастья, увидите, еще пойдетъ снѣгъ.

— Все это изъ за мастера Шельтона, — сказалъ второй, кивая головой на сидѣвшаго передъ огнемъ юношу.

— Я многое готовъ сдѣлать для мастера Шельтона, — возразилъ первый, — но попадать на висѣлицу ради кого бы то ни было — нѣтъ, только не это, братцы!

Дверь гостиницы отворилась; какой-то человѣкъ поспѣшно вошелъ въ комнату и подошелъ къ сидѣвшему передъ огнемъ юношѣ.

— Мастеръ Шельтонъ, — сказалъ онъ, — сэръ Даніэль выходитъ съ двумя факелоносами и четырьмя стрѣлками.

Дикъ (такъ какъ это былъ нашъ юный другъ) тотчасъ же поднялся.

— Лаулессъ, — сказалъ онъ, — ты займешь мѣсто Джона Кеппера. Гриншивъ, слѣдуй за мною. Кепперъ, иди впереди. На этотъ разъ мы пойдемъ за нимъ, хотя бы онъ отправлялся въ Іоркъ.

Въ слѣдующее мгновеніе всѣ уже были на темной улицѣ. Кепперъ, — такъ звали только что пришедшаго человѣка, — показалъ въ сторону, гдѣ два факела, раздуваемые вѣтромъ, пылали въ небольшомъ разстояніи.

Въ городѣ все уже крѣпко спало; на улицахъ не было никакого движенія, и итти за маленькимъ отрядомъ можно было, не возбуждая подозрѣній. Впереди шли два факелоносца, за ними слѣдовалъ человѣкъ, длинный плащъ котораго развѣвался по вѣтру; въ аріергардѣ шли четыре стрѣлка съ луками въ рукахъ. Они двигались быстрымъ шагомъ, проходя по запутаннымъ переулкамъ, и приближались къ берегу.

— Онъ ходитъ каждую ночь въ этомъ направленіи? — шепотомъ спросилъ Дикъ.

— Вотъ уже третью ночь, мастеръ Шельтонъ, — отвѣтилъ Кепперъ, — и всегда въ одно и то же время и съ такой же маленькой свитой, какъ будто съ какой-то тайной цѣлью.

Сэръ Даніэль со своими шестью спутниками вышли на окраину. Шорби былъ неукрѣпленный городъ, и хотя засѣвшіе въ немъ лорды-ланкастерцы держали сильные караулы на главныхъ дорогахъ, изъ него все же можно было выйти — или войти

въ него — незамѣченнымъ по небольшимъ улицамъ, или по открытому полю.

Переулокъ, которымъ шелъ сэръ Даніэль, внезапно окончился. Передъ нимъ разстилалась небольшая дюна; съ одной стороны доносился шумъ морского прибоя. По близости не было караула; никакого свѣта не виднѣлось въ этой части города.

Дикъ и его два спутника подошли нѣсколько ближе къ тому, кого преслѣдовали; когда они вышли изъ ряда домовъ и могли взглянуть немного дальше въ обѣ стороны, они замѣтили факелъ, приближавшійся по противоположному направленію.

— Эге, — сказалъ Дикъ, — я чую измѣну.

Между тѣмъ сэръ Даніэль остановился. Факелы воткнули въ землю, а люди легли, какъ будто въ ожиданіи появленія другого отряда.

Отрядъ этотъ приближался быстрымъ ходомъ. Онъ состоялъ только изъ четырехъ человѣкъ — двухъ стрѣлковъ, слуги съ факеломъ и джентльмена въ плащѣ, шедшаго посрединѣ.

— Это вы, милордъ? — крикнулъ сэръ Даніэль.

— Да, это я; и если кто-либо доказалъ, что онъ истинный рыцарь — это я, — отвѣтилъ предводитель второго отряда, — потому что всякій охотнѣе встрѣтится съ великанами, колдунами или язычниками, чѣмъ вынесетъ такой пронизывающій холодъ.

— Милордъ, — отвѣтилъ сэръ Даніэль,—красавица будетъ тѣмъ болѣе признательна вамъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ. Но не отправиться ли намъ въ путь? Чѣмъ скорѣе вы увидите мой товаръ, тѣмъ скорѣе мы оба вернемся по домамъ.

— Но зачѣмъ вы держите ее здѣсь, добрый рыцарь? — спросилъ незнакомецъ. — Если она такъ молода, такъ хороша и богата, почему вы не даете ей возможности бывать среди своихъ подругъ? Вы скоро устроили бы для нея выгодный бракъ безъ необходимости морозить себѣ пальцы и рисковать получить рану, расхаживая въ такую неподходящую погоду въ темнотѣ.

— Я говорилъ вамъ, милордъ, — отвѣтилъ сэръ Даніэль,— что это касается только меня. И я не намѣренъ объяснять вамъ. Достаточно сказать, что если вамъ надоѣлъ вашъ старый пріятель, Даніэль Брэклей, то объявите во всеуслышаніе, что вы

собираетесь жениться на Джоаннѣ Седлей, и даю вамъ слово— вы скоро избавитесь отъ него. Вы найдете его со стрѣлой въ спинѣ.

Между тѣмъ, джентльмены быстро подвигались по дюнамъ; передъ ними несли три факела, которые колебались отъ вѣтра и распространяли вокругъ себя облака дыма и искры огня; шесть стрѣлковъ заключали шествіе.

Сейчасъ за ними шелъ Дикъ. Онъ, конечно, не слышалъ ни слова изъ ихъ разговора; но во второмъ изъ разговаривавшихъ онъ узналъ стараго лорда Шорби, пользовавшагося очень дурной репутаціей, котораго даже сэръ Даніэль считалъ нужнымъ порицать въ обществѣ.

Наконецъ, они дошли до самаго берега. Воздухъ былъ пропитанъ солью; шумъ прибоя сталъ сильнѣе. Тутъ, въ большомъ саду, обнесенномъ стѣнами, стоялъ маленькій двухъэтажный домъ съ конюшнями и другими службами.

Шедшій впереди факелоносецъ отперъ калитку въ стѣнѣ и послѣ того, какъ всѣ вошли въ садъ, снова заперъ ее на замокъ съ другой стороны.

Дикъ и его товарищи были, такимъ образомъ, лишены возможности слѣдовать за ними; конечно, они могли бы перелѣзть черезъ стѣну, но при этомъ могли и попасться въ ловушку.

Они присѣли въ верескѣ и стали ждать. Красное пламя факеловъ двигалось взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ за оградой, какъ будто факелоносцы усердно сторожили садъ.

Прошло двадцать минутъ, и все общество снова вышло на дюну. Послѣ утонченныхъ прощальныхъ привѣтствій сэръ Даніэль и баронъ разстались и пошли по домамъ, каждый со своей свитой изъ людей и факеловъ.

Какъ только вѣтеръ заглушилъ шумъ ихъ шаговъ, Дикъ всталъ на ноги насколько могъ быстро; онъ закоченѣлъ отъ холода.

— Кепперъ, помоги мнѣ взобраться, — сказалъ онъ.

Всѣ трое подошли къ стѣнѣ; Кепперъ нагнулся, а Дикъ всталъ ему на плечи и взобрался на стѣну.

— Ну, Гриншивъ, — шепнулъ Дикъ, — слѣдуй за мной сюда; лягъ навзничь, чтобы тебя было меньше видно, и будь готовъ помочь мнѣ, если на меня нападутъ.

Сказавъ это, онъ соскочилъ въ садъ.

Тамъ не было видно ни зги; домъ былъ не освѣщенъ. Вѣтеръ рѣзко свистѣлъ среди жалкихъ кустовъ; волны бились о берегъ; другихъ звуковъ не было слышно. Дикъ осторожно пошелъ впередъ, спотыкаясь среди кустовъ и ощупывая предметы руками. Вдругъ рѣзкій звукъ песка подъ ногами показалъ ему, что онъ попалъ на аллею.

Тутъ онъ остановился и, вынувъ арбалетъ изъ-подъ своего длиннаго плаща, приготовилъ его къ немедленному дѣйствію и пошелъ дальше съ большой рѣшимостью и увѣренностью. Дорожка привела его къ группѣ зданій.

Всѣ они казались разрушенными; окна дома закрывались ветхими ставнями; пустыя конюшни были распахнуты настежь; на сѣновалѣ не было сѣна, въ стойлахъ—зерна. Всякій принялъ бы этотъ домъ за необитаемый, но у Дика были основательныя причины предполагать иное. Онъ продолжалъ обходъ, заходилъ въ службы, пробовалъ всѣ окна. Наконецъ, обойдя домъ, онъ вышелъ въ сторону моря и увидѣлъ — какъ и ожидалъ — слабый свѣтъ въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа.

Онъ отошелъ немного въ сторону такъ, чтобы видѣть движеніе тѣни на стѣнѣ комнаты, изъ которой виднѣлся свѣтъ. Тутъ онъ вспомнилъ, что когда онъ ощупывалъ стѣны конюшни, ему попалась подъ руку какая-то лѣстница, и поспѣшно пошелъ за ней. Лѣстница была очень коротка, но все же, стоя на ея верхней перекладинѣ, онъ могъ протянуть руки такъ, чтобы достать до желѣзныхъ перекладинъ окна; ухватясь за нихъ, онъ напрягъ всѣ силы и поднялся настолько, что могъ видѣть все происходившее въ комнатѣ.

Въ ней были двѣ женщины: въ первой онъ сейчасъ же узналъ Гуди Хэтчъ; вторая — высока, красивая, важная молодая лэди въ длинномъ, вышитомъ платьѣ—неужели это Джоанна Седлей? Его лѣсной товарищъ, Джекъ, котораго онъ собирался отколотить поясомъ?

Онъ, въ изумленіи, опустился на перекладину лѣстницы. Онъ никогда не представлялъ себѣ своей возлюбленной существомъ настолько высшимъ, и чувство сомнѣнія въ себѣ охватило его. Но ему нѣкогда было раздумывать. Вблизи него раздалось тихое восклицаніе: «Тсъ!»—и онъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы.

— Кто идетъ? — шепотомъ проговорилъ онъ.

— Гриншивъ, — послышался отвѣтъ, сказанный такимъ же тономъ.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ Дикъ.

— За домомъ слѣдятъ, мастеръ Шельтонъ, — отвѣтилъ Гриншивъ. — Не мы одни караулимъ здѣсь; лежа на животѣ, на стѣнѣ, я замѣтилъ людей, бродящихъ въ темнотѣ, и слышалъ, какъ они тихо пересвистывались.

— Правда, это очень странно, — сказалъ Дикъ. — Это не люди сэра Даніэля?

— Нѣтъ, сэръ, — отвѣтилъ Гриншивъ, — если у меня есть глаза въ головѣ, то у каждаго изъ нихъ на шапкѣ бѣлый значекъ съ какими-то темными клѣтками.

— Бѣлый, съ темными клѣтками? — повторилъ Дикъ. — Право, я не знаю такого значка. Это не изъ здѣшнихъ. Ну, если такъ, то выберемся потихоньку изъ этого сада; потому что здѣсь мы не въ состояніи защищаться. Въ домѣ, безъ сомнѣнія, есть люди сэра Даніэля, и попасться между двухъ огней—положеніе не изъ пріятныхъ. Возьми эту лѣстницу; я долженъ оставить ее тамъ, гдѣ нашелъ.

Они отнесли лѣстницу въ конюшню и ощупью добрались до мѣста, откуда вошли въ садъ.

Кепперъ, между тѣмъ, занялъ позицію Гриншива на стѣнѣ; онъ опустилъ имъ руку и втащилъ сначала одного, потомъ другого на стѣну.

Осторожно и безмолвно всѣ трое спустились на другую сторону; они заговорили только тогда, когда вернулись въ свою старую засаду въ заросли.

— Ну, Джонъ Кепперъ, — сказалъ Дикъ, — отправляйся назадъ въ Шорби такъ быстро, какъ будто дѣло идетъ о твоей жизни. Приведи мнѣ сейчасъ же всѣхъ, кого можешь собрать. Здѣсь будетъ сборное мѣсто; если же люди разбросаны далеко другъ отъ друга и соберутся только къ разсвѣту, назначь мѣсто сбора гдѣ-нибудь подальше, у входа въ городъ. Гриншивъ и я остаемся здѣсь караулить. Поторопись, Джонъ Кепперъ, и да помогутъ тебѣ всѣ святые! А мы съ тобой, Гриншивъ, — продолжалъ онъ, когда Кепперъ отправился въ путь, — обойдемъ вокругъ сада на большомъ разстояніи. Мнѣ хочется посмотрѣть, не обманули ли тебя твои глаза.

Держась вдали отъ стѣны и пользуясь каждымъ возвыше-

ніемъ, каждой впадиной, они обошли садъ съ двухъ сторонъ, ничего не замѣтивъ. Съ третьей стороны садовая стѣна была выстроена прямо на берегу; чтобы сохранить необходимое разстояніе отъ нея, имъ пришлось нѣсколько спуститься на песокъ. Хотя до прилива было еще далеко, прибой волнъ былъ настолько силенъ, а песчаный берегъ такъ плоскъ, что каждый валъ обливалъ пѣной и водой большое пространство. Дику и Гриншиву пришлось сдѣлать эту часть обхода по лодыжку — а мѣстами и по колѣни—въ соленой, ледяной водѣ моря.

Внезапно на относительной бѣлизнѣ садовой стѣны показалась, — словно слабая китайская тѣнь, — фигура человѣка, подававшаго какіе-то знаки руками. Когда онъ спустился на землю, нѣсколько подальше появилась другая такая же фигура и продѣлала то же самое. И эти знаки, словно безмолвный пароль, повторились вокругъ осажденнаго сада.

— Они хорошо караулятъ, — шепнулъ Дикъ.

— Вернемтесь скорѣе на берегъ, мастеръ, — отвѣтилъ Гриншивъ. — Мы стоимъ здѣсь на слишкомъ открытомъ мѣстѣ: когда морскія волны, тяжелыя и бѣлыя, разобьются сзади насъ, наши фигуры будутъ ясно вырисовываться среди пѣны.

— Ты говоришь правду, — сказалъ Дикъ. — Скорѣе на берегъ!

II. Схватка въ темнотѣ.

Дикъ съ товарищами вернулись на свою позицію въ верескѣ совершенно вымокшими и озябшими.

— Дай Богъ, чтобы Кепперъ поторопился! — сказалъ Дикъ. — Я обѣщаю свѣчу Святой Маріи въ Шорби, если онъ скоро вернется.

— Вы спѣшите, мастеръ Дикъ? — спросилъ Гриншивъ.

— Да, добрый малый, — отвѣтилъ Дикъ, — потому что въ этомъ домѣ находится моя дама, которую я люблю, а кто эти люди, стерегущіе ее тайно ночью? Конечно, недруги.

— Ну, — сказалъ Гриншивъ, — если Джонъ скоро вернется, мы славно расправимся съ ними. Съ наружной стороны ихъ не болѣе сорока человѣкъ—я сужу по тому, какъ разставлены ихъ часовые и если напасть на нихъ, когда они такъ далеко другъ отъ друга, то двадцати человѣкъ достаточно, чтобы

разогнать ихъ, какъ воробьевъ. Но, мастеръ Дикъ, если она теперь во власти сэра Даніэля, то ей не очень повредитъ, если она попадетъ во власть другого. А кто могутъ быть эти люди?

— Я подозрѣваю лорда Шорби, — отвѣтилъ Дикъ.—Когда пришли они?

— Они начали подходить около того времени, какъ вы перелѣзли черезъ стѣну, мастеръ Дикъ, — сказалъ Гриншивъ. — Я не пролежалъ и минуты, какъ уже замѣтилъ перваго негодяя, подкрадывавшагося изъ-за угла.

Послѣдній свѣтъ уже былъ погашенъ въ домикѣ, когда Дикъ и его спутникъ брели среди всплесковъ волнъ; теперь невозможно было предсказать, когда люди, скрывавшіеся у стѣны сада, рѣшатся произвести нападеніе на домъ.

Изъ двухъ золъ Дикъ предпочиталъ меньшее.

Онъ предпочиталъ, чтобы Джоанна осталась подъ охраной сэра Даніэля, чѣмъ попала бы въ когти лорда Шорби. Онъ твердо рѣшился, въ случаѣ нападенія на домъ, явиться немедленно на помощь осажденнымъ.

Но время проходило, а никакого движенія все же не было замѣтно. Каждыя четверть часа тѣ же сигналы передавались по стѣнѣ сада, какъ будто предводитель хотѣлъ убѣдиться, бодрствуютъ ли его разставленные по стѣнѣ слуги, но, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ окрестности маленькаго дома царствовала невозмутимая тишина.

Мало-по-малу къ Дику стали подходить его подкрѣпленія. Ночь только что наступила, когда около двадцати человѣкъ уже притаились въ верескѣ рядомъ съ нимъ.

Онъ раздѣлилъ ихъ на два отряда, взялъ на себя команду надъ меньшимъ, а предводительство большимъ предоставилъ Гриншиву.

— Ну, Китъ, — сказалъ онъ послѣднему, — возьми своихъ людей къ ближайшему углу садовой стѣны на берегу. Поставь тамъ сильный караулъ и жди, пока не услышишь, что я началъ нападеніе съ другой стороны. Я хотѣлъ бы овладѣть тѣми, которые стоятъ фронтомъ къ морю, потому что тамъ, навѣрно, находится предводитель. Остальные побѣгутъ; пожалуй, отпустите ихъ. И вотъ еще что, ребята, не стрѣляйте, — вы можете попасть въ друзей. Беритесь за кинжалы и дѣйствуйте ими. А если

мы одержимъ верхъ, то обѣщаю каждому изъ васъ по золотому, когда я получу свое имѣніе.

Сопровождать Ричарда Шельтона вызвались самые храбрые и наиболѣе искусные въ военномъ ремеслѣ люди изъ страннаго сборища изломанныхъ жизнью людей, воровъ, убійцъ и крестьянъ изъ разоренныхъ поселеній, которыхъ призвалъ къ себѣ Декуорсъ для своихъ плановъ мщенія. Служба, состоявшая въ наблюденіи за сэромъ Даніэлемъ въ городѣ Шорби, была далеко не по ихъ характеру; въ послѣднее время они начали громко роптать и угрожали уйти. Перспектива горячей схватки, а можетъ быть и добычи возвратила имъ хорошее расположеніе духа, и они радостно стали приготовляться къ битвѣ.

Откинувъ свои длинные плащи, они появились въ простыхъ зеленыхъ кафтанахъ, а нѣкоторые въ толстыхъ кожаныхъ курткахъ; подъ капюшонами на многихъ были надѣты шапки съ желѣзными бляхами; что касается до оружія, то мечи, кинжалы, нѣсколько толстыхъ рогатинъ и съ дюжину блестящихъ алебардъ давали имъ возможность противостоять даже регулярнымъ феодальнымъ войскамъ. Луки, колчаны и плащи были спрятаны въ верескѣ, и оба отряда рѣшительно двинулись впередъ.

Дикъ, дойдя до другой стороны дома, разставилъ въ рядъ своихъ шестерыхъ воиновъ, ярдахъ въ двадцати отъ садовой стѣны и сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди. Потомъ всѣ разомъ крикнули и бросились на непріятелей.

Враги, лежавшіе на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, окоченѣвшіе отъ холода, застигнутые врасплохъ, вскочили на ноги и остановились въ нерѣшительности. Прежде чѣмъ они могли собраться съ мужествомъ, или даже сообразить количество нападающихъ и ихъ силы, такой же крикъ, предвѣстникъ нападенія, достигъ до ихъ ушей съ отдаленной стороны ограды. Они сочли себя погибшими и побѣжали.

Такимъ образомъ два маленькихъ отряда членовъ шайки «Черной Стрѣлы» соединились передъ стѣной сада, выходившей на море; часть незнакомцевъ очутилась какъ бы между двухъ огней, а остальные разбѣжались во всѣ стороны и скоро исчезли въ темнотѣ.

Но битва еще только начиналась. Хотя на сторонѣ лѣсныхъ бродягъ Дика было то преимущество, что нападеніе ихъ было

неожиданнымъ, тѣ, на кого они напали, превосходили ихъ численностью. Между тѣмъ наступилъ приливъ; берегъ сузился до небольшой полосы; на пространствѣ между моремъ и садовой стѣной, въ темнотѣ, началась яростная, смертельная борьба, исходъ которой былъ сомнительнымъ.

Незнакомцы были хорошо вооружены; они молча бросились на нападающихъ; схватка превратилась въ рядъ отдѣльныхъ состязаній. Дикъ, первымъ бросившійся въ битву, схватился съ тремя воинами; одного изъ нихъ онъ уложилъ съ перваго удара, но остальные двое напали на него съ такой горячностью, что онъ чуть было не отступилъ передъ ихъ нападеніемъ. Одинъ изъ нападающихъ былъ громадный малый, почти великанъ, вооруженный огромнымъ мечомъ, которымъ онъ размахивалъ, какъ тросточкой. Противъ такого противника съ сильнымъ размахомъ руки и съ длиннымъ, тяжелымъ оружіемъ Дикъ со своей алебардой оказывался совершенно беззащитнымъ. Если бы и другой противникъ рѣшилъ принимать горячее участіе въ нападеніи, гибель юноши была бы неизбѣжна. Но этотъ человѣкъ, менѣе высокій и болѣе медлительный въ движеніяхъ, остановился на мгновеніе, вглядываясь въ темноту и прислушиваясь къ звукамъ битвы.

Великанъ продолжалъ пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, а Дикъ все отступалъ передъ нимъ, поджидая удобнаго случая. Вдругъ въ воздухѣ сверкнуло и опустилось громадное лезвіе, Дикъ сдѣлалъ ловкій прыжокъ и сталъ наудачу рубить своей алебардой направо и налѣво. Послышался громкій, отчаянный крикъ; прежде чѣмъ раненый успѣлъ поднять свое страшное оружіе, Дикъ дважды повторилъ свой ударъ, и онъ упалъ на землю.

Въ слѣдующее мгновеніе Дикъ вступилъ на болѣе равныхъ условіяхъ въ борьбу съ другимъ своимъ преслѣдователемъ. Тутъ не было большой разницы въ ростѣ, и хотя противникъ Дика выступилъ противъ его алебарды съ мечомъ и кинжаломъ, хотя онъ былъ остороженъ, умѣлъ хорошо отражать удары и имѣлъ лучшее оружіе, Дикъ возмѣщалъ все это своею ловкостью и проворствомъ. Никто изъ нихъ сначала не имѣлъ видимаго преимущества надъ другимъ; но старшій изъ противниковъ незамѣтно воспользовался горячностью младшаго, чтобы завести того, куда ему хотѣлось. Вдругъ Дикъ замѣтилъ, что они прошли

берегъ во всю его ширину и дерутся теперь по колѣна въ водѣ среди пѣны и шума волнъ. Тутъ его ловкость и подвижность становились безполезными; онъ увидѣлъ себя, болѣе или менѣе, въ рукахъ врага; еще немного и онъ очутился вдали отъ своихъ людей и убѣдился, что ловкій и искусный противникъ рѣшилъ завести его какъ можно дальше.

Дикъ заскрежеталъ зубами. Онъ рѣшилъ немедленно окончить борьбу. Когда прибой удалился, оставивъ песокъ сухимъ, онъ бросился впередъ, выбилъ оружіе изъ рукъ противника и вцѣпился ему прямо въ горло. Тотъ упалъ вмѣстѣ съ Дикомъ, который очутился на немъ; слѣдующая волна покрыла его водой.

Пока онъ лежалъ еще подъ водой, Дикъ выхватилъ у него изъ рукъ кинжалъ и всталъ на ноги съ побѣдоноснымъ видомъ.

— Сдавайтесь!—сказалъ онъ.—Даю вамъ жизнь.

— Сдаюсь,—отвѣтилъ его противникъ, подымаясь на колѣни.—Вы бьетесь, какъ молодой человѣкъ, т. е. неумѣло, и очертя голову; но, клянусь всѣми святыми, вы сражаетесь отважно.

Дикъ обернулся къ берегу. Въ темнотѣ еще продолжался съ сомнительнымъ успѣхомъ яростный бой. Покрывая глухой шумъ волнъ, слышались удары стали о сталь, раздавались восклицанія боли и боевые клики.

— Отведите меня къ вашему предводителю, юноша,—сказалъ побѣжденный рыцарь.—Пора окончить эту бойню.

— Сэръ,—отвѣтилъ Дикъ,—если у этихъ храбрыхъ малыхъ есть какой-нибудь предводитель, то онъ—тотъ бѣдный джентльменъ, что стоитъ передъ вами.

— Ну, такъ отзовите своихъ псовъ, а я велю своимъ слугамъ остановиться,—сказалъ незнакомецъ.

Въ голосѣ и манерахъ противника было столько благородства, что Дикъ пересталъ бояться измѣны.

— Складывайте оружіе, молодцы!—крикнулъ незнакомый рыцарь.—Я сдался подъ условіемъ, что останусь живъ.

Тонъ незнакомца былъ чрезвычайно властный, и шумъ и смятеніе схватки прекратились почти немедленно.

— Лаулессъ,—крикнулъ Дикъ,—ты живъ?

— Да,—крикнулъ въ отвѣтъ бывшій поваръ,—живъ и невредимъ.

— Зажги фонарь,—сказалъ Дикъ.

— Сэра Даніэля нѣтъ здѣсь?—спросилъ рыцарь.

— Сэра Даніэля?—повторилъ Дикъ.—Молю Бога, чтобы его не было здѣсь. Клянусь распятіемъ, плохо бы мнѣ пришлось, если бы онъ былъ здѣсь.

— Плохо пришлось бы в а м ъ, прекрасный сэръ?—спросилъ рыцарь.—Ну, признаюсь, если вы не принадлежите къ партіи сэра Даніэля, то я ничего болѣе не понимаю. Зачѣмъ же вы напали на мою засаду? Какой тутъ споръ, мой юный и чрезвычайно пылкій другъ? Какое у васъ было намѣреніе? И—чтобы покончить съ разспросами—какому благородному джентльмену я сдался?

Но прежде чѣмъ Дикъ успѣлъ отвѣтить, въ темнотѣ раздался чей-то голосъ. Дикъ разглядѣлъ бѣлый съ чернымъ значекъ на шапкѣ говорившаго и почтительный поклонъ, которымъ онъ привѣтствовалъ своего начальника.

— Милордъ,—сказалъ онъ,—если эти джентльмены — недруги сэра Даніэля, то, право, очень жаль, что мы бились съ ними; но было бы въ десять разъ больше жаль, если бы они или мы остались здѣсь дольше. Часовые въ домѣ—если они не мертвы и не глухи—слышали нашу схватку съ четверть часа тому назадъ; сейчасъ они дадутъ сигналы въ городъ, и если мы не поторопимся уйти, то всѣ будемъ схвачены новымъ врагомъ.

— Хокслей правъ,—сказалъ лордъ. — Чего вы желаете, сэръ? Куда мы должны идти?

— Ну, милордъ, что касается меня, идите, куда хотите. Я начинаю думать, что у насъ есть основаніе для дружбы, и если я началъ знакомство съ вами нѣсколько грубо, то не хочу продолжать его такимъ же образомъ. Поэтому, милордъ, вы дадите мнѣ вашу правую руку, и мы разстанемся. А въ назначенный вами часъ мы встрѣтимся въ назначенномъ вами мѣстѣ и сговоримся.

— Вы слишкомъ довѣрчивы, мой мальчикъ,—сказалъ рыцарь,—но на этотъ разъ ваше довѣріе не будетъ обмануто. Я встрѣчу васъ на разсвѣтѣ у Креста св. Невѣсты. Ну, молодцы, за мною!

Незнакомцы исчезли со сцены съ нѣсколько подозрительной быстротой; пока обитатели зеленаго лѣса занялись привыч-

нымъ дѣломъ—грабежомъ покойниковъ—Дикъ еще разъ обошелъ садовую стѣну, чтобы разсмотрѣть переднюю часть дома. Въ маленькомъ окошечкѣ наверху крыши онъ увидѣлъ какой-то свѣтъ; такъ какъ этотъ свѣтъ былъ, навѣрное, виденъ изъ заднихъ оконъ городского дома сэра Даніэля, то онъ не сомнѣвался, что это и былъ сигналъ, котораго боялся Хокслей, и что на сценѣ скоро появятся солдаты Тонсталльскаго рыцаря.

Онъ приложился ухомъ къ землѣ, и ему послышался нестройный, глухой звукъ со стороны города. Онъ бросился поспѣшно къ берегу. Но работа была уже окончена; послѣдній трупъ былъ обезоруженъ и обобранъ до гола, и четверо молодцовъ уже шли къ морю, чтобы кинуть его въ воду.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда изъ ближайшихъ переулковъ Шорби показалось до сорока всадниковъ, поспѣшно снарядившихся и мчавшихся въ галопъ, все было безмолвно и пустынно вокругъ маленькаго дома на морскомъ берегу.

Между тѣмъ Дикъ со своими воинами вернулся въ питейный домъ «Козы и Волынки», чтобы урвать нѣсколько часовъ сна до утренняго свиданія.

III. Крестъ святой Невѣсты.

Крестъ святой Невѣсты стоялъ недалеко отъ Шорби, у опушки Тонсталльскаго лѣса. Тутъ перекрещивались двѣ дороги: одна шла изъ Холивуда, черезъ лѣсъ; другая—дорога изъ Райзингэма, по которой, какъ мы видѣли, бѣжали остатки Ланкастерской арміи. Въ этомъ мѣстѣ дороги сходились и спускались вмѣстѣ по холму къ Шорби. Нѣсколько дальше отъ мѣста ихъ соединенія вершина небольшого холма увѣнчивалась стариннымъ крестомъ, сильно пострадавшимъ отъ непогоды.

Сюда и явился Дикъ около семи часовъ утра. Было холодно попрежнему; земля вся посѣрѣла и отливала серебромъ отъ инея; день занялся на востокѣ зарей пурпуроваго и оранжеваго цвѣта.

Дикъ сѣлъ на нижнюю ступеньку у креста, хорошенько закутался въ свой длинный плащъ и внимательно оглядѣлся по сторонамъ. Ему пришлось недолго ждать. По дорогѣ изъ Холивуда показался джентльменъ въ богатыхъ, блестящихъ латахъ, на которыя была наброшена верхняя одежда изъ драгоцѣннѣйшихъ

мѣховъ, верхомъ на великолѣпномъ ратномъ конѣ. Въ двадцати ярдахъ за нимъ слѣдовала группа всадниковъ, вооруженныхъ копьями; они остановились въ виду мѣста назначеннаго свиданія; джентльменъ въ мѣховой одеждѣ поѣхалъ дальше одинъ.

Изъ-подъ поднятаго забрала видно было лицо съ властнымъ, величественнымъ выраженіемъ, соотвѣтствовавшимъ богатству одежды и вооруженія незнакомца. Дикъ всталъ со своего мѣста съ нѣкоторымъ смущеніемъ и спустился по холму навстрѣчу своему плѣннику.

— Благодарю васъ, милордъ, за акуратность,—сказалъ онъ съ низкимъ, неловкимъ поклономъ.—Неугодно ли вашей милости сойти на землю?

— Вы здѣсь одни, молодой человѣкъ?—спросилъ лордъ.

— Я не такъ простъ,—отвѣтилъ Дикъ,—и долженъ сказать откровенно, ваша милость, что лѣса по обѣ стороны этого креста полны моими честными молодцами съ оружіемъ наготовѣ.

— Умно вы поступили,—сказалъ лордъ.—Это мнѣ нравится тѣмъ болѣе, что въ прошлую ночь вы дрались очертя голову, скорѣе, какъ дикій безумецъ—сарацинъ, чѣмъ христіанскій рыцарь. Но мнѣ не пристало жаловаться, такъ какъ я былъ побѣжденъ.

— Вы были побѣждены, потому что упали, милордъ,—возразилъ Дикъ;—если бы мнѣ не помогли волны, то мнѣ пришлось бы плохо. Вамъ угодно было отмѣтить меня знаками кинжала, которые и теперь на моемъ тѣлѣ. Въ концѣ концовъ, милордъ, мнѣ думается, что всѣ опасности такъ же, какъ и всѣ выгоды этой маленькой стычки на берегу, выпали на мою долю.

— Я вижу, вы достаточно проницательны, чтобы этимъ воспользоваться,—замѣтилъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, милордъ,—отвѣтилъ Дикъ,—я не думаю извлекать изъ этого выгодъ. Но когда при свѣтѣ дня я вижу, какой храбрый рыцарь сдался—не мнѣ, а судьбѣ, темнотѣ и приливу—какъ легко бой могъ принять совсѣмъ другой оборотъ для такого неопытнаго и неотесаннаго воина, какъ я,—то вы, милордъ, не должны находить страннымъ, что я смущенъ выпавшей на мою долю побѣдой.

— Вы хорошо говорите,—сказалъ незнакомецъ.—Ваше имя?

— Мое имя—если вамъ угодно знать его—Шельтонъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— Меня зовутъ лордъ Фоксгэмъ,—сказалъ незнакомецъ.

— Значитъ, милордъ, вы, съ вашего позволенія, опекунъ самой милой дѣвушки въ Англіи,—отвѣтилъ Дикъ,—и не можетъ быть никакого разговора объ условіяхъ выкупа—какъ вашего, такъ и тѣхъ, кто былъ съ вами на берегу. Прошу васъ, милордъ, окажите мнѣ вашу милость и благосклонность, отдайте мнѣ руку моей возлюбленной, Джоанны Седлей, и примите, съ своей стороны, свободу свою, свободу своихъ слугъ и (если желаете) мою благодарность и службу до смерти.

— Но развѣ сэръ Даніэль—не вашъ опекунъ? Мнѣ казалось, что такъ говорили о сынѣ Гарри Шельтона,—сказалъ лордъ Фоксгэмъ.

— Не угодно ли вамъ сойти съ лошади, милордъ? Я разсказалъ бы вамъ откровенно, кто я, каково мое положеніе, и отчего я рѣшаюсь на такую смѣлую просьбу. Умоляю васъ, милордъ, присядьте на эти ступеньки, выслушайте меня до конца и судите меня милостиво.

Говоря это, Дикъ протянулъ лорду Фоксгэму руку, чтобы помочь ему сойти съ лошади, привелъ его къ кресту, усадилъ на то мѣсто, гдѣ прежде сидѣлъ самъ, и, стоя почтительно передъ своимъ благороднымъ плѣнникомъ, разсказалъ ему всю свою исторію до событій вчерашняго вечера включительно.

Лордъ Фоксгэмъ внимательно слушалъ его.

— Мастеръ Шельтонъ,—сказалъ онъ, когда Дикъ окончилъ свой разсказъ,—вы самый счастливый и въ то же время несчастный молодой джентльменъ на свѣтѣ; но счастье, которое у васъ было, вы вполнѣ заслужили, а несчастье не заслужено вами ни въ какомъ случаѣ. Ободритесь, потому что вы пріобрѣли друга, который можетъ оказать вамъ услугу и имѣетъ власть на это. Что касается васъ, то хотя человѣку вашего происхожденія и не годится водиться съ шайкой лѣсныхъ бродягъ, я долженъ признать, что вы и храбры, и честны, очень опасны въ бою, очень любезны въ мирное время; юноша съ превосходными наклонностями и отважнаго вида. Что касается вашихъ помѣстій, вы не увидите ихъ, пока міръ снова не перевернется; пока Ланкастеръ одерживаетъ верхъ, сэръ Даніэль будетъ владѣть ими. Относительно благородной дѣвицы, которую я опекаю, дѣло иное; я еще раньше обѣщалъ ея руку одному джентльмену, родственнику нашего дома, нѣкоему Гэмлею; обѣщаніе дано давно...

— Да, милордъ, а теперь сэръ Даніэль обѣщалъ ея руку милорду Шорби,—перебилъ Дикъ.—И это обѣщаніе — хотя и данное позже—по всѣмъ вѣроятіямъ, окажется болѣе дѣйствительнымъ.

— Это истинная правда, — сказалъ лордъ Фоксгэмъ.—И, принимая во вниманіе, что я вашъ плѣнникъ, которому вы, по соглашенію, оставили только жизнь, а—самое главное—что дѣвушка находится, къ несчастью, въ другихъ рукахъ, я условно даю свое согласіе. Помогите мнѣ съ вашими добрыми молодцами...

— Милордъ,—вскрикнулъ Дикъ,—вѣдь это тѣ же самые лѣсные бродяги, за которыхъ вы порицали меня, что я вожусь съ ними!

— Пусть ихъ будутъ, чѣмъ хотятъ, если только они умѣютъ сражаться,—возразилъ лордъ Фоксгэмъ.—Ну, такъ помогите мнѣ; и если намъ двоимъ удастся отбить дѣвушку, клянусь моей рыцарской честью, она выйдетъ за васъ!

Дикъ преклонилъ колѣно передъ своимъ плѣнникомъ; но тотъ легко соскочилъ съ подножья креста, поднялъ юношу и поцѣловалъ его, какъ сына.

— Ну,—сказалъ онъ,—если вы женитесь на Джоаннѣ, то мы должны заранѣе стать друзьями.

IV. «Добрая Надежда».

Часъ спустя Дикъ былъ снова въ гостиницѣ «Козы и Волынки», сидѣлъ за завтракомъ и выслушивалъ донесенія своихъ гонцовъ и часовыхъ. Декуорса все еще не было въ Шорби. Это случалось часто, такъ какъ онъ игралъ много ролей и принималъ участіе въ многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлахъ. Онъ основалъ общество «Черной Стрѣлы», когда разорился и жаждалъ мести и денегъ; но среди людей, особенно хорошо знавшихъ его, онъ считался агентомъ и эмиссаромъ великаго дѣлателя королей въ Англіи—Ричарда, графа Варвика.

Какъ бы то ни было, во время его отсутствія веденіе дѣлъ въ Шорби выпадало на долю Ричарда. Онъ сидѣлъ за завтракомъ съ душой, полной тревоги, и съ задумчивымъ выраженіемъ лица. Между нимъ и лордомъ Фоксгэмомъ было рѣшено нанести рѣшительный ударъ въ этотъ вечеръ и освободить Джоанну силой.

Однако, препятствій оказывалось много. По мѣрѣ того, какъ къ Дику являлись развѣдчики, онъ узнавалъ все болѣе и болѣе непріятныя новости.

Ночной бой встревожилъ сэра Даніэля. Онъ увеличилъ гарнизонъ дома въ саду; не довольствуясь этимъ, онъ разставилъ всадниковъ по всѣмъ сосѣднимъ тропинкамъ такъ, чтобы они могли ему дать немедленно знать о всякомъ движеніи. Въ то же время во дворѣ его собственнаго дома стояли осѣдланныя лошади, и всадники, вооруженные съ головы до ногъ, ждали только сигнала къ отправленію.

Ночное предпріятіе казалось все болѣе и болѣе неосуществимымъ; но вдругъ лицо Дика прояснилось.

— Лаулессъ!—крикнулъ онъ. — Вѣдь ты былъ морякомъ. Можешь ли ты украсть для меня судно?

— Мастеръ Дикъ,—отвѣтилъ бывшій морякъ,—если вы поддержите меня, я готовъ украсть каѳедральный соборъ въ Іоркѣ.

Вскорѣ они вышли изъ гостиницы и отправились внизъ къ гавани. Это была довольно большая бухта, окруженная песчаными холмами и размытыми дюнами. Берега были засыпаны обломками и всякимъ хламомъ; къ гавани вели глухія, заброшенныя улицы города. Много палубныхъ судовъ и лодокъ стояло тамъ на якорѣ или было вытащено на берегъ. Продолжительная дурная погода загнала ихъ изъ открытаго моря въ прибѣжище порта, а большія, черныя тучи и холодные шквалы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ и приносившіе иногда сухой снѣгъ, не предвѣщали улучшенія, а скорѣе угрожали еще болѣе сильнымъ штормомъ въ недалекомъ будущемъ.

Большинство моряковъ, чтобы укрыться отъ холода и вѣтра, отправились на берегъ и шумѣли и пѣли въ прибрежныхъ харчевняхъ. Многія изъ судовъ раскачивались на якоряхъ безъ присмотра. По мѣрѣ того, какъ становилось поздно, и погода не выказывала никакихъ признаковъ улучшенія, число такихъ судовъ возрастало. На эти-то суда, въ особенности на тѣ, которыя стояли подальше, Лаулессъ и обратилъ свое вниманіе. Дикъ, сидя на якорѣ, наполовину ушедшемъ въ песокъ, прислушивался то къ грубымъ, могучимъ голосамъ урагана, то къ хриплому пѣнію матросовъ въ ближайшей тавернѣ; но вскорѣ онъ забылъ и о томъ, что окружало его, забылъ и всѣ заботы, въ пріятныхъ воспоминаніяхъ объ обѣщаніи лорда Фоксгэма.

Мечтанія его были прерваны прикосновеніемъ чьей-то руки къ его плечу. То былъ Лаулессъ, который указывалъ на маленькое судно невдалекѣ отъ устья гавани, правильно и плавно покачивавшееся на волнахъ. Какъ разъ въ эту минуту лучъ блѣднаго зимняго солнца упалъ на палубу, вырисовывавшуюся на фонѣ мрачныхъ тучъ. При этомъ мгновенномъ освѣщеніи Дикъ увидѣлъ двухъ людей, тащившихъ шлюпку вдоль борта судна.

— Вотъ, сэръ,—сказалъ Лаулессъ,—замѣтьте хорошенько. Вотъ вамъ судно на эту ночь.

Шлюпка отдѣлилась отъ судна, и двое людей, повернувъ ее по вѣтру, весело поплыли къ берегу. Лаулессъ обернулся къ какому-то праздношатающемуся.

— Какъ звать его?—спросилъ онъ, указывая на маленькое судно.

— Его зовутъ «Добрая Надежда»; оно изъ Дортмута,—отвѣтилъ незнакомецъ.—Имя капитана Арбластеръ. Онъ гребетъ на носу вонъ той шлюпки.

Этого-то и нужно было ему. Поспѣшно поблагодаривъ незнакомца, онъ пошелъ по берегу къ песчаной бухточкѣ, къ которой направлялась шлюпка. Тутъ онъ занялъ позицію, и лишь только сидѣвшіе приблизились на столько, что могли слышать его, онъ открылъ огонь по морякамъ.

— Эй, кумъ Арбластеръ!—кричалъ онъ.—Вотъ такъ хорошая встрѣча; нѣтъ, право, чудесная встрѣча, клянусь распятіемъ! А это «Добрая Надежда»? Ахъ, я узналъ бы ее среди десяти тысячъ! Славное судно! Подплывай-ка, кумъ! Хочешь выпить? Я получилъ помѣстье, о которомъ ты, безъ сомнѣнія, слышалъ. Я богатъ теперь; я пересталъ плавать по морю; плаваю больше по элю, приправленному пряностями. Ну, молодецъ, давай-ка руку! Выпей со старымъ товарищемъ!

Шкиперъ Арбластеръ, длиннолицый, пожалуй, много видавшій на своемъ вѣку человѣкъ, съ ножемъ на шеѣ, на тесьмѣ, по походкѣ и манерамъ похожій на любого изъ моряковъ того времени, отступилъ назадъ въ очевидномъ изумленіи и съ недовѣрчивостью. Но упоминаніе о помѣстьѣ, видъ полупьянаго простодушія и дружелюбія, очень искусно принятый Лаулессомъ, помогли побѣдить его подозрительность; выраженіе лица его смягчилось, онъ сразу протянулъ руку и пожалъ руку лѣсного бродяги.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не помню тебя. Но что же изъ этого? Я готовъ выпить со всякимъ, кумъ, такъ же, какъ и мой Томъ. Любезный Томъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ своему спутнику,—вотъ мой кумъ; фамиліи его я не помню, но, безъ сомнѣнія, онъ очень хорошій морякъ. Пойдемъ выпить съ нимъ и съ его другомъ на берегу.

Лаулессъ пошелъ впереди, и вскорѣ всѣ сидѣли въ питейномъ домѣ. Такъ какъ домъ этотъ былъ очень новъ и стоялъ въ уединенномъ мѣстѣ, онъ былъ не такъ набитъ посѣтителями, какъ другіе, находившіеся ближе къ центру порта. Это былъ простой, деревянный сарай, очень похожій на блокгаузы, встрѣчающіеся въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки въ настоящее время. Вся обстановка его состояла изъ одного-двухъ шкафовъ, нѣсколькихъ голыхъ скамей и положенныхъ на боченки досокъ, изображавшихъ столы. Посреди сарая, раздуваемый сильными сквозными вѣтрами, пылалъ огонь изъ корабельныхъ обломковъ, изрыгая густой дымъ.

— Эхъ,—сказалъ бывшій францисканецъ,—вотъ она радость моряка—хорошій огонь, добрая чарочка вина на берегу, когда на дворѣ скверная погода и далекая морская буря разгуливаетъ по крышѣ! За «Добрую Надежду»! Добрый путь ей!

— Да,—сказалъ шкиперъ Арбластеръ, — правда, хорошо быть на берегу въ такую погоду. Что ты скажешь на это, Томъ? Кумъ, ты хорошо говоришь, хотя я никакъ не могу припомнить твоего имени; но ты говоришь очень хорошо. Добраго пути «Доброй Надеждѣ»! Аминь!

— Другъ Диконъ, — продолжалъ Лаулессъ, обращаясь къ своему начальнику,—у васъ, если не ошибаюсь, есть неотложныя дѣла? Пожалуйста, отправляйтесь тотчасъ же. Я же останусь въ самомъ отборномъ обществѣ, съ двумя старыми моряками; а до тѣхъ поръ, пока вы вернетесь, я готовъ побиться объ закладъ, что эти славные малые останутся и будутъ пить чарку за чаркой. Мы вѣдь не похожи на людей на берегу, мы крѣпкіе морскіе волки!

— Хорошо придумано!—сказалъ шкиперъ.—Можете итти, мой мальчикъ; я останусь въ обществѣ вашего добраго друга и моего добраго кума, пока не потушатъ огней—и даже, клянусь святой Маріей, до восхода солнца! Видите, когда человѣкъ долго бываетъ въ морѣ, отъ соли его внутренности превращаются въ

глиняныя; и дайте ему выпить цѣлый колодецъ, онъ все еще не утолитъ своей жажды.

Ободряемый такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, Дикъ всталъ, раскланялся съ пріятелями и, выйдя на воздухъ, гдѣ свирѣпствовала буря, отправился, какъ можно быстрѣе, въ гостиницу «Козы и Волынки». Оттуда онъ послалъ сказать лорду Фоксгэму, что, какъ только наступитъ вечеръ, у нихъ будетъ крѣпкое судно для поѣздки по морю. Потомъ, взявъ съ собой двухъ спутниковъ, имѣвшихъ нѣкоторое понятіе о морѣ, онъ вернулся въ гавань къ маленькой песчаной бухтѣ.

Шлюпка «Доброй Надежды» стояла среди многихъ другихъ, отличаясь отъ нихъ своими чрезвычайно малыми размѣрами и хрупкимъ видомъ. Дѣйствительно, когда Дикъ со своими двумя спутниками заняли мѣста въ лодкѣ и стали выплывать изъ бухты въ открытую гавань, маленькая скорлупа погружалась въ волны и дрожала при каждомъ порывѣ вѣтра, какъ будто готовая опуститься на дно.

Какъ мы уже говорили, «Добрая Надежда» стояла на якорѣ далеко отъ берега, гдѣ было сильное волненіе. На разстояніи нѣсколькихъ кабельтовъ не было другихъ судовъ; тѣ же, которыя стояли ближе, были пусты. Когда шлюпка приблизилась къ судну, пошелъ густой снѣгъ; внезапно наступившая темнота скрывала движенія гребцовъ отъ какого бы то ни было наблюденія за ними. Въ одинъ мигъ Дикъ и его люди вскочили на вздымавшуюся палубу, и шлюпка уже танцовала у кормы. «Добрая Надежда» была взята въ плѣнъ.

Это было хорошее, крѣпкое судно, закрытое на носу и въ срединѣ, но съ открытой кормой. У него была одна мачта, а оснастка его представляла собой нѣчто среднее между оснасткой фелуки и люгера. Повидимому, торговое предпріятіе шкипера Арбластера оказалось превосходнымъ, такъ какъ трюмъ былъ полонъ боченками французскаго вина; а въ маленькой каютѣ капитана, кромѣ образа Дѣвы Маріи—что доказывало его набожность—находились запертые на замокъ сундуки и шкафы, говорившіе о его богатствѣ и заботливости.

Собака, единственая обитательница судна, яростно лаяла и кусала похитителей за пятки; но ее скоро прогнали въ каюту; запертая дверь заглушила ея справедливый гнѣвъ. На ванты

былъ поднятъ зажженный фонарь, чтобы съ берега можно было ясно разглядѣть судно; одинъ изъ боченковъ въ трюмѣ былъ открытъ, и чаша превосходнаго гасконскаго вина осушена въ память событія этого вечера. Потомъ одинъ изъ похитителей началъ приготовлять лукъ и стрѣлы, на случай нападенія, а другой спустилъ шлюпку за бортъ и ожидалъ въ ней Дика.

— Ну, Джекъ, карауль хорошенько,—сказалъ юный командиръ, собираясь послѣдовать примѣру своего подчиненнаго,—ты навѣрно хорошо сдѣлаешь это.

— Ну, конечно, все пойдетъ превосходно, пока мы будемъ стоять здѣсь; но какъ только мы повернемъ носъ этого бѣднаго корабля изъ гавани... Вотъ, взгляните, какъ онъ дрожитъ! Бѣдняга слышалъ мои слова, и сердце у него забилось въ дубовыхъ ребрахъ! Посмотрите, мастеръ Дикъ! Какъ становится темно!

Дѣйствительно, тьма вокругъ была поразительная. Громадные валы одинъ за другимъ подымались изъ темноты, съ шумомъ устремлялись на палубу «Доброй Надежды» и съ головокружительной быстротой погружались въ море съ другой стороны. Рѣдкіе хлопья снѣга и брызги пѣны налетали на палубу, осыпая ее; снасти печально поскрипывали отъ вѣтра.

— Правда, видъ неважный,—сказалъ Дикъ, — но ничего! Это шквалъ; онъ скоро пройдетъ!

Но, несмотря на эти слова, мрачный, холодный видъ неба, шумъ и завываніе вѣтра дѣйствовали на него угнетающимъ образомъ. Когда онъ сошелъ съ борта судна и снова направился къ пристани бухты со всей быстротой веселъ, онъ набожно перекрестился и вручилъ небесамъ жизнь всѣхъ, кто рѣшился выѣхать въ море.

На пристани бухты собралось уже около дюжины лѣсныхъ разбойниковъ. Лодку оставили на ихъ попеченіи, и имъ было велѣно немедленно садиться.

Нѣсколько дальше на берегу Дикъ увидѣлъ лорда Фоксгэма, торопившагося навстрѣчу ему. Лицо его было закрыто темнымъ капюшономъ; простой, длинный жалкаго вида плащъ покрывалъ его блестящія латы.

— Молодой Шельтонъ,—сказалъ онъ,—такъ вы дѣйствительно отправляетесь въ море?

— Милордъ,—отвѣтилъ Ричардъ,—домъ окруженъ всадниками; со стороны суши въ него нельзя попасть, не поднявъ тре-

вогц; если сэръ Даніэль узнаетъ о нашемъ предпріятіи, то мы точно такъ же не будемъ въ состояніи выполнить его, какъ если бы мы захотѣли ѣхать на вѣтрѣ. Объѣхавъ кругомъ по морю, мы подвергаемся нѣкоторой опасности отъ стихій; но—самое главное—у насъ есть шансъ достигнуть цѣли и увезти дѣвушку.

— Ну, ведите меня,—сказалъ лордъ Фоксгэмъ,—я пойду за вами, чтобы не было стыдно, но, признаюсь, желалъ бы лучше быть въ постели.

— Сюда,—сказалъ Дикъ,—мы идемъ за нашимъ кормчимъ.

И онъ повелъ лорда къ простому питейному дому, гдѣ онъ назначилъ свиданіе части своихъ подчиненныхъ. Онъ нашелъ нѣкоторыхъ изъ нихъ у наружной двери; болѣе смѣлые вошли въ комнату и, занявъ мѣста какъ можно ближе къ товарищу, окружили Лаулесса и сидѣвшихъ съ нимъ моряковъ. Эти послѣдніе, судя по ихъ разстроеннымъ лицамъ и мутнымъ глазамъ, давно перешли границы умѣренности. Когда Ричардъ, въ сопровожденіи лорда Фоксгэма, вошелъ въ комнату, всѣ трое пѣли старинную, печальную морскую пѣсенку подъ аккомпаниментъ завываній вѣтра.

Молодой предводитель обвелъ быстрымъ взглядомъ сарай. Въ огонь только что подбросили дровъ, и клубы чернаго дыма заволакивали комнату такъ, что трудно было видѣть что-нибудь въ отдаленныхъ углахъ. Но ясно было, что люди Дика превосходили количествомъ число остальныхъ посѣтителей. Удостовѣрившись въ этомъ на случай неудачи выполненія своего плана, Дикъ подошелъ къ столу и занялъ свое прежнее мѣсто на скамьѣ.

— Эй,—крикнулъ шкиперъ пьянымъ голосомъ,—эй, кто вы такой?

— Мнѣ нужно поговорить съ вами внѣ дома, мастеръ Арбластеръ,—сказалъ Дикъ,—а здѣсь мы вотъ о чемъ поговоримъ.

И онъ показалъ при свѣтѣ огня золотую монету.

Глаза моряка загорѣлись, но онъ все еще не узнавалъ нашего героя.

— Да, мальчикъ,—сказалъ онъ,—я пойду съ вами. Кумъ, я сейчасъ вернусь. Пей хорошенько, кумъ.

И, взявъ Дика подъ руку, чтобы удержаться на ногахъ, онъ пошелъ къ двери питейнаго дома.

Какъ только онъ перешагнулъ порогъ, десять сильныхъ рукъ схватили его и связали; а двѣ минуты спустя онъ былъ брошенъ

въ сосѣднемъ сѣновалѣ по горло въ сѣнѣ со связанными руками и ногами и съ кляпомъ во рту. Затѣмъ рядомъ съ нимъ бросили его слугу Тома, также связаннаго, и предоставили имъ предаваться печальнымъ размышленіямъ цѣлую ночь.

Такъ какъ скрываться больше было нечего, то воины лорда Фоксгэма были вызваны условленнымъ сигналомъ. Отрядъ смѣло овладѣлъ необходимымъ количествомъ лодокъ, и цѣлая флотилія ихъ отправилась на свѣтъ фонаря, повѣшеннаго на снастяхъ корабля. Задолго до того, какъ послѣдній человѣкъ изъ отряда взобрался на палубу «Доброй Надежды», яростные крики съ берега показали, что по крайней мѣрѣ часть моряковъ замѣтили пропажу своихъ лодокъ.

Но было уже поздно какъ воротить лодки, такъ и отомстить за нихъ. Изъ сорока воиновъ, собравшихся на украденномъ суднѣ, восьмеро бывали на морѣ и могли играть роли матросовъ. Съ помощью ихъ натянули парусъ. Подняли якорь. Лаулессъ, продолжая пошатываться и напѣвать одну изъ морскихъ балладъ, взялъ въ руки длинный руль, и «Добрая Надежда» поплыла во тьмѣ ночи навстрѣчу громаднымъ волнамъ за предѣлами гавани.

Ричардъ занялъ мѣсто у мачты. За исключеніемъ свѣта отъ фонаря на суднѣ и нѣсколькихъ огоньковъ въ городѣ Шорби, которые уже стали исчезать съ подвѣтренной стороны, кругомъ не было видно ни зги. Только по временамъ, когда «Добрая Надежда» съ головокружительной быстротой опускалась во впадину межъ валовъ, гребень волны разбивался, и на одно мгновеніе взлеталъ водопадъ бѣлой пѣны; но въ слѣдующее мгновеніе онъ устремлялся въ кильватеръ судна и исчезалъ тамъ.

Многіе изъ экипажа громко молились; другіе страдали морской болѣзнью и пробрались въ трюмъ, гдѣ растянулись среди клади. Слишкомъ быстрый ходъ, пьяное хвастовство Лаулесса, продолжавшаго кричать и распѣвать на ходу, заставили бы самаго храбраго человѣка на бортѣ «Доброй Надежды» усумниться въ удачномъ результатѣ плаванія.

Но Лаулессъ, какъ бы по инстинкту, провелъ судно среди громадныхъ волнъ, навалился съ подвѣтренной стороны на покрытый зеленью песчаный берегъ, гдѣ они плыли нѣсколько времени въ затишьѣ, и, наконецъ, провелъ его вдоль набережной изъ грубыхъ камней; тутъ судно быстро привязали и оставили качаться и скрипѣть въ темнотѣ.

V. «Добрая Надежда» (продолженіе).

Набережная была не очень далеко отъ дома, въ которомъ находилась Джоанна; оставалось только спустить людей на берегъ, окружить домъ сильнымъ отрядомъ, выломать дверь и похитить плѣнницу. Тогда задача «Доброй Надежды» была бы выполнена: она доставила ихъ въ тылъ врага, а отступленіе—во всякомъ случаѣ, удастся ли предпріятіе, или нѣтъ—могло быть успѣшнѣе произведено по дорогѣ въ лѣсъ и къ резерву милорда Фоксгэма.

Но высадить людей на берегъ оказывалось нелегкой задачей; многіе изъ нихъ чувствовали себя нехорошо, всѣ закоченѣли отъ холода; тѣснота и безпорядокъ на суднѣ нарушили дисциплину; быстрота хода, ночная тьма удручающе подѣйствовали на нихъ. Они кинулись на набережную; милорду съ обнаженной шпагой пришлось удерживать своихъ собственныхъ людей; движеніе безпокойной толпы было остановлено не безъ шума, не желательнаго въ данномъ случаѣ.

Когда порядокъ отчасти возстановился, Дикъ съ нѣсколькими отборными людьми двинулся впередъ. Темнота на берегу по сравненію съ свѣтлой пѣной прибоя, казалось, сгустилась, точно воздухъ обратился въ плотное вещество; свистъ и завываніе бури заглушали всѣ остальные звуки.

Онъ только что дошелъ до конца набережной, какъ вѣтеръ внезапно спалъ. Въ наступившей тишинѣ послышался глухой стукъ копытъ лошадей и лязгъ оружія. Дикъ остановилъ шедшихъ за нимъ людей и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вступилъ на дюну. Тутъ онъ убѣдился, что то двигаются люди и лошади. Сильное отчаяніе овладѣло имъ. Если ихъ дѣйствительно подстерегаютъ враги, если они заняли набережную съ той стороны, гдѣ тѣ высаживаются на берегъ—ему и лорду Фоксгэму будетъ очень трудно защищаться, такъ какъ позади нихъ будетъ море, и людямъ придется толпиться въ темнотѣ на узкой плотинѣ. Онъ далъ условный сигналъ—свистнулъ осторожно.

Сигналъ оказалъ далеко нежеланное дѣйствіе. Въ ночной тьмѣ посыпался градъ наудачу посланныхъ стрѣлъ. Люди на набережной стояли такъ плотно другъ къ другу, что стрѣлы попали въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; раздались крики испуга и боли. Лордъ Фоксгэмъ былъ сраженъ при первомъ залпѣ; Хокслей сей

часъ же велѣлъ отнести его на судно; въ продолженіе недолгой схватки люди его сражались безъ всякаго руководства. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, и было причиной послѣдовавшаго затѣмъ бѣдствія.

Въ концѣ набережной Дикъ съ горстью своихъ людей удерживалъ на минуту свою позицію; съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько раненыхъ; сталь скрещивалась со сталью; ни одинъ изъ отрядовъ не могъ похвастаться преимуществомъ. Но въ мгновеніе ока счастье измѣнило отряду съ корабля. Кто-то крикнулъ, что все потеряно; люди были настроены такъ, что охотно повѣрили непріятному извѣстію, повторявшемуся отъ одного къ другому.

— Назадъ, братцы, если дорожите жизнью!—раздался новый крикъ.

Еще одинъ изъ отряда, съ истиннымъ инстинктомъ труса, распространилъ вѣсть, неизмѣнно появляющуюся при всѣхъ отступленіяхъ: «Намъ измѣнили!» И въ одно мгновеніе вся толпа, волнуясь и толкаясь, ринулась назадъ, внизъ по набережной, обращая къ преслѣдователямъ свой беззащитный тылъ и оглашая ночной воздухъ трусливыми восклицаніями.

Одинъ трусъ отталкивалъ корму судна, тогда какъ другой держалъ его за носъ. Бѣглецы, съ пронзительными криками, вскакивали на бортъ или обрывались и падали въ море. Нѣкоторые изъ нихъ были убиты преслѣдователями на набережной. Многіе пострадали на палубѣ судна: въ слѣпомъ ужасѣ они поспѣшно вскакивали на бортъ, падая и давя другъ друга. Наконецъ, нарочно или случайно, носъ «Доброй Надежды» освободился отъ цѣпи, и всюду поспѣвавшій Лаулессъ, который все время оставался на рулѣ, благодаря своей силѣ и храброму отпору, немедленно направилъ судно на надлежащій путь. «Добрая Надежда» снова пошла впередъ, въ бурное море; потоки крови текли съ палубы, заваленной трупами и ранеными. Въ темнотѣ судно двинулось впередъ, борясь съ волнами.

Лаулессъ вложилъ кинжалъ въ ножны и обернулся къ ближайшему сосѣду.

— Я здорово отмѣтилъ ихъ, кумъ,—сказалъ онъ,—этихъ крикливыхъ, трусливыхъ псовъ.

Въ то время, какъ бѣглецы вскакивали на судно, спасая себѣ жизнь, они, повидимому, не замѣчали грубыхъ пинковъ и силь-

ныхъ ударовъ кинжаломъ, благодаря которымъ Лаулессу удалось удержать свое мѣсто во время всеобщаго смятенія. Но теперь они начали яснѣе понимать положеніе дѣла, а, можетъ быть, кто-нибудь и, кромѣ собесѣдника-рулевого, услышалъ его слова.

Пораженныя паникой войска, медленно приходятъ въ себя, а люди только что обезчестившіе себя трусостью, какъ бы для того, чтобы стереть воспоминаніе о ихъ проступкѣ, часто переходятъ къ совершенно противоположному настроенію — къ бунту. Такъ случилось и теперь: тѣ самые люди, которые побросали свое оружіе, которыхъ втащили за ноги на палубу «Доброй Надежды», начали роптать на своихъ вождей и требовать наказанія кого-то. Все возрастающее непріязненное чувство обратилось на Лаулесса.

Чтобы удобнѣе выйти изъ гавани, старый лѣсной бродяга направилъ носъ «Доброй Надежды» прямо въ сторону открытаго моря.

— Это что такое!—заоралъ одинъ изъ недовольныхъ.—Онъ ведетъ насъ въ море.

— Въ самомъ дѣлѣ! — кричалъ другой. — Ну, это явная измѣна!

Всѣ хоромъ принялись кричать объ измѣнѣ и пронзительными голосами, съ ужасными ругательствами требовали, чтобы Лаулессъ поскорѣе привелъ ихъ къ берегу. Стиснувъ зубы, Лаулессъ молча продолжалъ вести «Добрую Надежду» по тому же курсу, среди огромныхъ волнъ. Частью подъ вліяніемъ хмѣля, частью изъ чувства собственнаго достоинства, онъ не отвѣчалъ ни на безсмысленныя выраженія ужаса, ни на позорныя угрозы. Недовольные собрались позади мачты; ясно было, что они, какъ пѣтухи на дворѣ, «кричатъ, чтобы придать себѣ храбрости». Очевидно, они были готовы ко всякому несправедливому, неблагодарному поступку. Дикъ началъ подыматься по лѣстницѣ, чтобы остановить проявленія недовольства, но одинъ изъ лѣсныхъ бродягъ, смыслившій кое-что въ морскомъ дѣлѣ, предупредилъ его.

— Ребята,—началъ онъ,—право, у васъ деревянныя башки. Чтобы вернуться назадъ, намъ надо выйти въ открытое море, не правда ли? Ну, вотъ, старый Лаулессъ...

Кто-то ударилъ оратора въ зубы и по лицу, и въ слѣдующее мгновеніе съ быстротой огня, распространяющагося въ сухой

соломѣ, его повалили на полъ; трусливые товарищи топтали его ногами и кинжалами отправили на тотъ свѣтъ. Гнѣвъ Лаулесса прорвался наружу.

— Правьте рулемъ сами,—съ проклятіемъ прогремѣлъ онъ и покинулъ руль, не думая о результатахъ.

Въ это мгновеніе «Добрая Надежда» дрожала на гребнѣ огромной волны. Съ ужасающей быстротой она опустилась по другую сторону гребня. Волна, похожая на большой черный бастіонъ, вдругъ поднялась передъ нею; дрожа отъ сильнаго удара, «Добрая Надежда» ринулась своей носовой частью въ прозрачную гору. Зеленая вода окатила судно съ кормы до носа; высота воды доходила до колѣнъ; брызги летѣли выше мачты. «Добрая Надежда» поднялась съ другой стороны съ жалобнымъ скрипомъ и дрожью, словно раненое животное.

Шестерыхъ или семерыхъ недовольныхъ волны снесли за бортъ; когда остальные нѣсколько опомнились, и къ нимъ вернулась способность рѣчи, они стали громко взывать къ святымъ и призывать Лаулесса, прося его вернуться снова къ рулю.

Лаулессъ не заставилъ упрашивать себя. Весь хмѣль вылетѣлъ у него изъ головы при видѣ ужаснаго результата его справедливаго гнѣва. Лучше всѣхъ онъ зналъ, какой опасности опуститься на дно подвергалась «Добрая Надежда»; эта опасность не вполнѣ прошла и теперь, судя по тому, какъ неустойчиво она шла по морю.

Дикъ, сброшенный на палубу толчкомъ и чуть было не утонувшій всталъ и пошелъ по колѣни въ водѣ по залитой палубѣ. Шатаясь, добрался онъ до стараго рулевого.

— Лаулессъ,—сказалъ онъ,—мы всѣ зависимъ отъ тебя; ты храбрый, стойкій человѣкъ и, дѣйствительно, искусный въ управленіи судномъ. Я поставлю около тебя трехъ людей, чтобы они оберегали тебя.

— Напрасно, мой мастеръ,—отвѣтилъ рулевой, пристально вглядываясь въ темноту.—Съ каждой минутой мы удаляемся отъ отмелей; море съ каждой минутой будетъ все сильнѣе напирать на насъ; что же касается до этихъ плаксъ, то скоро всѣ они будутъ лежать на спинахъ. Потому что, мой мастеръ, это странная тайна, но сущая правда, что дурной человѣкъ никогда не бываетъ хорошимъ морякомъ. Только честные и смѣлые люди могутъ выносить такую качку.

— Ну, Лаулессъ,—со смѣхомъ проговорилъ Дикъ,—это просто поговорка настоящихъ моряковъ; смысла въ ней не больше, чѣмъ въ свистѣ вѣтра. Но скажи, пожалуйста, какъ мы идемъ? Каково наше положеніе? Хорошо ли?

— Мастеръ Шельтонъ,—отвѣтилъ Лаулессъ,—я былъ францисканцемъ и—благодарю судьбу за это—стрѣлкомъ, воромъ и морякомъ. Изъ всѣхъ платьевъ, которыя я носилъ, какъ вы легко можете представить себѣ, я болѣе всего хотѣлъ бы умереть въ одеждѣ францисканца и менѣе всего въ пропитанной дегтемъ курткѣ матроса. И на это есть двѣ превосходныя причины: во-первыхъ, тутъ смерть можетъ внезапно похитить человѣка, а во-вторыхъ, изъ-за ужаса передъ этой громадной, соленой лужей, что у меня подъ ногами,—и Лаулессъ топнулъ ногой.—Какъ бы то ни было,—продолжалъ онъ,—если сегодня ночью я не умру смертью матроса, то долженъ буду поставить большую свѣчу Богородицѣ.

— Неужели это такъ?—спросилъ Дикъ.

— Именно такъ,—отвѣтилъ лѣсной бродяга,—развѣ вы не чувствуете, какъ медленно и тяжело движется «Добрая Надежда» по волнамъ? Развѣ вы не слышите, какъ вода заливаетъ трюмъ? Погодите, пока судно осядетъ немного ниже, оно или пойдетъ ко дну, словно камень, или выкинется на берегъ съ подвѣтренной стороны и распадется на куски, словно разсучившаяся веревка.

— Ты говоришь мужественно и неустрашимо, — замѣтилъ Дикъ.—Ты, значитъ, не боишься?

— Ну, мастеръ,—отвѣтилъ Лаулессъ,—ужъ если у какого человѣка плохой грузъ при входѣ въ гавань, такъ это у меня: ренегатъ-францисканецъ, воръ и такъ далѣе. Ну, вы можете удивляться, а у меня все же есть надежда, и если я утону, то утону съ яснымъ взоромъ, мастеръ Шельтонъ, и съ рукой, которая не дрогнетъ.

Дикъ ничего не отвѣтилъ, но рѣшительность стараго бродяги очень удивила его; боясь какого-нибудь новаго насилія или измѣны со стороны остальныхъ, онъ отправился разыскивать трехъ людей, на которыхъ можно было положиться. Большинство экипажа удалилось съ палубы, постоянно обдаваемой взлетавшими брызгами волнъ, гдѣ они подвергались рѣзкимъ порывамъ вѣтра.

Вмѣсто того, они собрались среди боченковъ вина въ трюмѣ съ товарами, освѣщаемомъ двумя раскачивающимися фонарями.

Тутъ начался настоящій веселый пиръ, произносились тосты, обильно запиваемые гасконскимъ виномъ Арбластера. Но такъ какъ «Добрая Надежда продолжала летѣть по пѣнящимся волнамъ, опускаясь попеременно то носомъ, то кормой глубоко въ бѣлую пѣну и подымаясь высоко на воздухъ, то число веселыхъ товарищей уменьшалось съ каждой минутой и съ каждымъ креномъ. Нѣкоторые сидѣли въ сторонѣ, перевязывая раны, но большинство уже лежало отъ морской болѣзни и стонало въ трюмѣ.

Гриншивъ, Кукоу и молодой малый изъ отряда лорда Фоксгэма, замѣченный уже Дикомъ, благодаря его уму и храбрости, оказались еще способными понимать приказанія и готовыми исполнять ихъ. Дикъ назначилъ ихъ тѣлохранителями рулевого; затѣмъ онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на черное небо и черное море, повернулся и пошелъ внизъ въ каюту, куда слуги отнесли лорда Фоксгэма.

Глава VI. «Добрая Надежда».

(Окончаніе).

Стоны раненаго барона смѣшивались съ воемъ судовой собаки. Грустило ли бѣдное животное отъ разлуки съ своими друзьями или чуяло опасность при качкѣ судна, но крики его раздавались, словно ежеминутные выстрѣлы пушки, надъ шумомъ волнъ и вѣтра. Болѣе суевѣрнымъ людямъ въ этихъ звукахъ слышался погребальный звонъ по «Доброй Надеждѣ».

Лордъ Фоксгэмъ лежалъ на койкѣ, на мѣховомъ плащѣ. Маленькая лампада слабо горѣла передъ изображеніемъ Святой Дѣвы на переборкѣ. При ея мерцаніи Дикъ разглядѣлъ блѣдное лицо и впалые глаза раненаго.

— Я сильно раненъ, — сказалъ Фоксгэмъ. — Подойдите ближе, молодой Шельтонъ; пусть будетъ при мнѣ хоть одинъ человѣкъ благороднаго происхожденія. Грустно послѣ того, какъ всю жизнь прожилъ благородно и богато, быть раненымъ въ жалкой схваткѣ и умереть здѣсь на грязномъ, холодномъ суднѣ, въ морѣ, среди погибшихъ людей и мужиковъ.

— Ну, милордъ,—сказалъ Дикъ,—молю святыхъ, чтобы вы поправились и благополучно добрались до берега здоровымъ и невредимымъ.

Тутъ начался настоящій веселый пиръ...

— Это какимъ образомъ?—спросилъ Фоксгэмъ.—Добраться до берега здравымъ и невредимымъ? Развѣ это еще возможно.

— Судно качаетъ, море бурно и опасно,—отвѣтилъ юноша,—и, судя по тому, что мнѣ удалось узнать отъ человѣка, который

ведетъ насъ, мы должны быть благодарны, если доберемся до берега, не замочивъ ногъ.

— Ага!—мрачно сказалъ баронъ.—Итакъ, разставаніе моей души съ тѣломъ должно сопровождаться всякими ужасами! Сэръ, помолитесь лучше, чтобы ваша жизнь была тяжелѣе, чтобы легче было умереть, а то всю жизнь судьба тебя ублажаетъ, балуетъ, а въ послѣдній часъ гибнешь въ мученіяхъ! Однако, у меня на душѣ есть нѣчто, чего нельзя откладывать. У насъ, на суднѣ, нѣтъ священника?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— Ну, такъ вотъ, что я передамъ вамъ о моихъ свѣтскихъ дѣлахъ,—продолжалъ лордъ Фоксгэмъ;—вы должны быть такимъ же добрымъ другомъ мнѣ, когда я умру, какимъ благороднымъ врагомъ оказались при моей жизни. Я умираю въ дурной часъ для меня, для Англіи и для тѣхъ, кто довѣрялъ мнѣ. Гэмлей—вашъ бывшій соперникъ—поведетъ моихъ людей; имъ назначено собраться въ Холивудѣ, въ большой залѣ; вотъ это кольцо съ моей руки будетъ служить доказательствомъ того, что вы передаете мои приказанія. Кромѣ того, я напишу на бумажкѣ слова два Гэмлею, чтобы онъ уступилъ вамъ Джоанну. Но послушаетесь ли вы меня? Не знаю!

— Но какія ваши приказанія, милордъ?—спросилъ Дикъ.

— А,—сказалъ баронъ,—да, приказанія.—Онъ, колеблясь, взглянулъ на Дика.—Вы приверженецъ Ланкастерскаго дома или Іоркскаго?—наконецъ, спросилъ онъ.

— Къ стыду моему, долженъ сказать,—отвѣтилъ Дикъ,—что не могу дать положительнаго отвѣта. Одно, я думаю, вѣрно: такъ какъ я заодно съ Эллисомъ Декуорсомъ, то, значитъ, служу Іоркскому дому. Если это такъ, то я стою за Іоркскій домъ.

— Хорошо,—сказалъ Фоксгэмъ,—превосходно. Если бы вы высказались за Ланкастерскій, я, право, не зналъ бы, что дѣлать. Но такъ какъ вы стоите за Іоркскій, то слушайте меня. Я прибылъ въ Шорби для того, чтобы наблюдать за здѣшними лордами, пока мой благородный молодой господинъ, Ричардъ Глочестерскій *) собираетъ достаточно силъ, чтобы напасть на нихъ и разсѣять ихъ. Я сдѣлалъ замѣтки о ихъ силахъ, мѣстахъ, гдѣ у нихъ

---

*) Во время этого разсказа Ричардъ Горбатый не могъ еще быть герцогомъ Глочестерскимъ; но, съ позволенія читателя, мы будемъ называть его такъ для большей ясности.

разставлены караулы, о расположенiи ихъ войскъ и долженъ былъ передать эти замѣтки моему молодому господину въ воскресенье, за часъ до полудня у креста св. Невѣсты, около лѣса. Я не могу выполнить своего обѣщанiя, но, прошу васъ, будьте такъ любезны, выполните его вмѣсто меня. Смотрите, чтобы ни удовольствiя, ни боль, ни буря, ни рана, ни чума не удержали васъ; будьте на мѣстѣ въ назначенный часъ, потому что отъ этого зависитъ благо Англiи.

— Я серьезно беру это на себя,—сказалъ Дикъ;—ваши распоряженiя будутъ выполнены, насколько это доступно мнѣ.

— Это хорошо,—сказалъ раненый.—Милордъ герцогъ дастъ вамъ дальнѣйшiя распоряженiя, и если вы будете разумно и охотно повиноваться ему, то ваша судьба упрочена. Поставьте лампаду поближе къ моимъ глазамъ такъ, чтобы я могъ писать.

Онъ написалъ записку: «моему достоуважаемому родственнику, сэру Джону Гэмлею»; потомъ вторую, безъ всякой надписи.

— Это герцогу,—сказалъ онъ.—Пароль—«Англiя и Эдуардъ», а лозунгъ—«Англiя и Iоркъ».

— А Джоанна, милордъ?—спросилъ Дикъ.

— Ну, вы сами должны добыть Джоанну, какъ умѣете,—отвѣтилъ баронъ.—Въ обоихъ этихъ письмахъ я упомянулъ, что выбираю васъ ея женихомъ; но вы должны добыть ее сами, мой мальчикъ. Вы видѣли, что я пробовалъ сдѣлать это и поплатился жизнью. Большаго не могъ бы сдѣлать ни одинъ человѣкъ.

Раненый, очевидно, сильно усталъ. Дикъ положилъ драгоцѣнныя бумаги за пазуху, пожелалъ ему бодрости духа и вышелъ изъ каюты.

Наступалъ день, холодный и пасмурный, съ налетавшими снѣжными вьюгами. Берегъ съ подвѣтренной стороны состоялъ изъ каменистыхъ косъ, смѣнявшихся песчаными буграми; дальше, въ глубинѣ, на небѣ выдѣлялись лѣсистыя верхушки Тонсталльскихъ холмовъ. И вѣтеръ, и волненiе на морѣ улеглись; но судно медленно подвигалось, еле подымаясь надъ волнами.

Лаулессъ продолжалъ стоять у руля. Къ этому времени почти всѣ выбрались на палубу и съ растерянными лицами смотрѣли на негостепрiимный берегъ.

— Мы идемъ къ берегу?—спросилъ Дикъ.

— Да, если не очутимся раньше на днѣ, — отвѣтилъ Лаулессъ.

Какъ разъ въ это мгновеніе «Добрая Надежда» такъ безпомощно поднялась навстрѣчу волнамъ, а вода въ ея трюмѣ клокотала такъ громко, что Дикъ невольно схватилъ руку рулевого.

— Клянусь мессой!—вскрикнулъ Дикъ, когда носъ «Доброй Надежды» показался надъ пѣной.—Я думалъ, что мы уже пошли на дно; сердце у меня такъ и замерло.

На шкафутѣ Гриншивъ, Хокслей и лучшіе люди обоихъ отрядовъ дѣятельно разрушали палубу, чтобы построить плотъ. Дикъ присоединился къ нимъ и прилежно работалъ, чтобы забыть о своемъ положеніи. Но и во время работы всякая волна, ударявшая въ бѣдное судно, всякій его кренъ, когда оно медленно подвигалось среди валовъ, напоминали ему о непосредственной близости смерти и возбуждали мучительный ужасъ.

Оторвавшись отъ работы, онъ увидѣлъ, что «Добрая Надежда» приближается къ какому-то мысу; часть разрушающагося утеса, объ основаніе котораго разбивались тяжелыя, бѣлыя волны, почти нависала надъ палубой; наверху песчанаго холма, какъ бы увѣнчивая его, виднѣлся домъ.

Въ бухтѣ волны катились весело; онѣ подхватили «Добрую Надежду» на свои покрытые пѣною гребни, понесли ее такъ, что рулевой не могъ справиться съ ней, и черезъ мгновеніе выбросили ее сильнымъ напоромъ на песокъ; потомъ залили ее до половины мачты и стали швырять изъ стороны въ сторону. Налетѣлъ другой большой валъ, снова поднялъ судно и унесъ еще дальше; за нимъ послѣдовалъ третій, который унесъ его далеко отъ опасныхъ валовъ, посадивъ его на мель.

— Ну, молодцы,—крикнулъ Лаулессъ,—святые, дѣйствительно, хранили насъ! Приливъ спадаетъ; присядемъ да выпьемъ чарку вина, а раньше, чѣмъ черезъ полчаса, мы можемъ пройти къ берегу такъ же спокойно, какъ по мосту.

Пробуравили боченокъ, и потерпѣвшіе крушеніе воины, усѣвшись насколько возможно такъ, чтобы защититься отъ хлопьевъ снѣга и отъ брызгъ волнъ, стали пить, передавая другъ другу чарку, стараясь согрѣться и вернуть себѣ бодрость духа.

Дикъ между тѣмъ вернулся къ лорду Фоксгэму, который лежалъ въ страшномъ смущеніи и страхѣ. Вода на полу его каюты доходила до колѣнъ, лампада—его единственный свѣточъ—разбилась и потухла отъ сильнаго толчка.

— Милордъ,—сказалъ молодой Шельтонъ,—не бойтесь;

святые, очевидно, за насъ; волны выбросили насъ высоко на отмель, и какъ только приливъ немного спадетъ, мы можемъ пѣшкомъ дойти до берега.

Прошелъ почти часъ до тѣхъ поръ, пока приливъ оставилъ въ покоѣ «Добрую Надежду», и находившіеся на ней люди могли отправиться къ берегу, смутно виднѣвшемуся сквозь дымку несшагося имъ въ лицо снѣга.

Съ одной стороны маленькаго холма они замѣтили кучку людей, подозрительно слѣдившихъ за движеніями сошедшихъ на берегъ незнакомцевъ.

— Они могли бы подойти къ намъ и помочь чѣмъ-нибудь,— замѣтилъ Дикъ.

— Ну, а такъ какъ они не подходятъ, то мы сами пойдемъ къ нимъ,—сказалъ Хокслей.—Чѣмъ скорѣе мы доберемся до хорошаго огня и сухой постели, тѣмъ лучше для моего бѣднаго господина.

Но они не успѣли еще приблизиться къ холму, какъ лежавшіе тамъ люди сразу встали на ноги, и градъ стрѣлъ полетѣлъ на потерпѣвшихъ крушеніе.

— Назадъ! Назадъ!—крикнулъ лордъ Фоксгэмъ.—Остерегитесь, ради Бога, не отвѣчайте!

— Ну!—крикнулъ Гриншивъ, вытаскивая стрѣлу, вонзившуюся въ его кожаную куртку.—Мы, конечно, не въ такомъ положеніи, что можемъ сражаться, такъ какъ промокли, устали, какъ собаки, и на три четверти замерзли. Но, ради любви къ старой Англіи, что могло побудить ихъ стрѣлять такъ жестоко въ бѣдныхъ земляковъ въ несчастіи?

— Они принимаютъ насъ за французскихъ пиратовъ,—отвѣтилъ лордъ Фоксгэмъ.—Въ наше безпокойное, подлое время мы не можемъ удержать нашихъ собственныхъ береговъ; наши старые враги, которыхъ нѣкогда мы гнали на морѣ и на сушѣ, теперь шляются здѣсь, какъ имъ угодно, грабятъ, убиваютъ, жгутъ. Это горе и упрекъ нашей бѣдной странѣ.

Люди на холмѣ продолжали лежать, внимательно слѣдя за пришлецами, пока они съ трудомъ подымались на берегъ и углубились внутрь страны, между пустынными песчаными холмами; они слѣдили даже за отставшими на протяженіи около мили, готовые дать другой залпъ по усталымъ, измученнымъ бѣглецамъ. Только тогда, когда они попали, наконецъ, на твердую, большую

дорогу, и Дикъ водворилъ нѣчто вродѣ военнаго порядка среди своихъ подчиненныхъ, ревнивые охранители береговъ Англіи безмолвно исчезли среди снѣга. Они исполнили то, чего желали, они защитили свои дома и фермы, свои семьи и свой скотъ. Разъ они охранили свои собственные интересы, всѣмъ имъ было рѣшительно безразлично, что французы разнесутъ огонь и кровь по всѣмъ другимъ общинамъ англійскаго государства.

КНИГА IV.

ПЕРЕРЯЖЕННЫЕ.

I. Логовище.

Мѣсто, гдѣ Дикъ вышелъ на большую дорогу, было недалеко отъ Холивуда, миляхъ въ девяти-десяти отъ Шорби на Тиллѣ. Тутъ отряды раздѣлились послѣ того, какъ убѣдились, что ихъ больше не преслѣдуютъ. Слуги лорда Фоксгэма понесли своего раненаго господина въ большое аббатство, гдѣ онъ могъ найти покой и безопасность. Дикъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не повернули и не исчезли за густой завѣсой падающаго снѣга. Онъ остался одинъ приблизительно съ дюжиной бродягъ—остаткомъ его отряда волонтеровъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были ранены; всѣ взбѣшены неудачей и долгимъ пребываніемъ на холодѣ. Они были слишкомъ голодны, слишкомъ перезябли, чтобы выразить свое недовольство чѣмъ-либо болѣе серьезнымъ, и только ворчали, кидая угрюмые взгляды на своихъ вождей. Дикъ опорожнилъ для нихъ свой кошелекъ, не оставивъ себѣ ничего, поблагодарилъ ихъ за выказанную ими храбрость, хотя въ душѣ желалъ хорошенько отдѣлать ихъ за трусость. Смягчивъ такимъ образомъ преслѣдовавшее ихъ несчастье, онъ отправилъ ихъ по нѣсколько человѣкъ или парами въ Шорби, въ «Козу и Волынку».

Подъ вліяніемъ всего видѣннаго имъ на «Доброй Надеждѣ» онъ выбралъ себѣ въ спутники Лаулесса. Снѣгъ падалъ безостановочно и неизмѣнно ровнымъ ослѣпляющимъ облакомъ; вѣтеръ улегся и затихъ совсѣмъ. Весь міръ казался какъ бы обернутымъ въ саванъ этимъ безмолвнымъ снѣжнымъ наводненіемъ. Итти было опасно, такъ какъ на каждомъ шагу можно было сбиться съ

дороги и погибнуть въ сугробахъ снѣга. Лаулессъ шелъ на пол шага впереди своего спутника, вытянувъ голову, какъ охотничья собака, идущая по слѣду. Онъ отыскивалъ дорогу, изслѣдуя каждое дерево, и изучалъ тропинку, какъ будто бы велъ корабль среди опасностей.

Пройдя около мили по лѣсу, они пришли къ рощѣ изъ могучихъ, искривленныхъ дубовъ, куда сходилось нѣсколько дорожекъ. Даже при сильно падавшемъ снѣгѣ нельзя было бы не узнать этого мѣста, и Лаулессъ, очевидно, узналъ его съ особеннымъ восторгомъ.

— Ну, мастеръ Ричардъ,—сказалъ онъ,—если вы не слишкомъ горды для того, чтобы быть гостемъ человѣка, не джентльмена по рожденію и даже не хорошаго христіанина, то я могу предложить вамъ кружку вина и хорошій огонь, чтобы согрѣть мозгъ въ вашихъ костяхъ.

— Веди, Уилль,—сказалъ Дикъ.—Кружка вина и хорошій огонь! Да, я пошелъ бы, Богъ знаетъ, какъ далеко, чтобы увидѣть ихъ.

Лаулессъ раздвинулъ сухія вѣтви чащи и смѣло пошелъ впередъ. Черезъ нѣсколько времени онъ дошелъ до довольно глубокой впадины или пещеры, въ настоящее время на четверть засыпанной снѣгомъ. У края пещеры на подгнившихъ корняхъ стоялъ, наклонившись, большой букъ. Старый бродяга раздвинулъ густыя заросли и исчезъ въ землѣ.

Букъ былъ наполовину вырванъ съ корнями во время какой-нибудь значительной бури и увлекъ за собой значительное пространство дерна; старый Лаулессъ вырылъ себѣ тутъ тайное убѣжище. Корни служили ему стропилами, дернъ—кровлей, мать-земля—стѣнами и поломъ. Несмотря на всю первобытность этого жилища, почернѣвшій отъ огня очагъ въ одной сторонѣ и присутствіе большого дубоваго ящика, окованнаго желѣзомъ, въ другомъ, сразу указывали, что это логовище человѣка, а не нора какого-нибудь животнаго.

Хотя снѣгъ засыпалъ отверстіе этой земляной пещеры и усѣялъ полъ, все же воздухъ въ ней былъ гораздо теплѣе, чѣмъ наверху, а когда Лаулессъ высѣкъ искру, и сухой хворостъ засверкалъ и затрещалъ на очагѣ, все вокругъ приняло удобный и домашній видъ.

Со вздохомъ полнаго удовольствія Лаулессъ протянулъ къ огню свои широкія руки и, казалось, вдыхалъ дымъ.

— Вотъ, гдѣ кроличья нора старика Лаулесса, — сказалъ онъ.—Дай Богъ, чтобы сюда не забралась никакая собака. Я разгуливалъ въ разныхъ мѣстахъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ, и я впервые убѣжалъ изъ моего аббатства съ золотой цѣпочкой ризничаго и съ требникомъ, который я продалъ за четыре марки. Я былъ въ Англіи и во Франціи, въ Бургундіи, а также и Испаніи паломникомъ, ради спасенія моей бѣдной души; былъ и на морѣ, которое ни для кого не родина. Но мое мѣсто—здѣсь, мастеръ Шельтонъ. Это моя родная страна—эта нора въ землѣ. Льетъ ли дождь, бушуетъ ли вѣтеръ, апрѣль ли на дворѣ, и цвѣты падаютъ вокругъ моей постели, или зима, и я сижу одинъ съ добрымъ кумомъ—огнемъ, а реполовъ чирикаетъ въ лѣсу—здѣсь моя церковь и рынокъ, моя жена и ребенокъ. Сюда я возвращаюсь и здѣсь, если будетъ угодно святымъ, хотѣлъ бы умереть.

— Дѣйствительно, это теплый уголокъ,—замѣтилъ Дикъ,—пріятный и хорошо скрытый.

— Это-то и главное,—отвѣтилъ Лаулессъ;—если бы его нашли, мастеръ Шельтонъ, то сердце у меня разбилось бы. А вотъ здѣсь,—прибавилъ онъ, роясь толстыми пальцами въ песчаномъ полу,—мой винный погребъ, и вы получите бутылочку превосходнаго стараго вина.

Порывшись немного, онъ, дѣйствительно, досталъ большую кожаную бутылку мѣрой приблизительно въ галлонъ, на три четверти наполненную очень крѣпкимъ, сладкимъ виномъ. Они подружески выпили за здоровье другъ друга, подбросили сучьевъ въ огонь, и, когда онъ запылалъ, оба растянулись во весь ростъ, отогрѣвались и сушились, испытывая чувство блаженнѣйшей теплоты.

— Мастеръ Шельтонъ, — сказалъ бродяга, — за послѣднее время у васъ были двѣ неудачи и, повидимому, вы потеряете и дѣвушку. Правильно ли я говорю?

— Правильно!—сказалъ Дикъ, покачивая головой.

— Ну,—сказалъ Лаулессъ,—выслушайте стараго дурака, который побывалъ чуть ли не на всемъ свѣтѣ и видѣлъ почти все! Вы слишкомъ много исполняете чужихъ порученій, мастеръ Шельтонъ. Исполняете порученія Эллиса, который только и же-

лаетъ смерти сэра Даніэля. Отправляетесь исполнять порученія лорда Фоксгэма; ну, у него — да сохранятъ его всѣ святые— намѣренія хорошія. Но только вы, Дикъ, отправляйтесь-ка лучше по своимъ дѣламъ. Идите прямо къ молодой дѣвушкѣ. Ухаживайте за нею, чтобы она не забыла васъ. Будьте готовы; и при удобномъ случаѣ отправляйтесь, посадивъ ее къ себѣ на сѣдло.

— Да, Лаулессъ, но теперь она, безъ сомнѣнія, въ домѣ сэра Даніэля,—отвѣтилъ Дикъ.

— Ну, такъ мы и пойдемъ туда,—сказалъ бродяга.

Дикъ съ изумленіемъ уставился на него.

— Да, я говорю, что думаю,—кивнувъ головой, проговорилъ Лаулессъ. — А если вы такъ недовѣрчивы и запинаетесь при одномъ словѣ, то взгляните сюда!

Бродяга снялъ съ шеи ключъ, открылъ дубовый ящикъ и, порывшись глубоко въ его содержимомъ, вынулъ сначала монашеское одѣяніе, затѣмъ веревку для пояса и, наконецъ, громадныя четки изъ дерева, такія тяжелыя, что ихъ можно было принять за оружіе.

— Вотъ вамъ,—сказалъ онъ.—Надѣвайте все это.

Когда Дикъ одѣлся въ платье монаха, Лаулессъ досталъ краски и карандашъ и чрезвычайно умѣло гримировалъ ему лицо. Онъ сдѣлалъ брови болѣе густыми и рѣзкими; то же онъ продѣлалъ и съ усами, еле видными; нѣсколькими линіями, проведенными вокругъ глазъ, онъ измѣнилъ ихъ выраженіе и сдѣлалъ старше лицо слишкомъ молодого монаха.

— Ну,—сказалъ онъ,—когда я сдѣлаю то же съ собой, изъ насъ выйдетъ такая славная пара монаховъ, какую только можно пожелать. Мы смѣло пойдемъ къ сэру Даніэлю; тамъ насъ примутъ гостепріимно изъ любви къ церкви, матери нашей.

— А чѣмъ я могу отплатить тебѣ, дорогой Лаулессъ?—сказалъ Дикъ.

— Эхъ, братецъ,—отвѣтилъ Лаулессъ.—Я дѣлаю это только для моего удовольствія. Вы думайте о себѣ. Я изъ тѣхъ, что сами о себѣ подумаютъ. Если у меня чего не хватаетъ, у меня длинный языкъ и голосъ, словно монастырскій колоколъ. Я прошу, мой сынъ, ну а если просьба не помогаетъ, то обыкновенно беру то, что мнѣ нужно.

Старый плутъ сдѣлалъ смѣшную гримасу. Хотя Дику было

непріятно сознавать себя такъ сильно обязаннымъ этой двусмысленной личности, онъ не могъ сдержать смѣха.

Послѣ этого Лаулессъ вернулся къ большому ящику и вскорѣ явился въ новомъ видѣ. Дикъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ спряталъ подъ одеждой пукъ стрѣлъ.

— Зачѣмъ ты дѣлаешь это?—спросилъ юноша.—Къ чему стрѣлы, когда ты не берешь лука?

— Ну,—весело проговорилъ Лаулессъ—по всей вѣроятности будутъ разбитыя головы, не говоря уже о спинахъ, прежде чѣмъ мы выберемся живыми и невредимыми оттуда, куда идемъ, и если что случится, то я хотѣлъ бы, чтобы наше общество вышло съ честью изъ дѣла. Черная стрѣла, мастеръ Дикъ, печать нашего аббатства; она показываетъ, кто написалъ записку.

— Если ты приготовляешься такъ тщательно, — сказалъ Дикъ,—то вотъ тутъ у меня бумаги, которыя нужно оставить гдѣ-нибудь въ надежномъ мѣстѣ какъ ради меня самого, такъ и ради интересовъ тѣхъ, кто довѣрился мнѣ. Плохо будетъ, если ихъ найдутъ на мнѣ послѣ смерти. Гдѣ мнѣ спрятать ихъ, Уилль?

— Вотъ, что, — сказалъ Лаулессъ, — я пойду въ лѣсъ и стану насвистывать пѣсенки, а пока вы спрячьте ихъ, гдѣ желаете, а потомъ сравняете песокъ.

— Ни за что!—крикнулъ Ричардъ.—Я вѣрю тебѣ. Я былъ бы низкимъ человѣкомъ, если бы не довѣрялъ тебѣ.

— Братъ, ты настоящій ребенокъ,—отвѣтилъ старый бродяга, останавливаясь на порогѣ пещеры и оборачиваясь къ Дику.—Я старый, добрый христіанинъ, не ищущій крови другихъ и не жалѣющій своей для друга въ опасности. Но, безумецъ, дитя, я—воръ по ремеслу, по рожденію и по привычкамъ. Если бы у меня опустѣла бутылка и пересохло во рту, я обокралъ бы васъ, дорогое дитя; это такъ же вѣрно, какъ то, что я люблю и уважаю васъ, восхищаюсь вами и вашими достоинствами! Возможно ли сказать яснѣе? Нѣтъ!

И, щелкнувъ толстыми пальцами, онъ, спотыкаясь, исчезъ въ густомъ кустарникѣ.

Дикъ остался. Послѣ короткаго раздумья о непослѣдовательномъ характерѣ своего спутника, онъ поспѣшно вынулъ бумаги, перечелъ ихъ и спряталъ въ землѣ. Одну онъ рѣшилъ взять съ собой, такъ какъ эта бумага не могла никакимъ образомъ повредить кому-нибудь изъ его друзей, а могла бы, въ случаѣ край-

ности, служить свидѣтельствомъ противъ сэра Даніэля. Это было собственноручное письмо рыцаря къ лорду Уэнслейделю, посланное съ Трогмортономъ въ утро пораженія при Райзингэмѣ и найденное на слѣдующій день Дикомъ на трупѣ посланца.

Потомъ Дикъ затушилъ костеръ и затопталъ угли, вышелъ изъ пещеры и присоединился къ старому бродягѣ, ожидавшему его подъ безлиственными дубами и уже засыпаемому снѣгомъ. Они посмотрѣли другъ на друга и расхохотались—такъ смѣшны и неузнаваемы были они въ своемъ переряженномъ видѣ.

— Хотѣлъ бы я, чтобы было лѣто и ясный день,—проворчалъ Лаулессъ,—тогда я могъ бы поглядѣться въ лужу на себя. Многіе изъ людей сэра Даніэля знаютъ меня; если случится, что насъ узнаютъ, то о васъ, братъ, еще пошелъ бы разговоръ; ну, а что касается меня, то не успѣли бы вы прочитать «Отче Нашъ», какъ я уже висѣлъ бы на веревкѣ.

Они отправились въ Шорби. Дорога въ этой мѣстности шла вдоль края лѣса; по временамъ она переходила въ открытую поляну и шла мимо домовъ бѣдняковъ и маленькихъ фермъ.

— Братъ Мартинъ,—сказалъ Лаулессъ голосомъ совершенно измѣненнымъ и подходившимъ къ его монашескому одѣянію,—войдемъ и попросимъ милостыню у этихъ бѣдныхъ грѣшниковъ. Pax vobiscum! Да,—прибавилъ онъ,—вотъ чего я боялся; я нѣсколько отвыкъ говорить по-монашески. Съ вашего позволенія, добрый мастеръ Шельтонъ, я попрактикуюсь въ этихъ деревенскихъ мѣстностяхъ, прежде чѣмъ рисковать моей толстой шеей, войдя въ домъ сэра Даніэля. Но, посмотрите, какъ превосходно быть мастеромъ на всѣ руки! Не будь я въ свое время морякомъ, вы непремѣнно утонули бы на «Доброй Надеждѣ»; не будь воромъ—я не могъ бы раскрасить вамъ лицо; а не будь я францисканцемъ, не пой громко въ хорѣ, не ѣшь вплотную за столомъ, я не могъ бы хорошо представиться монахомъ, и даже собаки открыли бы насъ и залаяли бы на насъ, какъ на притворщиковъ.

Къ этому времени онъ подошелъ близко къ окну фермы, всталъ на цыпочки и заглянулъ въ него.

— Ну,—крикнулъ онъ,—все къ лучшему! Тутъ мы можемъ всласть испробовать наше умѣнье притворяться и заодно сыграть хорошую шутку съ братомъ Кепперомъ.

Сказавъ это, онъ отворилъ дверь и первымъ вошелъ въ домъ. Трое молодцовъ изъ ихъ отряда сидѣли за столомъ и ѣли съ

жадностью. Воткнутые въ столъ кинжалы, мрачные, угрожающіе взгляды, которые они продолжали метать на обитателей дома, доказывали, что они добыли себѣ угощеніе скорѣе силой, чѣмъ получили его изъ любезности. Въ особенности враждебно они взглянули на двухъ монаховъ, вошедшихъ со смиреннымъ достоинствомъ въ кухню фермы. Одинъ изъ нихъ, именно Джонъ Кепперъ, повидимому, игравшій главную роль, немедленно грубо приказалъ имъ убираться вонъ.

— Мы не нуждаемся въ нищихъ!—крикнулъ онъ.

Но другой изъ товарищей, хотя также не узналъ Дика и Лаулесса, склонялся къ болѣе умѣренному образу дѣйствій.

— Ну, нѣтъ!—крикнулъ онъ.—Мы люди сильные и потому беремъ; они слабые и молятъ; но, въ концѣ концовъ они окажутся наверху, а мы снизу. Не обращайте на него вниманія, отецъ мой, войдите, выпейте изъ моего кубка и дайте мнѣ свое благословеніе.

— Вы—люди легкомысленные, плотскіе и проклятые,—сказалъ монахъ.—Святые запрещаютъ мнѣ пить съ такими товарищами. Но ради состраданія, которое я питаю къ грѣшникамъ, я оставляю вамъ священную реликвію, которую приказываю вамъ цѣловать и любить, ради спасенія вашей души.

До сихъ поръ Лаулессъ гремѣлъ, словно монахъ-проповѣдникъ; но съ этими словами онъ вытащилъ изъ-подъ одежды черную стрѣлу, бросилъ ее на столъ передъ тремя пораженными бродягами, повернулся и вышелъ изъ комнаты, захвативъ съ собой Дика. Онъ былъ уже далеко прежде, чѣмъ присутствовавшіе успѣли выговорить хоть одно слово или двинуть пальцемъ.

— Итакъ, мы попробовали нашъ нарядъ, мастеръ Шельтонъ, — сказалъ онъ, — и теперь я рискну, гдѣ вамъ будетъ угодно, моей бѣдной, спрятанной подъ нимъ шкурой.

— Хорошо,—замѣтилъ Ричардъ, — я горю нетерпѣніемъ приняться за дѣло. Отправимся въ Шорби.

II. Въ домѣ врага.

Сэръ Даніэль жилъ въ Шорби въ высокомъ, удобномъ, оштукатуренномъ домѣ, обшитомъ рѣзнымъ дубомъ, съ низкой кровлей изъ просмоленной соломы. Сзади тянулся садъ, полный фруктовыхъ деревьевъ, аллей, густыхъ зеленыхъ бесѣдокъ; въ отдаленномъ концѣ его виднѣлась колокольня церкви аббатства.

Въ случаѣ нужды въ домѣ могла бы помѣститься свита и болѣе важнаго вельможи, чѣмъ сэръ Даніэль; но и теперь онъ былъ полонъ шума и гама. На дворѣ раздавался звонъ оружія и стукъ подковъ лошадей; на кухнѣ стоялъ гулъ, словно въ ульѣ; изъ залы слышались пѣсни манестрелей, игра на инструментахъ и восклицанія шутовъ. Сэръ Даніэль соперничалъ съ лордомъ Шорби въ щедрости, весельи и любезности, царствовавшихъ въ его домѣ, и затмѣвалъ лорда Райзингема.

Всѣхъ гостей встрѣчали радушно. За столъ на нижнемъ концѣ садились менестрели, паяцы, игроки въ шахматы, продавцы реликвій, лѣкарствъ, духовъ и разныхъ волшебныхъ зелій, а вмѣстѣ съ ними всевозможные священники, монахи и пилигримы. Всѣ они спали вмѣстѣ на громадныхъ чердакахъ, или на голыхъ доскахъ въ большой столовой.

Въ полдень дня, слѣдовавшаго за крушеніемъ «Доброй Надежды», кладовая, кухни, конюшни, закрытые сараи по обѣ стороны двора, все было набито празднымъ народомъ, частью принадлежавшимъ къ штату сэра Даніэля, одѣтымъ въ его ливреи темнокраснаго и синяго цвѣта, частью изъ какихъ-то странныхъ незнакомцевъ, привлеченныхъ въ городъ алчностью и принимавшихся рыцаремъ изъ политики и потому, что это было въ модѣ въ то время.

Падавшій безостановочно снѣгъ, страшно холодный воздухъ, приближеніе вечера — все это вмѣстѣ заставляло ихъ искать пріюта. Вино, эль и деньги текли въ изобиліи; многіе играли въ карты, растянувшись на соломѣ на гумнѣ; другіе еще были пьяны послѣ полуденной ѣды. Для современнаго взгляда эта картина была бы возможна только при разгромѣ города; на глазъ человѣка того времени она входила въ домашній обиходъ любого богатаго и благороднаго дома въ праздничное время.

Два монаха—молодой и старый—пришедшіе поздно, грѣлись у костра, разведеннаго въ концѣ сарая. Ихъ окружала смѣшанная толпа фокусниковъ, паяцовъ, солдатъ; старшій изъ монаховъ скоро вступилъ въ оживленный разговоръ, сопровождавшійся такимъ громкимъ смѣхомъ и обмѣномъ остротъ, что окружавшая монаховъ группа людей мгновенно увеличилась.

Младшій изъ монаховъ—въ которомъ читатель уже узналъ Дика Шельтона—сразу сѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и посте-

пенно отодвигался все дальше и дальше. Онъ внимательно прислушивался къ разговору, но ни разу не открылъ рта и, судя по серьезному выраженію его лица, обращалъ мало вниманія на шутки своего товарища.

Наконецъ, его взоръ, постоянно блуждавшій и наблюдавшій за всѣми входами въ домъ, упалъ на маленькую процессію, вошедшую въ главныя ворота и переходившую наискось дворъ. Впереди шли двѣ дамы, закутанныя въ пушистые мѣха, за ними двѣ служанки и четверо сильныхъ воиновъ. Въ слѣдующее мгновеніе они исчезли въ домѣ, и Дикъ, проскользнувъ между праздношатающимися, вышелъ изъ сарая и пустился въ горячее преслѣдованіе.

— Та, что выше—леди Бреклей,—подумалъ онъ,—а гдѣ леди Бреклей, тамъ недалеко и Джоанна.

Четыре воина остались у дверей дома, а дамы подымались по лѣстницѣ изъ полированнаго дуба въ сопровожденіи двухъ служанокъ. Дикъ шелъ по пятамъ. На дворѣ уже темнѣло; а въ домѣ наступила почти ночная тьма. На площадкахъ лѣстницы горѣли факелы, всунутые въ желѣзныя скобы; у каждой двери длиннаго коридора съ ткаными обоями горѣли лампы. Тамъ, гдѣ дверь была открыта, Дикъ видѣлъ стѣны, покрытыя ткаными обоями и усыпанные тростникомъ полы, блестѣвшіе при свѣтѣ огня.

Такимъ образомъ прошли два этажа и на каждой площадкѣ болѣе молодая леди маленькаго роста оборачивалась и зорко смотрѣла на монаха. Онъ же шелъ, опустивъ глаза, съ скромнымъ видомъ, свойственнымъ принятому имъ на себя званію, и потому только разъ взглянулъ на нее и не замѣтилъ, что обратилъ на себя ея вниманіе. Въ третьемъ этажѣ дамы разстались, младшая пошла одна наверхъ, а старшая, въ сопровожденіи служанокъ,—въ коридоръ направо.

Дикъ шелъ быстрыми шагами; остановившись въ углу, онъ вытянулъ голову и слѣдилъ глазами за тремя женщинами. Онѣ продолжали итти по коридору, не останавливаясь и не оглядываясь назадъ.

— Очень хорошо—думалъ Дикъ.—Только бы мнѣ узнать комнату леди Бреклей; тогда уже не трудно будетъ увидѣть госпожу Хэтчъ, когда ее пошлютъ по какому-нибудь дѣлу.

Какъ разъ въ это мгновеніе чья-то рука опустилась ему на

плечо. Съ подавленнымъ крикомъ онъ однимъ прыжкомъ бросился на нападающаго и схватилъ его.

Дикъ нѣсколько смутился, увидѣвъ, что такъ грубо схваченный имъ врагъ никто иной, какъ маленькая леди въ мѣхахъ. Она со своей стороны была несказанно поражена и испугана и, дрожа, не смѣла высвободиться изъ захватившихъ ее рукъ.

— Сударыня,—сказалъ Дикъ, освобождая ее,—приношу тысячу извиненій; но у меня нѣтъ глазъ сзади и, клянусь мессой, я не зналъ, что вы дѣвушка.

Молодая дѣвушка продолжала смотрѣть на него, и ужасъ постепенно смѣнился удивленіемъ, удивленіе — подозрѣніемъ. Дикъ, который легко читалъ смѣну впечатлѣній на ея лицѣ, сталъ опасаться за свою безопасность въ этомъ враждебномъ ему домѣ.

— Прекрасная дѣвушка,—сказалъ онъ съ притворной развязностью,—позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку въ знакъ того, что вы прощаете мнѣ мою грубость, и я уйду.

— Странный вы монахъ, молодой сэръ,—отвѣтила молодая дѣвушка, смотря ему въ лицо смѣлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательнымъ взглядомъ;—теперь, когда мое удивленіе нѣсколько улеглось, я вижу свѣтскаго человѣка въ каждомъ вашемъ словѣ. Что вы здѣсь дѣлаете? Зачѣмъ вы одѣты такъ кощунственно? Пришли вы съ враждой, или съ миромъ? И почему вы выслѣживаете леди Брэклей, словно воръ?

— Сударыня,—сказалъ Дикъ, — прошу васъ быть совершенно увѣренной только въ одномъ:—я не воръ. А если бы я и пришелъ сюда съ воинственными цѣлями—что вѣрно, до извѣстной степени—то я не воюю съ прекрасными дѣвушками и молю ихъ послѣдовать въ этомъ отношеніи моему примѣру и оставить меня въ покоѣ. Если же вы крикнете, прекрасная миссисъ,—если вамъ это угодно—если вы крикнете хоть разъ и разскажете то, что видѣли — бѣдный джентльменъ, стоящій передъ вами, долженъ умереть. Не думаю, чтобы вы могли быть настолько жестокой, — прибавилъ Дикъ и, нѣжно взявъ руку дѣвушки обѣими руками, посмотрѣлъ на нее взоромъ, полнымъ вѣжливаго восхищенія.

— Такъ вы шпіонъ-іорксистъ?—спросила дѣвушка.

— Сударыня,—отвѣтилъ онъ,—я дѣйствительно іорксистъ и, въ нѣкоторомъ родѣ, шпіонъ. Но то, что привело меня въ этотъ

домъ, то, что возбудитъ въ вашемъ добромъ сердцѣ сожалѣніе и интересъ ко мнѣ, не имѣетъ отношенія ни къ Іорку, ни къ Ланкастеру. Я отдаю на ваше усмотрѣніе всю мою жизнь. Я—любящій человѣкъ, и мое имя...

Но тутъ молодая дѣвушка вдругъ зажала Дику ротъ рукой, поспѣшно оглянулась вверхъ и внизъ, на востокъ и на западъ и, видя, что путь свободенъ, потащила молодого человѣка съ большой силой и пылкостью вверхъ на лѣстницу.

— Тсъ!—сказала она.—Иди. Будешь разговаривать потомъ.

Дикъ, нѣсколько удивленный, допустилъ, чтобы его втащили наверхъ, поспѣшно провели по какому-то коридору и внезапно втолкнули въ комнату, освѣщенную, какъ и многія изъ тѣхъ, которыя онъ видѣлъ, ярко пылающими дровами на очагѣ.

— Ну, — сказала молодая дѣвушка, толкнувъ Дика на стулъ,—сидите и ожидайте моей высочайшей воли. Я имѣю надъ вами право жизни и смерти и не задумаюсь воспользоваться моей властью. Смотрите, берегитесь; вы страшно изувѣчили мнѣ руку. Онъ не зналъ, что я дѣвушка, сказалъ онъ! Знай онъ, что я дѣвушка, онъ, навѣрно, взялся бы за поясъ!

И съ этими словами она поспѣшно вышла изъ комнаты, оставивъ Дика, пораженнаго изумленіемъ. Онъ не зналъ, видитъ ли онъ все это во снѣ, или на яву.

— Взялся бы за поясъ!—повторялъ онъ.—Взялся бы за поясъ!—И воспоминаніе о вечерѣ въ лѣсу возстало въ его памяти, и онъ снова увидѣлъ извивающуюся фигуру Мэтчема и его молящіе о пощадѣ глаза.

Тутъ онъ вспомнилъ объ угрожавшихъ ему опасностяхъ. Въ сосѣдней комнатѣ онъ услышалъ шумъ: какъ будто двигался человѣкъ; затѣмъ—странно близко—раздался вздохъ; потомъ послышался шорохъ женской одежды и звукъ шаговъ. Дикъ стоялъ, прислушиваясь; вдругъ раздался стукъ отворяемой двери, драпировка раздвинулась, и Джоанна Сэдлей съ лампой въ рукѣ вошла въ комнату.

Она была одѣта въ платье изъ дорогой матеріи темнаго цвѣта, какъ и слѣдовало въ зимнее, снѣжное время. Волосы на головѣ у нея были собраны, напоминая корону. Она, казавшаяся такой маленькой и неловкой въ одеждѣ Мэтчема, теперь была высока, какъ молодая ива, и плыла по полу, словно презирая необходимость ходить.

Она не вздрогнула, не смутилась, подняла лампу и взглянула на молодого монаха.

— Что дѣлаете вы здѣсь, добрый братъ?—спросила она.— Васъ, навѣрно, направили не туда, куда слѣдуетъ. Кого вамъ нужно?.—И она поставила лампу на подставку.

— Джоанна,—только и сказалъ Дикъ; голосъ измѣнилъ ему.—Джоанна,—снова началъ онъ,—ты говорила, что любишь меня, и я, безумецъ, повѣрилъ этому!

— Дикъ!—вскрикнула она.—Дикъ!

И къ великому удивленію юноши прекрасная молодая леди сдѣлала только одинъ шагъ, охватила его шею руками и осыпала его поцѣлуями.

— О, глупый малый!—кричала она.—О, милый Дикъ! Если бы ты могъ видѣть себя! Увы, — прибавила она, остановившись,—я испортила тебя, Дикъ! Я стерла съ тебя краску. Но это можно поправить. Вотъ чего нельзя поправить, Дикъ—я очень боюсь, что нельзя поправить—это моего замужества съ лордомъ Шорби.

— Значитъ, это рѣшено?—спросилъ Дикъ.

— Завтра, до полудня, назначена моя свадьба, Дикъ, въ церкви аббатства,—отвѣтила она.—Джонъ Мэтчемъ и Джоанна Сэдлей оба придутъ къ очень печальному концу. Отъ слезъ нѣтъ никакой пользы, не то я могла бы выплакать глаза. Я неустанно молилась, но Небо не обращаетъ вниманія на мои мольбы. И, дорогой Дикъ, добрый Дикъ, если ты не можешь увести меня изъ этого дома до утра, то мы должны поцѣловаться и проститься.

— Ну нѣтъ,—сказалъ Дикъ,—я никогда не скажу этого слова. Это похоже на отчаяніе; а пока есть жизнь, Джоанна, есть и надежда. И я буду надѣяться. Да, клянусь мессой и нашимъ будущимъ торжествомъ! Видишь, когда ты была для меня только именемъ, развѣ я не пошелъ за тобой, не собралъ удалыхъ людей, не поставилъ на карту свою жизнь? А теперь, когда я увидѣлъ тебя—прекраснѣйшую, благороднѣйшую дѣвушку во всей Англіи—неужели ты думаешь, что я покину тебя? Если бы здѣсь было глубокое море, я прошелъ бы по нему; если бы путь былъ полонъ львовъ, я разогналъ бы ихъ, какъ мышей.

— Ахъ,—сухо проговорила она, — ты подымаешь много шума изъ-за голубого платья!

— Нѣтъ, Джоанна,—возразилъ Дикъ,—дѣло не въ одномъ

платьѣ. Ты была переряжена, дорогая. Вотъ теперь я переряженъ; ну, развѣ не правда, что у меня смѣшной, прямо дурацкій, видъ?

— Да, правда, Дикъ,—улыбаясь отвѣтила Джоанна.

— Ну вотъ видишь!—торжествуя проговорилъ Дикъ.—Такъ было и съ тобой въ лѣсу, бѣдный Мэтчемъ. По-правдѣ сказать, на тебя смѣшно было смотрѣть. А теперь!

Такъ болтали они, держа другъ друга за руки, обмѣниваясь улыбками и нѣжными взглядами и обращая минуты въ секунды; они могли бы продолжать такъ всю ночь. Но вдругъ они услышали какой-то шумъ сзади себя и увидѣли маленькую молодую леди, приложившую палецъ ко рту.

— Святые угодники!—вскрикнула она.—Какой вы подымаете шумъ! Не можете вы говорить посдержаннѣе? Ну, Джоанна, моя прекрасная лѣсная дѣвушка, что ты дашь своей подругѣ за то, что она привела твоего милаго?

Вмѣсто отвѣта Джоанна подбѣжала къ ней, горячо обняла и поцѣловала ее.

— А вы, сэръ,—прибавила молодая дѣвушка,—что вы дадите мнѣ?

— Сударыня,—сказалъ Дикъ,—я охотно заплатилъ бы вамъ той же монетой.

— Ну, подходите, позволяю вамъ,—сказала дѣвушка.

Но Дикъ, покраснѣвъ, какъ піонъ, поцѣловалъ ей только руку.

— Почему я вамъ не нравлюсь, прекрасный сэръ?—спросила она, присѣдая до полу; когда Дикъ, наконецъ, очень холодно поцѣловалъ ее, она прибавила:—Джоанна, твой милый очень застѣнчивъ у тебя на глазахъ; увѣряю тебя, онъ былъ смѣлѣе при нашей первой встрѣчѣ. Я вся въ синякахъ, мой другъ; не вѣрь мнѣ никогда больше, если окажется, что я не въ синякахъ! А теперь,—продолжала она,—наговорились ли вы? Я должна скоро отправить прочь паладина.

Но оба закричали, что они еще ничего не успѣли сказать, что вечеръ еще только наступилъ, и они не хотятъ разставаться такъ рано.

— А ужинъ? — спросила молодая дѣвушка. — Вѣдь мы должны итти внизъ къ ужину.

— Конечно!—вскрикнула Джоанна.—Я совсѣмъ забыла объ этомъ.

— Такъ спрячьте меня куда-нибудь,—сказалъ Дикъ,—хоть за занавѣсъ, заприте въ ящикъ, сдѣлайте что хотите, только бы я остался здѣсь до вашего возвращенія. Помните, прекрасная леди,—прибавилъ онъ,—что мы въ отчаянномъ положеніи, и можетъ быть съ сегодняшняго вечера намъ не придется видѣть другъ друга до самой смерти.

При этихъ словахъ сердце молодой дѣвушки смягчилось; когда нѣсколько позже колоколъ созвалъ къ обѣду домашнихъ сэра Даніэля, Дикъ стоялъ неподвижно у стѣны, тамъ, гдѣ раздвинувшаяся драпировка позволяла ему дышать свободно и даже давала возможность смотрѣть въ комнату.

Недолго пробылъ онъ въ этомъ положеніи, какъ вдругъ нѣчто странное смутило его. Тишина въ этомъ верхнемъ этажѣ дома нарушалась только потрескиваніемъ огня и шипѣніемъ зеленой вѣтки въ каминѣ. Но вдругъ до напряженнаго слуха Дика долетѣлъ какой-то звукъ: кто-то шелъ съ чрезвычайной осторожностью. Вскорѣ послѣ того дверь отворилась, и человѣкъ маленькаго роста, почти карликъ, со смуглымъ лицомъ, въ ливреѣ цвѣтовъ лорда Шорби, просунулъ въ комнату сначала голову, а потомъ и все свое искривленное тѣло. Ротъ у него былъ открытъ, какъ будто для того, чтобы лучше слышать, глаза очень блестящіе, быстро и безпокойно бѣгали изъ стороны въ сторону. Онъ обошелъ комнату, ударяя то тамъ, то сямъ по драпировкѣ. Дикъ какимъ-то чудомъ избѣгнулъ его вниманія. Онъ заглянулъ подъ мебель, пристально оглядѣлъ лампу и, наконецъ, съ видомъ глубокаго разочарованія, уже собирался выйти изъ комнаты такъ же тихо, какъ вошелъ въ нее, какъ вдругъ упалъ на колѣни, поднялъ какую-то вещь съ разбросаннаго по полу тростника, посмотрѣлъ на нее и со всѣми признаками восторга спряталъ ее въ висѣвшую у пояса сумку.

Сердце у Дика упало, потому что это была кисть отъ его собственнаго пояса; ему было ясно, что карликъ-шпіонъ, съ такимъ злобнымъ удовольствіемъ занимавшійся своимъ дѣломъ, не замедлитъ отнести свою находку барону, своему господину. Его брало искушеніе откинуть занавѣсъ, напасть на негодяя и, рискуя жизнью, отнять краснорѣчивую улику. Пока онъ колебался, у него явилась новая причина безпокойства. На лѣстницѣ

раздался хриплый, пьяный голосъ, и вскорѣ затѣмъ въ коридорѣ послышались неровные, тяжелые шаги.

— «Что вамъ надо среди этихъ лѣсовъ?»—пѣлъ этотъ голосъ. — Что дѣлаете вы здѣсь? Эй! Олухи, что дѣлаете вы здѣсь?—прибавилъ онъ съ раскатомъ пьянаго хохота и снова запѣлъ:

Толстый ты другъ мой, братъ Джонъ,
Если вино будешь пить,
— Буду я ѣсть, а пить онъ,—
А кто же обѣдню служить?

Лаулессъ, увы! мертвецки пьяный разгуливалъ по дому, отыскивая уголокъ, гдѣ могъ бы проспаться послѣ усерднаго возліянія. Дикъ приходилъ въ ярость въ глубинѣ души. Шпіонъ сначала испугался, но, убѣдясь, что имѣетъ дѣло съ пьянымъ, съ быстротой, напоминавшей кошку, выскользнулъ изъ комнаты и исчезъ изъ глазъ Ричарда.

Что было дѣлать? Если онъ потеряетъ изъ виду Лаулесса, онъ безсиленъ составить какой бы то ни было планъ спасти Джоанну. Если же онъ рѣшится обратиться теперь къ пьяному бродягѣ,—шпіонъ можетъ быть вблизи и вызвать самыя роковыя послѣдствія.

Однако, Дикъ все же рѣшился на послѣдній рискъ. Выйдя изъ-за занавѣса, онъ всталъ на порогъ комнаты съ поднятой рукой. Лоулессъ багровый, съ налитыми кровью глазами подходилъ неровными шагами все ближе и ближе. Наконецъ, онъ смутно разглядѣлъ своего командира и, несмотря на грозные сигналы Дика, немедленно громко привѣтствовалъ его по имени.

Дикъ бросился на пьяницу и принялся яростно трясти его.

— Скотина!—прошипѣлъ онъ. — Скотина, а не человѣкъ! Быть такимъ безумнымъ. Да это пьянство хуже настоящей измѣны!

Но Лаулессъ только смѣялся и шатался, стараясь похлопать по спинѣ молодого Шельтона.

Какъ разъ въ это мгновеніе тонкій слухъ Дика уловилъ шорохъ за драпировкой. Онъ кинулся по направленію звука, и черезъ мгновеніе кусокъ драпировки былъ оторванъ, и Дикъ и шпіонъ барахтались въ его складкахъ. Они катались, стараясь ухватить другъ друга за горло, безмолвные въ своемъ смертельномъ бѣшенствѣ. Ткань мѣшала имъ. Но Дикъ былъ гораздо

сильнѣе, и вскорѣ шпіонъ лежалъ, поверженнымъ подъ его колѣномъ; ударъ длиннаго кинжала лишилъ его жизни.

III. Мертвый шпіонъ.

Все время бѣшеной, короткой схватки Лаулессъ безпомощно смотрѣлъ на боровшихся и даже тогда, когда Дикъ, вставъ на ноги, со страстнымъ вниманіемъ прислушивался къ отдаленному шуму въ двухъ остальныхъ этажахъ дома, старый бродяга продолжалъ качаться, словно кустъ отъ порыва вѣтра, и безсмысленно смотрѣлъ въ лицо мертвецу.

— Хорошо, что насъ не слышали,—наконецъ, проговорилъ Дикъ,—хвала святымъ! Но что я буду дѣлать съ этимъ бѣднымъ шпіономъ? По крайней мѣрѣ возьму мою кисть изъ его сумки.

Сказавъ это, Дикъ открылъ сумку; тамъ онъ нашелъ нѣсколько монетъ, свою кисть и письмо, адресованное лорду Уэнслейделю и запечатанное печатью лорда Шорби. Это имя пробудило воспоминанія Дика; онъ сейчасъ же сломалъ восковую печать и прочелъ содержаніе письма. Оно было коротко, но къ восторгу Дика, содержало явныя доказательства, что лордъ Шорби измѣннически велъ переписку съ іоркскимъ домомъ.

Молодой человѣкъ всегда носилъ съ собой рогъ съ чернилами и другія письменныя принадлежности и потому, вставъ на колѣно рядомъ съ трупомъ мертваго шпіона, могъ написать на клочкѣ бумаги слѣдующія слова:

«Милордъ Шорби, вы, написавшій письмо, знаете ли, почему умеръ вашъ слуга? Но позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, не женитесь.

Джонъ Мститель».

Онъ положилъ бумагу на грудь трупа. Тогда Лаулессъ, который смотрѣлъ на дѣйствія Дика съ нѣкоторыми проблесками возвращающагося сознанія, внезапно вынулъ изъ-подъ одежды черную стрѣлу и приколол ею письмо къ трупу. При видѣ этого неуваженія, почти жестокости, къ мертвецу, крикъ ужаса сорвался съ устъ молодого Шельтона; но старый бродяга только разсмѣялся.

— Ну, я хочу поддержать честь моего ордена,—икая, проговорилъ онъ.—Моимъ веселымъ молодцамъ должна быть отдана

эта честь, братъ.—Потомъ онъ закрылъ глаза и, открывъ ротъ, прогремѣлъ страшнымъ голосомъ:

Если вино будешь пить...

— Молчи, олухъ!—крикнулъ Дикъ и сильно толкнулъ его къ стѣнѣ.—И пойми—если можетъ что-нибудь понять человѣкъ, въ которомъ больше вина, чѣмъ ума—пойми и, именемъ Пресвятой Дѣвы Маріи, убирайся изъ этого дома; если ты останешься здѣсь, то не только ты будешь повѣшенъ, а и я! Итакъ, на ноги! Скорѣе, не то, клянусь мессой, я могу забыть, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я—твой начальникъ, а въ другомъ—должникъ! Ступай!

Ложный монахъ началъ понемногу приходить въ себя, а звукъ голоса Дика, блескъ его глазъ запечатлѣли въ его умѣ значеніе сказаннаго.

— Клянусь мессой,—крикнулъ Лаулессъ,—если я не нуженъ, то могу уйти,—и онъ, шатаясь, прошелъ по коридору и сталъ спускаться съ лѣстницы, придерживаясь стѣны.

Какъ только онъ исчезъ изъ виду, Дикъ вернулся въ свое убѣжище, рѣшивъ посмотрѣть, что произойдетъ дальше. Умъ говорилъ ему, что слѣдовало уйти, но любовь и любопытство пересилили.

Время медленно тянулось для молодого человѣка, продолжавшаго стоять за занавѣсомъ. Огонь въ комнатѣ потухалъ, лампа горѣла слабо и чадила. А между тѣмъ все еще не было разговора о возвращеніи кого-либо изъ обитателей верхнихъ этажей дома; снизу все еще доносился слабый шумъ и болтовня ужинавшихъ; а городъ Шорби съ обѣихъ сторонъ дома попрежнему лежалъ безмолвно подъ густо падавшимъ снѣгомъ.

Наконецъ, къ лѣстницѣ стали приближаться шаги, послышались голоса; нѣкоторые изъ гостей сэра Даніэля вошли на площадку и, повернувъ въ коридоръ, увидѣли разорванную драпировку и трупъ шпіона.

Кто бросился впередъ, кто назадъ; поднялся громкій крикъ.

Услыхавъ этотъ крикъ, гости, солдаты, дамы, слуги, однимъ словомъ, всѣ обитатели большого дома, стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ, присоединяя свои голоса къ общему смятенію.

Скоро толпа раздалась, пропустивъ самого сэра Даніэля, явившагося въ сопровожденіи завтрашняго жениха, милорда Шорби.

— Милордъ,—сказалъ сэръ Даніэль, — не говорилъ ли я вамъ объ этой подлой «Черной Стрѣлѣ?» Вотъ вамъ и доказательство! Вотъ она торчитъ тутъ и, клянусь распятіемъ, кумъ, на груди человѣка, который носилъ ваши цвѣта или укралъ ихъ!

— Это, дѣйствительно, мой слуга,—отвѣтилъ лордъ Шорби, отшатываясь.—Желалъ бы я, чтобы у меня было побольше такихъ слугъ. Онъ былъ ловокъ, какъ гончая, и скрытенъ, какъ кротъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кумъ?—спросилъ рѣзко сэръ Даніэль.— А что онъ приходилъ вынюхивать такъ высоко въ моемъ бѣдномъ домѣ? Но больше онъ уже не станетъ нюхать.

— Потрудитесь посмотрѣть, сэръ Даніэль,—сказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ,—тутъ у него на груди приколота бумага, на которой написано что-то.

— Дайте мнѣ стрѣлу и все остальное, — сказалъ рыцарь. Взявъ въ руки стрѣлу, онъ нѣсколько времени разсматривалъ въ угрюмомъ молчаніи.

— Да,—сказалъ онъ, обращаясь къ лорду Шорби,—эта ненависть преслѣдуетъ меня по пятамъ. Эта черная палочка—или схожая съ ней—погубитъ меня. И вотъ что, кумъ, позвольте простому рыцарю дать вамъ совѣтъ: если эти псы станутъ преслѣдовать васъ—бѣгите! Это, словно болѣзнь—она можетъ настигнуть каждаго изъ насъ. Но посмотримъ, что они написали. То, что я и думалъ, милордъ; вы отмѣчены, какъ старый дубъ лѣсничимъ; сѣкира упадетъ завтра или послѣзавтра. Но что вы написали въ томъ письмѣ?

Лордъ Шорби снялъ бумагу со стрѣлой, прочелъ ее, смялъ въ рукахъ и, подавивъ отвращеніе, которое прежде удерживало его, бросился на колѣни передъ трупомъ и сталъ поспѣшно рыться въ сумкѣ.

Онъ всталъ на ноги съ нѣсколько разстроеннымъ видомъ.

— Кумъ,—сказалъ онъ,—я дѣйствительно потерялъ очень важное письмо, и если бы могъ захватить негодяя, который взялъ его, онъ немедленно украсилъ бы собой висѣлицу. Но прежде всего обезопасимъ выходы. И то уже надѣлано много бѣдъ, клянусь святымъ Георгіемъ!

Часовые были разставлены вокругъ дома и сада на близкомъ разстояніи другъ отъ друга; на каждой площадкѣ лѣстницы

стояло также по часовому; цѣлый отрядъ ихъ находился у главнаго входа, другой—вокругъ костра въ сараѣ. Слуги сэра Даніэля получили подкрѣпленіе въ лицѣ слугъ лорда Шорби; такимъ образомъ не было недостатка ни въ людяхъ, ни въ оружіи для защиты дома, или для поимки непріятеля, если бы онъ скрывался вблизи.

Между тѣмъ трупъ шпіона вынесли подъ продолжавшимъ падать снѣгомъ, и положили его въ церкви аббатства.

Только тогда, когда всѣ мѣры предосторожности были приняты, и наступила вновь тишина, дѣвушки вызвали Ричарда Шельтона изъ его тайника и подробно разсказали ему все случившееся. Съ своей стороны онъ разсказалъ о посѣщеніи шпіона, его опасномъ открытіи и быстромъ концѣ.

Джоанна въ изнеможеніи прислонилась къ обитой ткаными обоями стѣнѣ.

— Это ничему не поможетъ,—сказала она,—я все же буду обвѣнчана завтра утромъ.

— Какъ!—вскрикнула ея подруга.—Вѣдь вотъ нашъ паладинъ, который разгоняетъ львовъ, какъ мышей! Мало же у тебя вѣры, право. Ну, другъ-укротитель львовъ, утѣшьте же насъ; заговорите и дайте намъ услышать смѣлый совѣтъ.

Дикъ смутился, когда ему кинули въ лицо его преувеличенныя выраженія; хотя онъ и покраснѣлъ, но все же заговорилъ смѣло.

— Правда, мы въ затруднительномъ положеніи,—сказалъ онъ,—но если бы мнѣ удалось выбраться изъ этого дома на полчаса, я, поистинѣ скажу, все еще могло бы быть хорошо; и свадьба не состоялась бы.

— А что касается львовъ,—передразнила его молодая дѣвушка,—то они будутъ изгнаны.

— Прошу извиненія,—сказалъ Дикъ,—я говорю вовсе не хвастаясь, а прося помощи, или совѣта; потому что, если мнѣ не удастся пробраться изъ дома незамѣченнымъ часовыми, то я не могу ничего сдѣлать. Пожалуйста, поймите меня правильно.

— Съ чего это ты заговорила, что онъ неотесанъ, Джоанна?—освѣдомилась молодая дѣвушка. — Я утверждаю, что рѣчь его всегда находчива, нѣжна или смѣла, смотря по его желанію... Чего тебѣ еще?

— Да,—со вздохомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ улыбкой прого-

ворила Джоанна,—правда; моего друга Дика подмѣнили. Когда я видѣла его, онъ былъ, дѣйствительно, грубъ. Но это ничего не значитъ; надежды на перемѣну моей горькой участи все же нѣтъ, и я должна стать леди Шорби.

— Ну,—сказалъ Дикъ,—я попробую рискнуть. На монаха мало обращаютъ вниманія, и если я могъ найти добрую фею, которая привела меня наверхъ, то могу найти и другую, которая сведетъ меня внизъ. Какъ имя этого шпіона?

— Реттеръ,—отвѣтила молодая дѣвушка,—но что вы хотите сказать, укротитель львовъ? Что вы думаете сдѣлать?

— Попробовать смѣло выйти изъ дома,—отвѣтилъ Дикъ,— и если меня остановятъ, не терять присутствія духа и сказать, что иду молиться за Реттера.

— Выдумка не изъ хитрыхъ,—замѣтила дѣвушка,—но можетъ быть удастся.

— Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ главное дѣло не въ выдумкѣ, а въ смѣлости,—сказалъ молодой Шельтонъ.

— Вы говорите правду,—сказала она,—ну идите, и да поможетъ вамъ Небо! Вы оставляете здѣсь бѣдную дѣвушку, которая любитъ васъ всей душой, и другую, которая искренній другъ вашъ. Будьте благоразумны ради нихъ и не подвергайте себя опасности.

— Да,—прибавила Джоанна,—иди, Дикъ. Опасность одинаково велика, останешься ли ты здѣсь, или уйдешь. Иди; ты уносишь съ собой мое сердце; да сохранятъ тебя святые!

Дикъ прошелъ мимо перваго часового съ такимъ увѣреннымъ видомъ, что тотъ только потоптался на мѣстѣ и пристально взглянулъ на него; но на второй площадкѣ часовой преградилъ ему путь копьемъ и спросилъ его, зачѣмъ онъ идетъ.

— Pax vobiscum,—отвѣтилъ Дикъ, — я иду помолиться надъ трупомъ бѣднаго Реттера.

— Можетъ быть,—сказалъ часовой,—но одному итти не позволяется.—Онъ нагнулся надъ дубовыми перилами и пронзительно свистнулъ:—идутъ!—крикнулъ онъ и затѣмъ сдѣлалъ знакъ Дику, чтобы онъ шелъ дальше.

Внизу лѣстницы его ожидала стража; когда онъ снова повторилъ свой разсказъ, начальникъ отряда велѣлъ четыремъ солдатамъ проводить его до церкви.

— Не упустите его, молодцы,—сказалъ онъ,—отведите его къ сэру Оливеру. Вы отвѣчаете за него своей жизнью.

Дверь открылась; двое людей взяли Дика съ обѣихъ сторонъ за руку; одинъ изъ воиновъ шелъ впереди съ факеломъ въ рукѣ; четвертый замыкалъ шествіе съ натянутымъ лукомъ и со стрѣлой наготовѣ. Въ такомъ порядкѣ они прошли по саду въ глубокой ночной тьмѣ при падающемъ снѣгѣ и подошли къ слабо освѣщеннымъ окнамъ церкви аббатства.

У западнаго портала стоялъ пикетъ стрѣлковъ, старавшихся укрыться въ углубленіяхъ дверей съ арками и осыпанныхъ снѣгомъ. Только тогда, когда проводники Дика обмѣнялись съ ними паролемъ и лозунгомъ, имъ позволено было войти въ главный придѣлъ церковнаго зданія.

Церковь освѣщалась слабымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ на алтарѣ, и нѣсколькими лампадами, спускавшимися со сводчатаго потолка надъ частными капеллами знаменитыхъ фамилій. Мертвый шпіонъ, съ благоговѣйно сложенными руками, лежалъ на катафалкѣ.

Подъ арками раздавался торопливый шопотъ молитвъ; на скамьяхъ на клиросѣ стояли на колѣняхъ фигуры, укутанныя капюшонами, а на ступеняхъ высокаго алтаря священникъ въ полномъ облаченіи служилъ обѣдню.

Когда Дикъ и сопровождавшіе его вошли въ церковь, одна изъ закутанныхъ фигуръ встала и, спустившись со ступеней, которыя вели на клиросъ, спросила шедшаго впереди воина, какое дѣло привело его въ церковь. Изъ уваженія къ службѣ и къ покойнику оба говорили сдержаннымъ тономъ; но эхо громаднаго, пустого зданія подхватывало ихъ слова и глухо повторяло ихъ вдоль боковыхъ придѣловъ храма.

— Монахъ!—сказалъ сэръ Оливеръ (это былъ онъ), выслушавъ разсказъ стрѣлка.—Братъ мой, я не ожидалъ вашего прихода,—сказалъ онъ, оборачиваясь къ молодому Шельтону,—скажите, пожалуйста, кто вы? И по чьей просьбѣ присоединяете свои молитвы къ нашимъ?

Дикъ, не снимая капюшона, сдѣлалъ сэру Оливеру знакъ отойти немного отъ стрѣлковъ: какъ только священникъ исполнилъ его просьбу, онъ сказалъ:—Я не надѣюсь обмануть васъ, сэръ. Моя жизнь въ вашихъ рукахъ.

Сэръ Оливеръ сильно вздрогнулъ; его толстыя щеки поблѣднѣли; онъ молчалъ нѣсколько времени.

— Ричардъ,—сказалъ онъ,—я не знаю, что привело васъ сюда, но—сильно опасаюсь—что-нибудь дурное. Но въ память прошлаго я не хочу добровольно повредить вамъ. Вы просидите рядомъ со мной въ церкви на скамьѣ всю ночь: вы будете сидѣть тамъ, пока лордъ Шорби не будетъ обвѣнчанъ, и всѣ не вернутся благополучно по домамъ. И если все сойдетъ хорошо, и вы не задумали ничего дурного, въ концѣ концовъ вы можете итти, куда желаете. Но если вы пришли съ кровавыми намѣреніями, то это падетъ на вашу голову. Аминь!

И священникъ набожно перекрестился, повернулся и пошелъ къ алтарю.

Онъ сказалъ нѣсколько словъ солдатамъ и, взявъ Дика за руку, провелъ его на клиросъ и посадилъ его на скамью рядомъ съ собой. Изъ приличія юноша сейчасъ же опустился на колѣни и, повидимому, погрузился въ молитву.

Но умъ его и глаза блуждали. Онъ замѣтилъ, что трое изъ приведшихъ его солдатъ, вмѣсто того, чтобы вернуться въ домъ, спокойно усѣлись въ одномъ изъ придѣловъ; онъ не сомнѣвался, что они сдѣлали это по приказанію сэра Оливера. Итакъ, онъ попалъ въ западню. Онъ долженъ провести ночь въ призрачномъ мерцаніи и тьмѣ церкви, смотря на блѣдное лицо убитаго имъ человѣка; а утромъ онъ увидитъ, какъ его возлюбленную обвѣнчаютъ на его глазахъ съ другимъ.

Однако, ему удалось овладѣть собой и заставить себя терпѣливо ожидать исхода.

IV. Въ церкви аббатства.

Въ церкви шорбійскаго аббатства молитвы не прекращались всю ночь; иногда пѣлись псалмы, иногда раздавался звукъ колокола.

У тѣла шпіона Реттера бодрствовали усердно. Самъ онъ лежалъ, какъ его положили, съ мертвыми руками, скрещенными на груди, съ мертвыми глазами, устремленными вверхъ на крышу; а совсѣмъ близко на скамьѣ юноша, убившій его, ожидалъ въ тяжкой тревогѣ наступленія утра.

Только разъ въ продолженіе этихъ долгихъ часовъ сэръ Оливеръ нагнулся къ своему плѣннику.

— Ричардъ,—шепнулъ онъ,—сынъ мой, если вы злоумышляете противъ меня, то я удостовѣряю, что вы имѣете въ виду невиннаго человѣка. Я признаю себя грѣшнымъ въ глазахъ Неба! Но я невиновенъ въ отношеніи васъ и никогда не былъ виновенъ.

— Отецъ мой,—такъ же тихо возразилъ Дикъ,—повѣрьте мнѣ, я не умышляю никакого зла; но что касается вашей невиновности, то я не могу забыть, что вы оправдывались плохо.

— Человѣкъ можетъ быть виновенъ неумышленно,—отвѣтилъ священникъ,—ему можетъ быть дано порученіе, которое онъ исполняетъ слѣпо, не подозрѣвая его настоящаго значенія. Такъ было со мной. Я заманилъ вашего отца въ западню; но—небо видитъ насъ въ этомъ священномъ мѣстѣ!—я не зналъ, что дѣлалъ.

— Можетъ быть,—сказалъ Дикъ,—но посмотрите, какую странную паутину сплели вы въ этотъ часъ: я въ одно и то же время вашъ плѣнникъ и вашъ судья; вы угрожаете моей жизни и стараетесь смягчить мой гнѣвъ. Мнѣ кажется, что если бы вы всю свою жизнь были правдивымъ человѣкомъ и хорошимъ священникомъ, вы не боялись бы и не ненавидѣли бы меня такъ сильно. А теперь займитесь вашими молитвами. Я повинуюсь вамъ, такъ какъ это необходимо; но не желаю обременять себя вашимъ обществомъ.

Священникъ испустилъ такой тяжелый вздохъ, что почти возбудилъ жалость въ сердцѣ юноши, и опустилъ голову на руки, какъ человѣкъ, удрученный заботой. Онъ больше не принималъ участія въ пѣніи псалмовъ. Дикъ слышалъ, какъ стучали четки въ его рукахъ, и какъ молитвы вылетали изъ-за сжатыхъ зубовъ.

Прошло еще немного времени, и сѣрый разсвѣтъ началъ пробиваться сквозь расписанныя окна церкви. Свѣтъ все усиливался, становился ярче, и, наконецъ, розовый свѣтъ солнца, проникнувъ черезъ окна на юговосточной сторонѣ, заигралъ на стѣнахъ. Буря прошла; большія облака, извергнувъ снѣгъ, полетѣли дальше, и новый день восходилъ надъ веселымъ зимнимъ пейзажемъ, покрытымъ бѣлымъ снѣгомъ

Церковнослужителя засуетились; катафалкъ отнесли въ риз-

ницу; кровавыя пятна на плитахъ вымыли, чтобы такое зловѣщее зрѣлище не оскверняло свадьбы лорда Шорби. Въ то же время и духовныя лица, занимавшіяся ночью печальнымъ дѣломъ, начали принимать утренній видъ, чтобы оказать честь предстоявшей, болѣе веселой, церемоніи. И какъ бы для того, чтобы еще болѣе подчеркнуть наступленіе утра, набожные городскіе жители начали собираться въ церкви, падая ницъ передъ алтарями, или дожидаясь своей очереди передъ исповѣдальнями.

Въ этой суматохѣ легко было бы обмануть бдительность стражи сэра Даніэля; Дикъ, устало оглядывавшійся вокругъ, встрѣтился взглядомъ съ Уиллемъ Лаулессомъ, все еще одѣтымъ монахомъ.

Въ то же мгновеніе бродяга узналъ своего предводителя и сдѣлалъ ему украдкой знакъ рукой и глазами.

Дикъ далеко не простилъ старому плуту его несвоевременное пьянство, но ему все же не хотѣлось заставить его раздѣлить свое тяжелое положеніе, и онъ далъ ему ясно понять, чтобы онъ ушелъ прочь.

Лаулессъ, какъ будто понявъ его, сразу исчезъ за одной изъ колоннъ, и Дикъ облегченно вздохнулъ.

Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его за рукавъ, и увидѣлъ стараго разбойника, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ и, повидимому, погруженнаго въ молитву!

Какъ разъ въ это мгновеніе сэръ Оливеръ всталъ со своего мѣста и, проскользнувъ между скамьями, направился къ солдатамъ въ боковомъ придѣлѣ храма. Если такъ легко возбудить его подозрѣніе, то зло уже сдѣлано, и Лаулессъ уже плѣнникъ.

— Не двигайся,—шепнулъ Дикъ.—Мы въ отчаянномъ положеніи, благодаря, главнымъ образомъ, твоему вчерашнему свинству. Когда ты увидѣлъ меня сидящимъ тутъ, на что я не имѣю ни права, ни охоты, какъ ты—чортъ возьми!—не почуялъ бѣды и не ушелъ отъ зла?

— Ну,—сказалъ Лаулессъ,—я думалъ, что вы получили извѣстія отъ Эллиса и сидите здѣсь по долгу службы.

— Эллисъ!—повторилъ Дикъ.—Развѣ Эллисъ вернулся?

— Конечно,—отвѣтилъ бродяга.—Онъ вернулся прошлой ночью и здорово отколотилъ меня за то, что я былъ пьянъ—такъ что вы отомщены, мастеръ. Бѣшеный человѣкъ этотъ Эллисъ

Декуорсъ! Онъ прискакалъ сломя голову изъ Кревена, чтобы помѣшать этой свадьбѣ, а вы его знаете, мастеръ Дикъ—ужъ онъ сдѣлаетъ это!

— Ну, мой бѣдный братъ,—спокойно проговорилъ Дикъ,—мы съ вами все равно, что мертвые; я сижу здѣсь плѣнникомъ подъ подозрѣніемъ и долженъ отвѣчать моей головой за ту свадьбу, которую Эллисъ собирается разстроить. Клянусь распятіемъ, славный мнѣ предоставили выборъ! Потерять возлюбленную, или жизнь. Ну, жребій брошенъ—потеряю жизнь.

— Клянусь мессой, — вскрикнулъ, приподнимаясь, Лаулессъ,—я уйду!

Но Дикъ положилъ ему руку на плечо.

— Сиди смирно, другъ Лаулессъ,—сказалъ онъ.—И если у тебя есть глаза, взгляни въ уголъ у арки, гдѣ алтарь; развѣ ты не видишь, что при малѣйшемъ твоемъ движеніи эти вооруженные люди встанутъ, готовые схватить тебя? Покорись, другъ. Ты былъ храбръ на рулѣ, когда думалъ умереть въ морѣ; будь смѣлъ и теперь, когда придется умереть на висѣлицѣ.

— Мастеръ Дикъ,—задыхаясь, проговорилъ Лаулессъ,—это нахлынуло на меня такъ внезапно. Дайте мнѣ минутку передохнуть; и, клянусь мессой, что буду такъ же смѣлъ, какъ вы.

— Вотъ онъ, мой смѣлый малый!—сказалъ Дикъ.—А все же, Лаулессъ, мнѣ страшно не хочется умирать; но къ чему хныкать, когда хныканье ничего не измѣнитъ?

— Да, въ самомъ дѣлѣ!—согласился Лаулессъ.—И въ худшемъ случаѣ, что такое смерть! Раньше, или позже, все равно она придетъ, мастеръ. А быть повѣшеннымъ изъ-за хорошаго дѣла, говорятъ, легкая смерть, хотя я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь возвращался, чтобы разсказать это.

Съ этими словами смѣлый старый плутъ откинулся назадъ, сложилъ руки и сталъ оглядываться вокругъ съ самымъ нахальнымъ и беззаботнымъ видомъ.

— Тебѣ лучше всего сидѣть спокойно,—прибавилъ Дикъ.—Мы, вѣдь, не знаемъ, что задумалъ Декуорсъ; когда все будетъ кончено, и если случится самое дурное, мы все же можемъ убраться по добру по здорову.

Когда они перестали разговаривать, то услышали отдаленные, тихіе звуки веселой музыки, постепенно приближавшіеся и ставившіеся все громче и веселѣе. Колокола на колокольнѣ

громко зазвонили; церковь наполнялась все большимъ и большимъ количествомъ людей. Они входили, отряхивая снѣгъ съ ногъ, похлопывая руками и дуя на нихъ, чтобы согрѣть. Западная дверь широко распахнулась; изъ нея виднѣлась освѣщенная солнцемъ, покрытая снѣгомъ улица; въ то же время въ церковь ворвался сильный порывъ холоднаго утренняго вѣтра. Вообще, по всему было ясно видно, что лордъ Шорби желаетъ жениться очень рано утромъ, и что свадебная процессія приближается.

Нѣсколько слугъ лорда Шорби стали очищать проходъ въ среднемъ придѣлѣ, отодвигая народъ копьями. И въ то же мгновеніе съ наружной стороны портала показались музыканты, приближавшіеся по мерзлому снѣгу, флейтисты и трубачи съ побагровѣвшими отъ усердія лицами, барабанщики и цимбалисты, старавшіеся изо всѣхъ силъ.

Подойдя къ дверямъ священнаго зданія, музыканты выстроились въ два ряда и стали на снѣгу, топая ногами въ тактъ своей оглушительной музыкѣ. Когда они раздвинулись, за ними и посреди нихъ показались участники пышной свадебной процессіи. Разнообразіе и яркость одеждъ, изобиліе шелка и бархата, мѣховъ и атласа, вышивокъ и кружевъ было такъ велико, что процессія выдѣлялась на снѣгу, словно клумба цвѣтовъ на дорожкѣ, или расписанное окно въ стѣнѣ.

Впереди шла невѣста—печальное зрѣлище!—Блѣдная, какъ зима, она опиралась на руку сэра Даніэля; ее сопровождала молодая лэди маленькаго роста, оказавшая накапунѣ дружескую услугу Дику. Сейчасъ же за ними, въ самомъ яркомъ туалетѣ, шелъ женихъ, прихрамывая на больную подагрой ногу; когда онъ, войдя на порогъ церковнаго зданія, снялъ шляпу, видно было, что его лысая голова порозовѣла отъ волненія.

Наступилъ часъ Эллиса Декуорса.

Дикъ, сидѣвшій, ухватясь за скамью передъ нимъ, въ борьбѣ различныхъ ощущеній, замѣтилъ вдругъ движеніе въ толпѣ, увидѣлъ подавшихся назадъ людей, поднятые глаза и руки. Взглянувъ по направленію этихъ взоровъ, онъ увидѣлъ на хорахъ трехъ или четырехъ людей съ натянутыми луками. Въ то же мгновеніе они выпустили свои стрѣлы, и прежде чѣмъ шумъ и крики удивленной черни успѣли дойти до слуха многихъ изъ присутствовавшихъ, они спрыгнули съ своего мѣста на хорахъ и исчезли.

Церковь наполнилась громкими криками перепуганныхъ людей; духовныя лица, вскочивъ со своихъ мѣстъ, толпились въ ужасѣ; музыка прекратилась, и хотя колокола продолжали еще звонить въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, но, вѣроятно, вѣсть о несчастіи достигла, наконецъ, и до помѣщенія, гдѣ звонари качались на своихъ веревкахъ, и они прекратили свой веселый трудъ.

Посрединѣ церкви лежалъ женихъ, сраженный на-смерть двумя черными стрѣлами. Невѣста упала въ обморокъ. Сэръ Даніэлъ, пораженный и разгнѣванный, стоялъ, возвышаясь надъ толпой; большая стрѣла трепетала въ его лѣвой рукѣ; по лицу струилась кровь отъ царапины на лбу, причиненной другой стрѣлой.

Прежде, чѣмъ начали поиски, виновники трагическаго перерыва спустились по винтовой лѣстницѣ и ушли черезъ потаенную дверь.

Дикъ и Лаулессъ все еще оставались заложниками. При первой тревогѣ они встали со своихъ мѣстъ и храбро попробовали пройти къ дверямъ; но попытка ихъ оказалась тщетной, благодаря тѣснотѣ между скамьями и толкотнѣ испуганныхъ священниковъ и пѣвчихъ, и они стоически остались на своихъ мѣстахъ.

Сэръ Оливеръ, блѣдный отъ ужаса, поднялся на ноги и, указывая рукой на Дика, позвалъ сэра Даніэля.

— Вотъ,—кричалъ онъ,—Ричардъ Шельтонъ!.. Увы, ужасный часъ! Онъ виновенъ въ кровопролитіи! Схватите его! Велите схватить его! Ради спасенія жизни насъ всѣхъ, возьмите его и свяжите покрѣпче! Онъ поклялся въ нашей гибели!

Сэръ Даніэль былъ ослѣпленъ гнѣвомъ, ослѣпленъ горячей кровью, продолжавшей струиться по его лицу.

— Гдѣ онъ?—грозно прокричалъ онъ.—Тащите его сюда! Клянусь холивудскимъ крестомъ, онъ проклянетъ этотъ часъ!

Толпа отхлынула, и отрядъ стрѣлковъ вошелъ на клиросъ. Грубыя руки схватили Дика, стащили его со скамьи и спихнули съ лѣстницы алтаря. Лаулессъ сидѣлъ смирно притаясь, словно мышь.

Сэръ Даніэль, отирая кровь, мигая смотрѣлъ на своего плѣнника.

— А,—сказалъ онъ,—я крѣпко держу тебя, дерзкаго измѣнника! Клянусь всѣми самыми страшными клятвами, что за каж-

дую каплю крови, попадающую мнѣ въ глаза, ты заплатишь стономъ отъ мученій твоего тѣла. Взять его!—крикнулъ онъ.—

Посреди церкви лежалъ женихъ, сраженный двумя стрѣлами.

Здѣсь не мѣсто! Отвести его ко мнѣ въ домъ! Я отмѣчу пыткой каждый мускулъ его тѣла!

Но Дикъ отстранилъ схватившихъ его солдатъ и возвысилъ голосъ.

— Здѣсь святое мѣсто!—крикнулъ онъ.—Убѣжище! Эй, отцы мои! Меня хотятъ вытащить изъ церкви!

— Изъ церкви, которую ты осквернилъ убійствомъ, мальчикъ,—замѣтилъ высокій, великолѣпно одѣтый человѣкъ.

— Гдѣ доказательства? — продолжалъ кричать Дикъ.— Меня, правда, обвиняютъ въ соучастіи, но не приводятъ ни одного доказательства. Я, дѣйствительно, желалъ получить руку этой молодой дѣвицы; и она, осмѣлюсь сказать, благосклонно относилась къ моему сватовству. Но что изъ этого? Я полагаю, любить дѣвушку—не оскорбленіе; не оскорбленіе и добиться ея любви. Во всемъ остальномъ я совершенно невиновенъ.

Шопотъ одобренія пробѣжалъ между присутствующими: такъ смѣло Дикъ защищалъ свою невинность. Но въ то же время явилась цѣлая толпа обвинителей. Они кричали, разсказывая, какъ Дика нашли въ прошлую ночь въ домѣ сэра Даніэля, кощунственно переодѣтымъ. Среди этого смѣшенія языковъ сэръ Оливеръ, словами и жестами, указалъ на Лаулесса, какъ на сообщника. Его, въ свою очередь, стащили съ мѣста и поставили рядомъ съ Шельтономъ. Толпа разгорячилась и раздѣлилась на двѣ партіи; одни оттаскивали плѣнниковъ, чтобы помочь имъ бѣжать, другіе проклинали ихъ и ударяли кулаками. У Дика шумѣло въ ушахъ, голова его кружилась, какъ у человѣка, борющагося съ бѣшенымъ теченіемъ рѣки.

Высокій человѣкъ, отвѣтившій раньше Дика, возвысилъ свой голосъ такъ сильно, что ему удалось водворить молчаніе и спокойствіе среди толпы.

— Обыщите ихъ,—сказалъ онъ.—Нѣтъ ли у нихъ оружія. Тогда мы можемъ судить о ихъ намѣреніяхъ.

У Дика нашли только кинжалъ; это говорило въ его пользу, но одинъ изъ присутствующихъ услужливо вынулъ его изъ ноженъ и увидѣлъ, что онъ еще не очищенъ отъ крови Реттера. Приверженцы сэра Даніэля громко закричали при этомъ открытіи, но высокій человѣкъ заставилъ ихъ замолчать жестомъ руки и повелительнымъ взглядомъ. Когда же дошла очередь до Лаулесса у него подъ одеждой нашли пукъ стрѣлъ, тожественныхъ съ тѣми, которыми былъ пронзенъ лордъ Шорби и раненъ сэръ Даніэль.

— Что вы теперь скажете?—спросилъ Дика, нахмурясь, высокій человѣкъ.

— Сэръ,—отвѣтилъ Дикъ,—здѣсь, въ церкви, я въ безопасности, не правда ли? Такъ вотъ что я скажу вамъ: по вашей осанкѣ я вижу, что вы занимаете высокое положеніе, и въ вашемъ лицѣ я читаю отпечатки благочестія и справедливости. Поэтому я охотно отдамъ себя вамъ въ плѣнники, не воспользовавшись преимуществами этого святого мѣста. Но если бы меня отдали во власть этого человѣка, котораго я громко обвиняю въ убійствѣ моего родного отца и въ несправедливомъ удержаніи моихъ помѣстій и доходовъ, если бы это случилось, то умоляю васъ, умертвите меня на этомъ мѣстѣ вашей благородной рукой. Вы слышали своими собственными ушами, какъ онъ угрожалъ мнѣ мученіями раньше, чѣмъ я былъ признанъ виновнымъ. Несогласно съ вашей честью выдать меня моему заклятому врагу и давнишнему притѣснителю; судите меня по закону и, если я окажусь виновнымъ, убейте, но не забывая милосердія.

— Милордъ,—вскрикнулъ сэръ Даніэль,—неужели вы станете слушать этого волка? Его окровавленный кинжалъ уличаетъ его во лжи.

— Позвольте вамъ замѣтить, добрый рыцарь,—сказалъ высокій незнакомецъ,—что ваша горячность нѣсколько говоритъ противъ васъ.

Тутъ невѣста, которая пришла въ себя нѣсколько минутъ тому назадъ и дико смотрѣла на эту сцену, вырвалась изъ рукъ державшихъ ее людей и бросилась на колѣни передъ незнакомцемъ.

— Милордъ Райзингемъ,—сказала она,—выслушайте меня изъ чувства справедливости. Я здѣсь во власти этого человѣка, насильно вырвавшаго меня изъ рукъ моихъ близкихъ. Съ того дня я не видѣла ни сожалѣнія, ни поддержки, ни утѣшенія ни отъ одного человѣка, кромѣ его—Ричарда Шельтона—котораго теперь стараются обвинить и погубить. Милордъ, если онъ былъ вчера ночью въ домѣ сэра Даніэля—то это произошло по моей просьбѣ; онъ пришелъ безъ всякихъ дурныхъ намѣреній. Пока сэръ Даніэль былъ добръ къ нему, онъ честно бился съ членами шайки «Черной Стрѣлы»; но когда безчестный опекунъ сталъ покушаться на его жизнь, и ему пришлось бѣжать ночью, ради спасенія души, изъ кроваваго дома—куда было дѣваться ему, безпомощному, не имѣвшему никакихъ средствъ? Если онъ попалъ въ дурное общество—кого слѣдуетъ порицать, юношу ли,

съ которымъ поступили несправедливо, или опекуна, нарушившаго свой долгъ?

Тутъ маленькая, молодая леди упала на колѣни рядомъ съ Джоанной.

— А я, мой добрый господинъ и родной дядя,—сказала она,—могу быть свидѣтельницей по совѣсти и передъ лицомъ всѣхъ, что эта дѣвушка говоритъ правду. Я, недостойная, провела къ ней этого молодого человѣка.

Гарфъ Райзингемъ слушалъ молча и продолжалъ молчать нѣсколько времени послѣ того, какъ замолкли голоса молодыхъ дѣвушекъ. Потомъ онъ подалъ руку Джоаннѣ, чтобы помочь ей подняться; слѣдуетъ замѣтить, что онъ не оказалъ этой любезности той, которая назвалась его племянницей.

— Сэръ Даніэль,—сказалъ онъ,—это чрезвычайно запутанное дѣло; съ вашего позволенія я займусь имъ и разсмотрю его. Итакъ, успокойтесь; ваше дѣло въ заботливыхъ рукахъ; вамъ будетъ оказана справедливость; а пока отправляйтесь немедленно домой и полѣчите ваши раны. Воздухъ холодный, и я не желалъ бы, чтобы вы прибавили простуду къ этимъ царапинамъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой; услужливые слуги, сторожившіе малѣйшій его жестъ, передали этотъ знакъ дальше. Немедленно, за стѣнами церкви, раздался пронзительный звукъ трубъ, и черезъ открытый порталъ стрѣлки и солдаты, одѣтые въ одежду цвѣтовъ графа Райзингема и со значками его, вошли въ церковь, взяли Дика и Лаулесса изъ рукъ державшихъ ихъ людей и, сомкнувъ ряды вокругъ плѣнниковъ, вышли изъ церкви и исчезли изъ вида.

Когда они проходили, Джоанна протянула обѣ руки къ Дику и крикнула: «Прощай!», а подруга невѣсты, нисколько не смущенная очевиднымъ неудовольствіемъ своего дяди, послала Дику поцѣлуй со словами:—Мужайтесь, укротитель львовъ!—вызвавшими на лицахъ первую улыбку толпы за все время этого приключенія.

V. Графъ Райзингемъ.

Графъ Райзингемъ, хотя самое важное лицо въ Шорби въ то время, жилъ въ бѣдномъ домѣ одного частнаго дворянина на окраинѣ города. Только вооруженные люди у дверей и постоянно

пріѣзжавшіе и уѣзжавшіе гонцы показывали, что здѣсь находится временная резиденція знатнаго лорда.

Благодаря недостатку мѣста Дика и Лаулесса заперли въ одной комнатѣ.

— Хорошо вы говорили, мастеръ Ричардъ, превосходно говорили, и я, съ своей стороны, искренне благодарю васъ. Здѣсь мы въ хорошихъ рукахъ; насъ будутъ судить справедливо и вечеркомъ прилично повѣсятъ на одномъ и томъ же деревѣ.

— Да я то же думаю, мой бѣдный другъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— Но у насъ есть еще одинъ выходъ, — возразилъ Лаулессъ.—Эллисъ Декуорсъ — человѣкъ, какихъ найдется развѣ одинъ изъ десяти; онъ очень любитъ васъ и ради васъ самихъ и ради вашего отца; зная, что вы невиновны, онъ подыметъ небо и землю, чтобы выручить васъ.

— Не можетъ этого быть,—сказалъ Дикъ.—Ну, что онъ сдѣлаетъ? У него лишь горсточка людей. Увы! Если бы это было завтра—если бы я могъ попасть на свиданіе за часъ до полудня—все, я думаю, было бы иначе. А теперь нѣтъ помощи.

— Ну,—сказалъ въ заключеніе Лаулессъ,—если вы будете отстаивать мою невиновность, то и я буду рѣшительно стоять за вашу. Это нисколько не поможетъ намъ, но если я буду повѣшенъ, то ужъ не изъ-за недостатка клятвъ.

Дикъ погрузился въ размышленія, а старый плутъ свернулся въ уголку, надвинулъ на лицо свой монашескій капюшонъ и приготовился уснуть. Вскорѣ онъ уже громко храпѣлъ—долгая тяжелая жизнь, полная приключеній, притупила въ немъ чувства страха и тревоги.

Полдень уже давно прошелъ, и наступили сумерки, когда дверь въ комнату открылась, и Дика вывели и повели наверхъ въ кабинетъ, гдѣ графъ Райзингемъ въ раздумьи сидѣлъ у камина.

При входѣ плѣнника онъ поднялъ голову.

— Сэръ,—сказалъ онъ,—я зналъ вашего отца; онъ былъ честный человѣкъ, и это располагаетъ меня быть снисходительнымъ къ вамъ; но не могу скрыть, что на васъ тяготѣютъ тяжкія обвиненія. Вы водитесь съ убійцами и разбойниками; по точно наведеннымъ справкамъ вы сражались противъ короля; васъ подозрѣваютъ въ разбойническомъ похищеніи судна; васъ нашли скрывающимся переодѣтымъ въ домѣ вашего врага; въ тотъ самый вечеръ былъ убитъ одинъ человѣкъ...

— Позвольте, милордъ,—прервалъ его Дикъ,—я сейчасъ же признаюсь въ моей винѣ. Я убилъ этого Реттера, и въ доказательство,—прибавилъ онъ, роясь за пазухой,—вотъ письмо изъ его сумки.

Лордъ Райзингемъ взялъ письмо, развернулъ его и прочелъ два раза.

— Вы читали это письмо?—спросилъ онъ.

— Читалъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— Вы за Іорка или за Ланкастера?—спросилъ графъ.

— Милордъ, мнѣ еще недавно предложили этотъ вопросъ, и я не зналъ, что отвѣтить на него,—сказалъ Дикъ,—но, отвѣтивъ разъ, я уже не стану мѣнять. Милордъ, я—за Іоркскій домъ.

Графъ одобрительно кивнулъ головой.

— Честный отвѣтъ—сказалъ онъ.—Но почему же вы отдаете мнѣ это письмо?

— Но развѣ не всѣ партіи должны возставать противъ измѣнниковъ, милордъ?—вскрикнулъ Дикъ.

— Хорошо, если бы было такъ, молодой джентльменъ,—замѣтилъ графъ,—и я одобряю васъ за ваши слова. Я вижу, что въ васъ больше неопытности юности, чѣмъ вины, и не будь сэръ Даніэль могущественнымъ человѣкомъ въ нашей партіи, я почти готовъ былъ бы принять вашу сторону. Видите, сэръ, я прежде всего вождь партіи королевы и хотя считаю себя по натурѣ справедливымъ человѣкомъ и даже склоннымъ къ преувеличенному милосердію, но я долженъ сообразовать свои дѣйствія съ интересами моей партіи и далеко зайду, чтобы удержать сэра Даніэля.

— Милордъ,—сказалъ Дикъ,—вы не сочтете меня очень смѣлымъ, если я задамъ вамъ вопросъ: полагаетесь ли вы на вѣрность сэра Даніэля? Мнѣ кажется, что онъ переходилъ съ одной стороны на другую невыносимо часто.

— Ну, такъ дѣлается въ Англіи. Чего вы хотите?—спросилъ графъ.—Но вы несправедливы къ рыцарю изъ Тонсталля; и насколько вѣрность свойственна теперешнему невѣрному поколѣнію, онъ въ послѣднее время былъ вѣренъ Ланкастерскому дому. Онъ твердо держался насъ даже при послѣднихъ неудачахъ.

— Если вы пожелаете взглянуть на это письмо,—сказалъ Дикъ,—вы, можетъ быть, нѣсколько измѣните свое мнѣніе о

немъ,—и онъ подалъ графу письмо сэра Даніэля къ лорду Уэнслейделю.

Лицо графа мгновенно измѣнилось; онъ сталъ грознымъ, какъ разъяренный левъ, и рука его невольнымъ движеніемъ схватила кинжалъ.

— Вы прочли и это?—спросилъ онъ.

— Да,—сказалъ Дикъ.—Онъ предлагаетъ ваше имѣніе лорду Уэнслейделю.

— Да, вы вѣрно говорите, это мое имѣніе!—сказалъ Райзингемъ.—Я—вашъ должникъ за это письмо. Оно раскрыло мнѣ лисью хитрость сэра Даніэля. Распоряжайтесь мною, мастеръ Шельтонъ. Я не желаю скупиться на благодарность и прежде всего—іорксистъ вы, или ланкастерецъ, честный человѣкъ, или воръ—я возвращаю вамъ свободу. Идите, во имя Пресвятой Дѣвы Маріи! Но знайте, что я по справедливости задерживаю вашего слугу Лаулесса и повѣшу его. Преступленіе было совершено слишкомъ открыто, и слѣдуетъ, чтобъ и наказаніе было открыто.

— Милордъ, первая моя просьба къ вамъ—пощадите и его,—молилъ Дикъ.

— Это старый, давно осужденный негодяй, воръ и бродяга, мастеръ Шельтонъ,—сказалъ графъ.—Онъ уже лѣтъ двадцать готовъ на висѣлицу. И не все ли равно за то, или другое, завтра, или послѣзавтра повѣсятъ его?

— Но, милордъ, онъ пришелъ сюда изъ любви ко мнѣ,—отвѣтилъ Дикъ,—и съ моей стороны было бы низко и неблагодарно бросить его.

— Мастеръ Шельтонъ,—вы надоѣдливы,—строго замѣтилъ графъ.—Это плохой способъ имѣть успѣхъ въ свѣтѣ. Но для того, чтобы отдѣлаться отъ вашихъ надоѣданій, я исполню ваше желаніе. Уходите оба, но идите осторожно и поскорѣе выбирайтесь изъ Шорби. Потому что этотъ сэръ Даніэль (да накажутъ его святые!) жаждетъ вашей крови.

— Милордъ, пока я выражаю вамъ свою благодарность словами, но, надѣюсь, въ скоромъ времени, выказать ее на дѣлѣ,—отвѣтилъ Дикъ, выходя изъ комнаты.

VI. Опять Арбластеръ.

Когда Дику и Лаулессу удалось потихоньку, заднимъ ходомъ, выбраться изъ дома, гдѣ лордъ Райзингемъ держалъ свой гарнизонъ, наступилъ уже вечеръ.

Они остановились подъ тѣнью садовой стѣны, чтобы обсудить, что имъ дѣлать. Опасность была чрезвычайно велика. Если бы кто-нибудь изъ людей сэра Даніэля увидѣлъ ихъ и поднялъ тревогу, ихъ сейчасъ схватили бы и убили. И не только городъ Шорби былъ полонъ опасности, угрожавшей ихъ жизни, но и въ открытой мѣстности они рисковали встрѣтиться съ патрулями.

Невдалекѣ, на открытомъ мѣстѣ, они увидѣли вѣтряную мельницу, рядомъ съ которой стояла очень большая житница съ открытыми дверями.

— Что, если мы заляжемъ туда до ночи?—предложилъ Дикъ.

Такъ какъ у Лаулесса не нашлось лучшаго предложенія, то они бѣгомъ бросились къ житницѣ и спрятались за дверью въ соломѣ. Дневной свѣтъ скоро погасъ, и луна серебрила мерзлый снѣгъ. Теперь былъ случай, который могъ не представиться больше—добраться незамѣченными до «Козы и Волынки» и перемѣнить одежду, которая могла выдать ихъ. Но и тутъ важнѣе было обойти кругомъ, по окраинамъ, а не рисковать показаться на рыночной площади, гдѣ, при большомъ стеченіи народа, они могли подвергнуться опасности быть узнанными и убитыми.

Путь былъ длинный. Онъ шелъ недалеко отъ дома на берегу, мрачнаго и безмолвнаго, и привелъ ихъ, наконецъ, къ гавани. При ясномъ лунномъ свѣтѣ они увидѣли, что многія суда подняли якорь и, пользуясь спокойною погодою, разошлись въ разныя стороны. Сообразно съ этимъ простыя харчевни вдоль берега (освѣщенныя огнемъ каминовъ и свѣчами, несмотря на законъ, предписывавшій тушить огонь въ опредѣленное время) не были набиты посѣтителями, и въ нихъ не раздавались морскія пѣсни, которыя пѣлись обыкновенно хоромъ.

Дикъ и Лаулессъ, подобравъ до колѣнъ свои монашескія одежды, быстро, почти бѣгомъ, шагали по глубокому снѣгу и пробирались черезъ лабиринтъ обломковъ и всякаго хлама, выброшеннаго на берегъ. Они обошли уже болѣе половины гавани,

какъ вдругъ, когда они проходили мимо какой-то харчевни, дверь ея открылась, и потокъ свѣта упалъ на ихъ бѣжавшія фигуры.

Они сейчасъ же остановились и притворились, будто ведутъ оживленный разговоръ.

Трое людей, одинъ за другимъ, вышли изъ харчевни, послѣдній заперъ за собою дверь. Всѣ трое нетвердо стояли на ногахъ, какъ будто они провели въ возліяніяхъ цѣлый день и теперь стояли, облитые луннымъ свѣтомъ, въ нерѣшительности, словно не зная, что имъ дѣлать дальше. Самый высокій изъ нихъ говорилъ громкимъ, печальнымъ голосомъ.

— Семь боченковъ самаго лучшаго гасконскаго вина, какое когда-либо было на свѣтѣ,—сказалъ онъ,—лучшее судно порта Дармута, вызолоченное изображеніе св. Дѣвы Маріи, тринадцать фунтовъ настоящихъ золотыхъ денегъ...

— У меня также большія потери,—прервалъ его другой.—У меня также были потери, кумъ Арбластеръ. Въ день св. Мартина у меня украли пять шиллинговъ и кожаную сумку, которая стоила не менѣе девяти пенсовъ!

Дикъ почувствовалъ упрекъ совѣсти, когда услышалъ слова Арбластера. До этихъ поръ онъ, можетъ быть, совсѣмъ не думалъ о бѣдномъ шкиперѣ, разоренномъ потерей «Доброй Надежды». Въ тѣ времена люди, носившіе оружіе, не заботились объ имуществахъ и интересахъ низшихъ. Но эта внезапная встрѣча напомнила ему о произволѣ, съ которымъ онъ завладѣлъ судномъ, и о неблагополучномъ исходѣ его предпріятія. И онъ, и Лаулессъ отвернулись, чтобы не быть узнанными.

Судовая собака спаслась отъ крушенія и нашла дорогу въ Шорби. Она шла по пятамъ Арбластера; внезапно она втянула носомъ воздухъ, насторожила уши и, бросившись впередъ, принялась яростно лаять на ложныхъ монаховъ.

Ея хозяинъ нетвердыми шагами шелъ за ней.

— Эй, товарищи!—крикнулъ онъ.—Не найдется ли у васъ пенни для бѣднаго, стараго моряка, совершенно разореннаго пиратами? Въ четвергъ я могъ бы заплатить за васъ обоихъ; а теперь, въ субботу ночью, выпрашиваю на фляжку эля! Спросите моего помощника Тома, если сомнѣваетесь во мнѣ. Семь боченковъ хорошаго гасконскаго вина, собственное мое судно, которое раньше меня принадлежало моему отцу, изображеніе Пресвятой Дѣвы изъ чинара, вызолоченное, и тринадцать фун-

товъ золотомъ и серебромъ. Э, что скажете? И къ тому же человѣкъ, который дрался съ французами; потому что я дрался съ французами; я перерѣзалъ на морѣ болѣе глотокъ французамъ, чѣмъ любой человѣкъ, отправлявшійся изъ Дортмута. Ну, дайте же пенни!..

Ни Дикъ, ни Лаулессъ не осмѣливались отвѣтить ему, боясь, чтобы онъ не узналъ ихъ голосовъ; они стояли безпомощные, словно корабль на берегу, не зная, куда обратиться, на что надѣяться.

— Что ты нѣмъ, мальчикъ? — спросилъ шкиперъ.— Братцы,—икая, прибавилъ онъ,—они нѣмы. Я не люблю такой невѣжливости; мнѣ думается, что если человѣкъ и нѣмъ, то все же отвѣтитъ, изъ вѣжливости, если съ нимъ заговорятъ.

Между тѣмъ, матросъ Томъ, человѣкъ большой силы, повидимому, возымѣлъ свои подозрѣнія насчетъ этихъ двухъ безгласныхъ фигуръ; и такъ какъ онъ былъ трезвѣе своего капитана, то внезапно всталъ передъ нимъ, грубо схватилъ за плечо Лаулесса и съ ругательствомъ спросилъ его, что съ нимъ, что мѣшаетъ ему говорить? Бродяга, считая все потеряннымъ, отвѣтилъ ему ударомъ, отъ котораго морякъ растянулся на пескѣ, и, крикнувъ Дику, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, побѣжалъ по берегу.

Все это произошло въ одну секунду. Прежде чѣмъ Дикъ опомнился, Арбластеръ уже схватилъ его; Томъ подползъ къ нему и ухватилъ его за ногу, а третій изъ пріятелей выхватилъ изъ ноженъ кортикъ и размахивалъ имъ надъ его головой.

Молодому Шельтону было очень тяжело, не столько отъ грозившей ему опасности и отъ досады, сколько отъ испытываемаго имъ чувства глубокаго униженія. Онъ спасся отъ сэра Даніэля, сумѣлъ убѣдить лорда Райзингема и вдругъ безпомощно попалъ въ руки стараго пьяницы-матроса. И онъ чувствовалъ себя не только безпомощнымъ, но, какъ говорила ему, хотя и слишкомъ поздно, совѣсть, дѣйствительно виновнымъ, дѣйствительно банкротомъ-должникомъ человѣка, у котораго онъ укралъ судно и погубилъ его.

— Приведите мнѣ его въ харчевню, чтобы я могъ увидѣть его лицо,—сказалъ Арбластеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Томъ,—сначала выгрузимъ его котомку, а то и другіе молодцы потребуютъ своей части.

Но хотя Дика обыскали съ головы до ногъ, на немъ не нашли ни одного пенни и ничего вообще, кромѣ кольца съ печатью лорда Фокстэма, которое грубо сорвали съ его пальца.

— Поверните его къ свѣту, — сказалъ шкиперъ и, взявъ Дика за подбородокъ, больно дернулъ его кверху. — Святая Дѣва!—вскрикнулъ онъ.—Да, вѣдь, это пиратъ.

— Что!—крикнулъ Томъ.

— Клянусь Святой Дѣвой Бордосской, это онъ!—повторилъ Арбластеръ.—Ну, морской воръ, теперь я держу тебя!—кричалъ онъ. — Гдѣ мое судно? Гдѣ мое вино? Э, да неужели ты въ моихъ рукахъ? Томъ, дай-ка мнѣ конецъ веревки; я свяжу этого морского волка по рукамъ и по ногамъ, какъ жаренаго индюка, да вотъ я свяжу его вотъ такъ, а потомъ отколочу, и ужъ такъ отколочу!..

Онъ продолжалъ разговаривать, обвивая веревку вокругъ тѣла Дика съ ловкостью, присущей моряку, закрѣпляя ее морскимъ узломъ и яростно затягивая.

Когда онъ закончилъ свое дѣло, юноша оказался простымъ тюкомъ въ его рукахъ, безпомощнымъ какъ мертвецъ. Шкиперъ отодвинулъ его на разстояніе руки и громко расхохотался; потомъ онъ далъ ему оглушительную пощечину, перевернулъ его и принялся яростно колотить. Гнѣвъ поднялся въ душѣ Дика, словно буря; гнѣвъ душилъ его, и онъ думалъ, что умираетъ; но когда моряку надоѣла эта жестокая игра и онъ, бросивъ его во весь ростъ на песокъ, повернулся къ товарищамъ и сталъ совѣтоваться съ ними, Дикъ сейчасъ же собрался съ силами и овладѣлъ собой. Наступила минутная передышка; прежде чѣмъ его снова начнутъ мучить, онъ, можетъ быть, найдетъ способъ выйти изъ этого унизительнаго и рокового положенія.

И дѣйствительно, пока Арбластеръ съ товарищами разсуждали о томъ, что сдѣлать съ нимъ, онъ собрался съ мужествомъ и, обратясь къ нимъ, заговорилъ довольно твердымъ голосомъ.

— Господа,—началъ онъ,—что вы совсѣмъ съ ума сошли? Небо даетъ вамъ въ руки такой случай разбогатѣть, какой рѣдко выпадаетъ на долю моряковъ. Вы можете совершить тридцать плаваній и не найти такого случая, а вы,—клянусь мессой!—что вы дѣлаете? Бьете меня? Такъ вѣдь это дѣлаетъ каждый ребенокъ, когда разсердится. Мнѣ кажется, что для разумныхъ мо-

ряковъ, не боящихся ни огня, ни воды и любящихъ золото, какъ мясо, вы не умны.

— Ну, да,—сказалъ Томъ,—какъ тебя связали, такъ тебѣ и захотѣлось одурачить насъ.

— Одурачить васъ!—повторилъ Дикъ.—Если вы глупы, то это легко сдѣлать. Но если вы, какъ я полагаю, умные малые, то можете ясно видѣть, гдѣ ваши интересы. Когда я взялъ ваше судно, насъ было много, мы были хорошо одѣты и вооружены; теперь подумайте, кто собралъ этотъ отрядъ? Безспорно человѣкъ, нажившій много золота. А если онъ, уже будучи богатымъ, продолжаетъ искать большаго, не обращая даже вниманія на бури, подумайте хорошенько, не спрятано ли у него гдѣ-нибудь какое-либо сокровище?

— Что онъ хочетъ сказать?—спросилъ одинъ изъ окружавшихъ Дика.

— Ну, если вы потеряли старую лодку и нѣсколько кружекъ вина, кислаго какъ уксусъ,—продолжалъ Дикъ,—забудьте о нихъ, какъ о дряни, какой они и были въ дѣйствительности, и присоединитесь къ предпріятію, достойному этого имени, которое черезъ двѣнадцать часовъ или возвыситъ васъ, или погубитъ навѣки. Но возьмите меня отсюда, пойдемте куда-нибудь поблизости и потолкуемъ надъ фляжкой, потому что мнѣ больно, и я замерзъ, а ротъ мой наполовину набитъ снѣгомъ.

— Онъ хочетъ одурачить насъ, — презрительно сказалъ Томъ.

— Одурачить! Одурачить!—крикнулъ третій.—Хотѣлъ бы я видѣть человѣка, который могъ бы одурачить меня! Вотъ онъ уже, дѣйствительно, былъ бы мастеромъ въ этомъ дѣлѣ! Я вѣдь не вчера родился. Я могу видѣть церковь, когда на ней есть колокольня, и, по моему, кумъ Арбластеръ, въ словахъ этого молодого человѣка есть нѣкоторый смыслъ. Не пойти ли намъ выслушать его? Скажите, не выслушать-ли намъ его?

— Я съ радостью поглядѣлъ бы на кружку хорошаго эля, мастеръ Пирретъ,—отвѣтилъ Арбластеръ.—Что ты скажешь, Томъ? Но сумка-то у меня пуста .

— Я заплачу,—сказалъ Пирретъ,—я заплачу; я очень бы хотѣлъ хорошенько узнать, въ чемъ дѣло; по совѣсти говоря, я вѣрю, что тутъ пахнетъ золотомъ.

— Ну, если вы опять приметесь пьянствовать, все потеряно!—сказалъ Томъ.

— Кумъ Арбластеръ, вы даете слишкомъ много воли своему слугѣ,—замѣтилъ мастеръ Пирретъ.—Неужели вы допустите, чтобы вами управлялъ наемный слуга? Фи, фи!

— Замолчи, малый,—сказалъ Арбластеръ, обращаясь къ Тому.—Куда ты суешься со своимъ весломъ? Дѣйствительно, славно, когда экипажъ дѣлаетъ замѣчанія своему шкиперу!

— Ну, такъ идите своимъ путемъ, — сказалъ Томъ. — Я умываю руки въ этомъ дѣлѣ!

— Такъ поставьте его на ноги, — сказалъ мастеръ Пирретъ.—Я знаю укромное мѣстечко, гдѣ мы можемъ выпить и поговорить.

— Если я долженъ итти, друзья мои, вы должны высвободить мнѣ ноги, — сказалъ Дикъ, когда его поставили, словно столбъ.

— Онъ говоритъ правду,—со смѣхомъ сказалъ Пирретъ.—Дѣйствительно, онъ не можетъ итти въ такомъ видѣ. Разрѣжьте веревку; вынимай ножъ, кумъ, и разрѣжь веревку.

Даже Арбластеръ задумался надъ этимъ предложеніемъ. Но товарищъ его настаивалъ, а у Дика хватило смысла на то, чтобы сохранить совершенно равнодушное, деревянное выраженіе лица и онъ только пожималъ плечами, какъ бы удивляясь ихъ нерѣшительности. Шкиперъ, наконецъ, согласился и разрѣзалъ веревки, связывавшія ноги плѣнника. Это не только дало Дику возможность итти, но и ослабило всю сѣть веревокъ такъ, что онъ почувствовалъ, что рука его, привязанная къ спинѣ, начала свободнѣе двигаться. Онъ надѣялся, что, сдѣлавъ усиліе, ему удастся современемъ освободить ее. Такъ многимъ онъ былъ уже обязанъ глупости и алчности мастера Пиррета.

Этотъ достойный человѣкъ принялъ предводительство и привелъ ихъ къ той самой простой питейной харчевнѣ, къ которой Лаулессъ привелъ Арбластера въ тотъ бурный день. Теперь она была совершенно пуста; раскаленные угли въ каминѣ испускали пріятную теплоту. Когда пришедшіе выбрали себѣ мѣста, и хозяинъ поставилъ передъ ними порцію прянаго эля, Пирретъ и Арбластеръ вытянули ноги и положили локти на столъ, какъ люди, готовящіеся провести пріятный часокъ.

Столъ, за которымъ они сидѣли, какъ и всѣ другіе въ этомъ

домѣ, состоялъ изъ тяжелой четырехугольной доски, положенной на двѣ бочки; каждый изъ четырехъ людей этой странной компаніи сидѣлъ на углу доски, Пирретъ напротивъ Арбластера, Дикъ противъ матроса.

— А теперь, молодой человѣкъ,—сказалъ Пирретъ,—начинайте вашъ разсказъ. Вы, повидимому, нѣсколько обидѣли нашего кума Арбластера; но что изъ этого? Вознаградите его—дайте ему случай разбогатѣть—и ручаюсь, что онъ проститъ васъ.

До сихъ поръ Дикъ говорилъ наудачу; теперь, подъ надзоромъ шести глазъ, ему приходилось выдумать и разсказать какую-нибудь необыкновенную исторію и, если возможно, получить обратно важное для него кольцо. Прежде всего, надо было протянуть время. Чѣмъ дольше онъ пробудетъ, тѣмъ болѣе напьются товарищи, и тѣмъ вѣрнѣе будетъ возможность побѣга.

Дикъ не обладалъ талантомъ выдумки, и то, что онъ разсказалъ, было пересказомъ исторіи Али-Бабы, причемъ Шорби и Тонсталльскій лѣсъ занимали мѣсто востока, а сокровища въ пещерѣ были скорѣе увеличены въ числѣ, чѣмъ уменьшены. Какъ извѣстно читателю, исторія эта превосходная, но въ ней есть одинъ недостатокъ—она неправдоподобная; простодушные моряки слышали ее въ первый разъ, и потому глаза у нихъ вылѣзли изъ орбитъ, а рты они разѣвали, какъ треска во время ловли.

Вскорѣ пріятели потребовали другую порцію эля, а пока Дикъ ловко растягивалъ разсказъ, и третья порція послѣдовала за второй.

Вотъ въ какомъ положеніи находились къ концу разговора присутствовавшіе. Арбластеръ, на три четверти пьяный и на одну сонный, безпомощно откинулся на свой стулъ. Даже Томъ пришелъ въ восторгъ отъ разсказа, и потому бдительность его сильно уменьшилась. Между тѣмъ Дикъ постепенно высвободилъ свою правую руку и былъ готовъ на всякій рискъ.

— Итакъ,—говорилъ Пирретъ,—ты одинъ изъ нихъ.

— Меня заставили,—отвѣтилъ Дикъ,—противъ моей воли; но если бы я могъ достать на мою долю мѣшокъ, другой золотыхъ монетъ, то дуракъ бы я былъ, если бы продолжалъ жить въ грязной пещерѣ и выносить побои и пощечины, какъ солдатъ. Вотъ насъ здѣсь четверо, хорошо! Пойдемъ въ лѣсъ завтра раньше, чѣмъ встанетъ солнце. Если бы мы могли честно добыть

осла, это было бы лучше, но такъ какъ мы не можемъ, то съ насъ довольно и нашихъ четырехъ сильныхъ спинъ; ручаюсь, что мы вернемся домой, спотыкаясь подъ тяжестью добычи.

Пирретъ облизнулся.

— А волшебство,—сказалъ онъ,—пароль, по которому отворяется пещера, какое это слово, другъ?

— Никто не зналъ этого слова, кромѣ трехъ вождей,—отвѣтилъ Дикъ,—но, на ваше великое счастье, я сегодня вечеромъ какъ разъ несу волшебный талисманъ, которымъ открывается дверь пещеры. Эту вещь вынимаютъ изъ сумки капитана не болѣе двухъ разъ въ году.

— Волшебство!—сказалъ Арбластеръ въ полуснѣ и косясь на Дика однимъ глазомъ.—Убирайся! Не нужно никакого волшебства! Я—хорошій христіанинъ. Спросите моего слугу Тома.

— Но это бѣлая магія,—сказалъ Дикъ.—Она не имѣетъ никакого дѣла съ дьяволомъ; это только сила чиселъ, травъ и планетъ.

— Да, да, — сказалъ Пирретъ, — это только бѣлая магія, кумъ. Увѣряю тебя, тутъ нѣтъ грѣха. Но продолжайте, добрый юноша. Въ чемъ состоитъ это волшебство?

— Я сейчасъ покажу вамъ, — отвѣтилъ Дикъ. — У васъ кольцо, которое вы сняли съ моего пальца? Хорошо! Ну, теперь держите его передъ собой кончиками пальцевъ, вытянувъ руку во всю длину такъ, чтобы на нихъ падалъ свѣтъ углей! Именно такъ. Ну, вотъ вамъ и волшебство!

Дикъ быстро оглянулся вокругъ и увидѣлъ, что пространство между нимъ и дверью совершенно свободно. Онъ мысленно прочелъ молитву. Потомъ, протянувъ руку, схватилъ кольцо и опрокинулъ столъ на матроса Тома. Бѣднякъ съ крикомъ упалъ подъ обломки стола. Прежде чѣмъ Арбластеръ сообразилъ, что произошло нѣчто неладное, а Пирретъ нѣсколько пришелъ въ себя, Дикъ подбѣжалъ къ двери и исчезъ среди лунной ночи.

Отъ свѣта луны, плывшей посреди неба, и чрезвычайной бѣлизны снѣга на открытой мѣстности вокругъ гавани было свѣтло, какъ днемъ, и фигура молодого Шельтона, прыгавшаго въ подоткнутой одеждѣ среди корабельнаго хлама, была видна издалека.

Томъ и Пирретъ съ крикомъ преслѣдовали его; изъ каждой харчевни, мимо которой они бѣжали, къ нимъ присоединялись

люди, возбужденные ихъ криками, и скоро въ преслѣдованіе пустился цѣлый флотъ моряковъ. Но даже въ пятнадцатомъ столѣтіи Джекъ *) плохо бѣгалъ по землѣ; къ тому же Дикъ сильно обогналъ ихъ и воспользовался этимъ преимуществомъ. Добѣжавъ до начала узкой тропинки, онъ даже остановился и, смѣясь, оглянулся назадъ.

На бѣломъ фонѣ снѣга всѣ моряки Шорби двигались сплошной массой, отъ которой отдѣлялись небольшія группы. Всѣ кричали, вопили; всѣ жестикулировали, отчаянно размахивая руками; постоянно падалъ кто-нибудь и, къ довершенію картины, на упавшаго валилось съ дюжину людей.

Вся эта масса криковъ, возсылаемая вверхъ къ лунѣ, казалась отчасти комичной, отчасти страшной преслѣдуемому бѣглецу. Сами по себѣ, эти крики не имѣли никакого значенія, такъ какъ Дикъ былъ увѣренъ, что ни одинъ морякъ въ гавани не въ состояніи догнать его. Но шумъ угрожалъ ему опасностью впереди, такъ какъ могъ разбудить всѣхъ спящихъ въ Шорби и привлечь вниманіе стоявшихъ на караулѣ. Поэтому, увидѣвъ въ углу открытую дверь, онъ быстро шмыгнулъ въ нее и пропустилъ мимо неумѣлыхъ преслѣдователей, продолжавшихъ кричать и жестикулировать, красныхъ отъ быстраго бѣга и бѣлыхъ отъ паденія въ снѣгъ.

Прошло много времени, прежде чѣмъ окончился этотъ великій набѣгъ гавани на городъ, и возстановилась тишина. Еще долго на всѣхъ улицахъ и по всѣмъ кварталамъ раздавались крики и топотъ моряковъ. Возникали споры иногда между ними, иногда съ патрулемъ; вытаскивались ножи, удары сыпались со всѣхъ сторонъ, и не одинъ трупъ остался на снѣгу.

Когда, спустя часъ, послѣдній матросъ, ворча, вернулся въ сторону гавани, въ свою излюбленную таверну, если бы спросить его, какого человѣка онъ преслѣдовалъ, то оказалось бы, что, если онъ и зналъ это прежде, то теперь совершенно забылъ. На слѣдующее утро распространились различные странные разсказы, а нѣсколько времени спустя между мальчиками въ Шорби пользовалась большимъ довѣріемъ легенда о ночномъ посѣщеніи дьявола.

Но даже возвращеніе послѣдняго моряка не освободило молодого Шельтона отъ его плѣна на холоду, между дверями.

*) Прозвище моряковъ.

Еще нѣсколько времени патрули дѣятельно расхаживали по городу; являлись и спеціальные отряды, которые обходили городъ и дѣлали донесенія различнымъ знатнымъ лордамъ, сонъ которыхъ былъ необычно нарушенъ.

Прошла уже большая часть ночи, прежде чѣмъ Дикъ рѣшился выйти изъ своего убѣжища. Онъ пришелъ къ дверямъ «Козы и Волынки» здравымъ и невредимымъ, хотя и пострадавшимъ отъ холода и побоевъ. Какъ требовалось закономъ, въ домѣ не было ни огня, ни свѣчей. Дикъ прокрался въ уголъ холодной комнаты для посѣтителей, нашелъ конецъ одѣяла, укуталъ имъ плечи и, подобравшись къ первому близко лежавшему спящему, скоро забылся въ крѣпкомъ снѣ.

КНИГА V.

ГОРБУНЪ.

I. Трубный звукъ.

Очень рано на слѣдующее утро, еще до разсвѣта, Дикъ всталъ, переодѣлся, вооружился снова, какъ дворянинъ, и отправился въ лѣсное логовище. Здѣсь, какъ извѣстно, онъ оставилъ бумаги лорда Фоксгэма; чтобы добыть ихъ и поспѣть вернуться во-время къ свиданію съ молодымъ герцогомъ Глочестерскимъ, нужно было отправиться рано и итти очень скоро.

Морозъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо; воздухъ безвѣтренный и сухой какъ будто сжималъ ноздри. Луна уже зашла, но на небѣ было много блестящихъ звѣздъ, а снѣгъ бросалъ ясный, веселый отблескъ. Для ходьбы не нужно было факела, а тихій, но пронизывающій воздухъ не возбуждалъ ни малѣйшаго желанія задерживать шаги.

Дикъ прошелъ большую часть открытой мѣстности между Шорби и лѣсомъ и дошелъ до подножія маленькаго холма въ нѣсколькихъ стахъ ярдовъ отъ Креста св. Невѣсты. Внезапно въ тишинѣ темнаго утра раздался звукъ трубы, такой громкій, ясный и пронзительный, что Дику показалось, что онъ никогда не слыхалъ ничего подобнаго по звучности. Звукъ этотъ раз-

дался разъ, потомъ поспѣшно повторился, и за нимъ послѣдовалъ лязгъ оружія.

Молодой Шельтонъ насторожилъ уши и, выхвативъ мечъ изъ ноженъ, побѣжалъ вверхъ по холму.

Онъ увидѣлъ крестъ и убѣдился, что на дорогѣ передъ нимъ происходитъ яростная схватка. Нападающихъ было семь-восемь человѣкъ, а сопротивлялся имъ только одинъ. Но онъ былъ такъ проворенъ и ловокъ, такъ отчаянно нападалъ на своихъ противниковъ и разсѣкивалъ ихъ, такъ искусно удерживался на льду, что прежде чѣмъ подоспѣлъ Дикъ, онъ уже убилъ одного, ранилъ другого и удерживалъ всѣхъ.

Но все же онъ продолжалъ держаться только какимъ-то чудомъ; каждое мгновеніе какая-нибудь случайность, малѣйшій промахъ, неловкое движеніе на скользкомъ льду могли стоить ему жизни.

— Держитесь, сэръ! Вотъ помощь!—крикнулъ Ричардъ и, забывъ, что, въ сущности, не имѣетъ права призывать бродягъ, прибавилъ:—Черная Стрѣла! Сюда, Черная Стрѣла!—и бросился на нападающихъ съ тылу.

Но тѣ были также смѣлые малые; они не подались ни на дюймъ при этомъ нападеніи, обернулись и съ изумительной яростью набросились на Дика. При свѣтѣ звѣздъ сверкало оружіе четырехъ людей, устремленное противъ одного. Искры летѣли во всѣ стороны. Одинъ изъ его противниковъ упалъ; въ пылу битвы Дикъ и не замѣтилъ этого; потомъ его самого ударили по головѣ, и хотя стальной шлемъ подъ капюшономъ защитилъ его, все же онъ опустился на одно колѣно, и мысли у него завертѣлись съ быстротой мельницы.

При первомъ признакѣ вмѣшательства Дика, человѣкъ, къ которому онъ пришелъ на помощь, вмѣсто того, чтобы принять участіе въ стычкѣ, отскочилъ назадъ и затрубилъ опять на той же громкой трубѣ, которая подняла тревогу, но на этотъ разъ еще настойчивѣе и громче. Въ слѣдующее мгновеніе враги его снова бросились на него, и онъ опять нападалъ и убѣгалъ, вскакивалъ, ударялъ, падалъ на колѣно, прибѣгая безразлично къ мечу и кинжалу, ногамъ и рукамъ, съ тѣмъ же несокрушимымъ мужествомъ, лихорадочной энергіей и быстротой.

Но пронзительный призывъ трубы, наконецъ, былъ услышанъ. На снѣгу раздался глухой топотъ коней; и въ добрый

часъ для Дика, который видѣлъ уже кончики мечей, приставленные къ горлу, изъ лѣса съ обѣихъ сторонъ хлынулъ безпорядочный потокъ вооруженныхъ всадниковъ, закованныхъ въ желѣзо, съ копьемъ или мечомъ, обнаженнымъ и поднятымъ въ рукахъ; каждый изъ нихъ, можно сказать, везъ пассажира въ лицѣ стрѣлка или пажа, которые соскакивали одинъ за другимъ со своихъ насѣстей и увеличивали вдвое отрядъ.

Нападавшіе, видя себя въ меньшинствѣ и окруженными со всѣхъ сторонъ, бросили оружіе, не проговоривъ ни слова.

— Схватить этихъ людей!—сказалъ герой трубы; когда его приказаніе было исполнено, онъ подшелъ къ Дику и взглянулъ ему прямо въ лицо.

Дикъ отвѣтилъ ему тѣмъ же и удивился, увидѣвъ, что человѣкъ, выказавшій столько силы, умѣнья, энергіи—юноша, не старѣе его самого, довольно уродливый, съ однимъ плечомъ выше другого, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ, безобразнымъ лицомъ *). Но глаза у него были ясные, съ смѣлымъ выраженіемъ.

— Сэръ,—сказалъ юноша,—вы пришли въ добрый часъ и какъ разъ во-время.

— Милордъ,—отвѣтилъ Дикъ съ смутнымъ сознаніемъ, что находится передъ знатнымъ вельможей,—вы такъ удивительно владѣете мечомъ, что, я полагаю, могли бы справиться и одинъ. Для меня, конечно, вышло хорошо, что ваши люди не замѣшкались.

— Какъ вы узнали, кто я?—спросилъ незнакомецъ.

— Даже теперь, милордъ, я не знаю, съ кѣмъ говорю,—отвѣтилъ Дикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ незнакомецъ.— А между тѣмъ вы бросились, очертя голову, въ эту неравную битву.

— Я видѣлъ, что одинъ человѣкъ храбро сопротивляется многимъ,—отвѣтилъ Дикъ,—и счелъ бы себя обезчещеннымъ, если бы не помогъ ему.

Странная, насмѣшливая улыбка играла на губахъ молодого вельможи, когда онъ отвѣтилъ:

— Это очень хорошія слова. Но къ дѣлу, вы ланкастерецъ или іорксистъ?

---

*) Въ дѣйствительности Ричардъ Горбатый былъ гораздо моложе въ данное время. *Прим. автора.*

— Милордъ, я не дѣлаю тайны; я твердо стою за іоркскій домъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— Клянусь мессой, это хорошо для васъ,—замѣтилъ незнакомецъ.

Сказавъ это, онъ повернулся къ одному изъ своихъ приближенныхъ.

— Покончите,—продолжалъ онъ все тѣмъ же насмѣшливымъ, жестокимъ тономъ,—покончите съ этими храбрыми джентльменами. Вздерните ихъ.

То были пять человѣкъ, оставшихся въ живыхъ изъ числа нападавшихъ. Стрѣлки схватили ихъ за руки, поспѣшно провели къ опушкѣ лѣса поставили каждаго изъ нихъ подъ деревомъ подходящихъ размѣровъ; приготовили веревки; стрѣлки, держа концы ихъ, быстро взобрались на деревья и менѣе, чѣмъ черезъ минуту, безъ единаго слова, выговореннаго съ той или другой стороны, пятеро человѣкъ качались въ воздухѣ.

— А теперь,—крикнулъ уродливый вождь,—назадъ, на ваши посты, и являйтесь быстрѣе, когда я призову васъ въ слѣдующій разъ.

— Милордъ герцогъ,—сказалъ одинъ изъ людей,—умоляю, не оставайтесь здѣсь одни. Оставьте вблизи горсть воиновъ.

— Любезный,—сказалъ герцогъ,—я сдержался и не побранилъ тебя за медленность. Поэтому не раздражай меня. Я вѣрю силѣ своей руки, несмотря на то, что горбатъ. Ты медлилъ, когда звучала труба, а теперь слишкомъ быстръ на совѣты. Но это всегда бываетъ такъ: кто послѣдній съ копьемъ, тотъ первый на языкъ. Пусть будетъ обратно.

И жестомъ, не лишеннымъ устрашающаго благородства, онъ удалилъ ихъ.

Пѣхотинцы снова влѣзли на свои мѣста позади всадниковъ; весь отрядъ медленно двинулся и разсыпался въ двадцати различныхъ направленіяхъ подъ сѣнью лѣса.

Къ этому времени день сталъ заниматься, а звѣзды меркнуть. Первые сѣрые лучи зари освѣтили лица двухъ молодыхъ людей, снова обернувшихся другъ къ другу.

— Вотъ,—сказалъ герцогъ, вы видѣли мое мщеніе, быстрое и острое, какъ мой клинокъ. Но я ни за что не хотѣлъ бы, чтобы вы сочли меня неблагодарнымъ. Вы явились на помощь мнѣ съ

хорошимъ мечомъ и еще съ лучшимъ мужествомъ... Если вамъ не противно мое безобразіе—обнимите меня.

Сказавъ это, молодой вождь раскрылъ объятія.

Въ глубинѣ сердца Дикъ испытывалъ сильный страхъ и нѣчто вродѣ ненависти къ спасенному имъ человѣку; но приглашеніе было сдѣлано въ такихъ словахъ, что отказаться или колебаться было не только невѣжливо, но и жестоко, и Дикъ поспѣшилъ исполнить желаніе герцога.

— А теперь, милордъ герцогъ,—сказалъ онъ, когда освободился отъ объятій,—вѣрно ли я предполагаю? Вы—милордъ герцогъ Глочестерскій.

— Я—Ричардъ Глочестеръ,—сказалъ онъ, — А вы? Какъ васъ зовутъ?

Дикъ назвалъ свое имя и подалъ кольцо лорда Фоксгэма. Герцогъ сейчасъ же узналъ его.

— Вы пришли слишкомъ рано,—сказалъ онъ,—но не мнѣ жаловаться на это. Вы похожи на меня—я пришелъ сюда за два часа до разсвѣта. Но это первая проба моего оружія; она или создастъ мнѣ славу, или погубитъ ее, мастеръ Шельтонъ. Тамъ залегли мои враги подъ начальствомъ двухъ старыхъ, опытныхъ вождей, Райзингема и Брэклея; я думаю, у нихъ сильныя позиціи, но у нихъ нѣтъ выходовъ съ двухъ сторонъ—они заперты среди моря, гавани и рѣки. Мнѣ кажется, Шельтонъ, тутъ можно нанести сильный ударъ, если бы только мы могли нанести его безмолвно и внезапно.

— И я такъ думаю,—крикнулъ, разгорячившись, Дикъ.

— Есть у васъ замѣтки лорда Фоксгэма?—спросилъ герцогъ.

Дикъ объяснилъ, почему ихъ нѣтъ съ нимъ въ настоящую минуту, и осмѣлился предложить собственныя свѣдѣнія, ни на іоту не уступавшія свѣдѣніямъ лорда Фоксгэма.

— Съ моей стороны, милордъ герцогъ,—прибавилъ онъ,—я посовѣтовалъ бы вамъ напасть немедленно, если у васъ есть достаточно людей. Потому что, знаете, при наступленіи дня ночные караулы прекращаются; а денныхъ карауловъ у нихъ нѣтъ; только всадники объѣзжаютъ предмѣстья. Теперь, когда ночная стража уже разоружилась, а остальные сидятъ за утренней чаркой—теперь самая пора напасть на нихъ.

— Сколько у нихъ людей?—спросилъ Глочестеръ.

— У нихъ нѣтъ и двухъ тысячъ,—отвѣтилъ Дикъ.

— За нами въ лѣсу у меня семьсотъ,—сказалъ герцогъ,— семьсотъ идутъ изъ Кеттлея и вскорѣ будутъ здѣсь; за ними дальше, есть еще четыреста; у лорда Фоксгэма въ Холивудѣ, на разстояніи полъ-дня пути отсюда, пятьсотъ человѣкъ. Подождать ихъ прибытія, или нападать безъ нихъ?

— Милордъ,—вы рѣшили этотъ вопросъ, когда повѣсили пятерыхъ бѣдныхъ плутовъ. Хотя они были простые мужики, но въ такое безпокойное время ихъ хватятся, станутъ искать и подымется тревога. Поэтому, милордъ, если вы хотите воспользоваться неожиданностью, то, по моему скромному мнѣнію, у васъ нѣтъ и часа въ запасѣ.

— Я тоже думаю,—сказалъ Глочестеръ.—Ну, черезъ часъ вы будете въ гущѣ сѣчи заслуживать шпоры. Нужно послать проворнаго человѣка въ Холивудъ съ кольцомъ лорда Фоксгэма; другого на дорогу, чтобы поторопить моихъ лодырей. Ну, Шельтонъ, клянусь Распятіемъ, это можно сдѣлать!

Онъ приставилъ ко рту трубу и затрубилъ.

На этотъ разъ ему пришлось ждать недолго. Въ одно мгновеніе открытая мѣстность вокругъ креста заполнилась пѣшими и конными людьми. Ричардъ Глочестеръ всталъ на ступени креста и посылалъ гонца за гонцомъ, чтобы ускорить сосредоточеніе семисотъ людей, спрятанныхъ по сосѣдству въ лѣсахъ. Прежде чѣмъ прошло четверть часа, распредѣливъ всѣхъ людей, онъ всталъ во главѣ ихъ и сталъ спускаться по холму, по направленію къ Шорби.

Планъ его былъ простъ. Онъ долженъ былъ захватить часть города Шорби, лежавшую направо отъ большой дороги, и утвердиться тамъ въ узкихъ переулкахъ до прибытія подкрѣпленій.

Если лордъ Райзингемъ вздумаетъ отступать, Ричардъ зайдетъ къ нему въ тылъ и поставитъ его между двухъ огней; если же онъ предпочтетъ защищать городъ, онъ будетъ запертъ въ ловушку и постепенно подавленъ количествомъ войскъ противника.

Была только одна опасность, зато очень серьезная и большая—семьсотъ воиновъ Глочестера могли быть разбиты и перебиты въ первой же стычкѣ; чтобы избѣжать этого, слѣдовало, чтобы нападеніе было какъ можно болѣе неожиданнымъ.

Поэтому пѣхотинцы снова сѣли позади всадниковъ. Дику выпала честь сидѣть за самимъ Глочестеромъ. Пока было ка-

кое-нибудь прикрытіе, войска двигались медленно; доѣхавъ до мѣста, гдѣ кончались деревья, окаймлявшія большую дорогу, они остановились, чтобы отдохнуть и оглядѣться.

Солнце, окруженное желтымъ ореоломъ, уже совсѣмъ взошло и сіяло яркимъ, холоднымъ свѣтомъ въ морозномъ воздухѣ; на фонѣ его свѣтлаго диска отчетливо вырисовывались столбы утренняго дыма, вылетавшаго изъ красныхъ трубъ бѣлыхъ кровель Шорби.

Глочестеръ обернулся къ Дику.

— Въ этомъ бѣдномъ мѣстѣ,—сказалъ онъ,—гдѣ теперь стряпаютъ завтракъ, вы заслужите шпоры, а я начну жизнь полную почестей и славы въ глазахъ свѣта, или оба мы умремъ, не оставивъ памяти по себѣ. Мы—два Ричарда. Ну, Ричардъ Шельтонъ, оба они станутъ извѣстны! Мечи ихъ будутъ звучать, ударяясь о шлемы враговъ такъ же громко, какъ имена ихъ будутъ раздаваться въ ушахъ людей.

Такая жажда славы, выраженная такимъ пламеннымъ тономъ и языкомъ, удивила Дика. Онъ отвѣтилъ весьма разумно и спокойно, что, съ своей стороны, обѣщается исполнить свой долгъ и не сомнѣвается въ побѣдѣ, если всѣ сдѣлаютъ то же.

Къ этому времени лошади хорошо отдохнули; вождь поднялъ мечъ и отпустилъ поводъ, и весь конный отрядъ пустился въ галопъ и, гремя, пронесся, съ двойнымъ грузомъ воиновъ, внизъ по холму и по покрытой снѣгомъ полянѣ, отдѣлявшей ихъ отъ Шорби.

II. Битва при Шорби.

Все разстояніе, которое приходилось проѣхать, было не болѣе четверти мили. Но только что всадники выѣхали изъ-подъ прикрытія деревьевъ, они увидѣли на покрытыхъ снѣгомъ поляхъ людей, съ криками бѣжавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Въ то же самое время въ городѣ поднялся шумъ, постепенно распространявшійся и становившійся громче. Они были еще на полдорогѣ къ ближайшему дому, когда съ колокольни донеслись звуки набата.

Молодой герцогъ заскрежеталъ зубами. Судя по этимъ признакамъ, онъ опасался найти враговъ приготовленными; а онъ зналъ, что если ему не удастся занять позиціи въ городѣ, его ма-

ленькій отрядъ будетъ разбитъ и истребленъ въ открытой мѣстности.

Однако, ланкастерцы въ городѣ были далеко не въ хорошемъ положеніи. Все происходило такъ, какъ говорилъ Дикъ. Ночная стража уже сняла свои доспѣхи; остальные—неодѣтые, невооруженные, неготовые къ сраженію—еще слонялись на своихъ стоянкахъ. Во всемъ Шорби не было, можетъ быть, и пятидесяти людей въ полномъ вооруженіи и пятидесяти осѣдланныхъ лошадей.

Звонъ колоколовъ, испуганные возгласы людей, съ криками бѣгавшихъ по улицамъ и колотившихъ въ двери—все это заставило въ невѣроятно короткое время собраться, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ изъ полусотни готовыхъ къ битвѣ воиновъ. Они сѣли на коней, и такъ какъ тревога все еще была безтолкова и неопредѣленна, поскакали по разнымъ направленіямъ.

Поэтому, когда Ричардъ Глочестеръ достигъ перваго дома въ Шорби, въ началѣ улицы его встрѣтила только горсточка пѣхотинцевъ, которыхъ онъ разметалъ при атакѣ, какъ штормъ, уносящій по теченію барку.

Проѣхавъ немного по городу, Дикъ Шельтонъ дотронулся до руки герцога; въ отвѣтъ на это герцогъ натянулъ поводъ, приложилъ трубу ко рту, далъ условленный сигналъ и свернулъ съ прямого пути направо. Весь его отрядъ, какъ одинъ человѣкъ, повернулъ за нимъ и все также галопомъ, промчался по боковой улицѣ. Только послѣдніе двадцать всадниковъ повернули коней и остановились у входа въ улицу; въ то же мгновеніе пѣхотинцы, которыхъ они везли, соскочили на землю; одни стали натягивать луки, другіе бросились въ дома съ обѣихъ сторонъ улицы и овладѣли ими, чтобы укрѣпиться тамъ.

Немногочисленные ланкастерцы, удивленные неожиданной перемѣной направленія и пораженные выдержкой и стойкостью непріятельскаго авангарда, послѣ короткаго совѣщанія повернулись и поскакали дальше въ городъ за подкрѣпленіями.

Кварталъ города, который занялъ, по совѣту Дика, Ричардъ Глочестеръ, состоялъ изъ пяти маленькихъ улицъ съ бѣдными, плохо населенными домами, лежавшими на очень небольшомъ холмѣ и открытыми съ задней стороны.

Эти пять улицъ должны были быть защищены сильными караулами; резервъ размѣстился въ центрѣ такъ, чтобы быть вдали

отъ выстрѣловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наготовѣ подать помощь, гдѣ она потребуется.

Кварталъ этотъ былъ настолько бѣденъ, что тутъ не жилъ никто изъ вельможъ ланкастерской партіи и даже мало кто изъ слугъ ихъ; обитатели его единодушно, съ кромкими криками покинули свои дома и побѣжали по улицамъ, или перелѣзли черезъ заборы.

Въ центрѣ, гдѣ сходились пять улицъ, стоялъ жалкій питейный домъ съ вывѣской, изображавшей шахматную доску. Герцогъ Глочестеръ избралъ его своей главной квартирой на этотъ день.

Онъ поручилъ Дику охрану одной изъ пяти улицъ.

— Ступайте, — сказалъ онъ, — заслуживайте себѣ шпоры. Стяжайте славу мнѣ; одинъ Ричардъ другому. Говорю вамъ, если я подымусь высоко, вы подыметесь по той же лѣстницѣ. Ступайте,—прибавилъ онъ, пожимая руку молодому Шельтону.

Но какъ только Дикъ ушелъ, герцогъ повернулся къ маленькому стрѣлку въ оборванной одеждѣ, стоявшему рядомъ съ нимъ.

— Иди, Деттонъ, и поскорѣе,—сказалъ онъ.—Иди слѣдомъ за этимъ юношей. Если ты убѣдишься въ его вѣрности, ты отвѣчаешь за него головой. Бѣда тебѣ, если вернешься безъ него! Но если онъ измѣнникъ, если ты хоть на минуту усумнишься въ немъ—нанеси ему ударъ сзади.

Между тѣмъ Дикъ старался укрѣпить свой постъ. Улица, которую онъ долженъ былъ защищать, была очень узка; по ней тянулся цѣлый рядъ домовъ, выдававшихся надъ дорогой; однако, улица эта, хотя узкая и темная, выходила на рыночную площадь города и потому главный исходъ боя, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ былъ рѣшиться тамъ.

Рыночная площадь была полна бѣжавшими въ безпорядкѣ горожанами, но непріятеля пока не было видно, и Дикъ рѣшилъ, что у него есть еще время приготовиться къ защитѣ.

Два дома въ концѣ улицы стояли пустые съ открытыми дверями такъ, какъ ихъ бросили убѣжавшіе обитатели. Дикъ велѣлъ выбросить оттуда мебель и быстро устроилъ баррикаду при входѣ въ переулокъ. Въ его распоряженіе было дано сто человѣкъ; большинство ихъ онъ размѣстилъ по домамъ, гдѣ они могли засѣсть въ безопасности и стрѣлять изъ оконъ. Остальныхъ онъ назначилъ на баррикаду подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ.

Между тѣмъ въ городѣ царили сильное волненіе и суматоха. Неумолчный звонъ колоколовъ, звукъ трубъ, быстрыя движенія конныхъ отрядовъ, крики командировъ, вопли женщинъ—все это сливалось въ оглушительный шумъ. Наконецъ, шумъ сталъ постепенно утихать и вскорѣ ряды вооруженныхъ воиновъ и отряды стрѣлковъ стали собираться и выстраиваться въ боевомъ порядкѣ на рыночной площади.

Большая часть этихъ воиновъ была въ одеждахъ темнокраснаго и синяго цвѣта, а въ рыцарѣ на конѣ, распоряжавшемся размѣщеніемъ отрядовъ, Дикъ узналъ сэра Даніэля Брэклея.

Наступила продолжительная пауза, послѣ которой, почти одновременно, зазвучали четыре трубы съ четырехъ различныхъ кварталовъ города. Въ отвѣтъ на нихъ на рыночной площади прозвучала пятая, и въ то же мгновеніе ряды двинулись, градъ стрѣлъ просвистѣлъ вокругъ баррикады и ударился о стѣны двухъ крайнихъ домовъ.

Атака началась, по общему сигналу, у всѣхъ пяти выходовъ квартала. Глочестеръ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, и Дикъ рѣшилъ, что для того, чтобы удержать позицію, онъ долженъ совершенно положиться на свою сотню команды.

Семь залповъ стрѣлъ послѣдовали одинъ за другимъ; въ самый разгаръ стрѣльбы Дикъ почувствовалъ, что кто-то дотронулся сзади до его руки и увидѣлъ пажа, который протягивалъ ему кожаныя латы съ блестящими металлическими бляхами.

— Отъ милорда Глочестера,—сказалъ пажъ. Онъ замѣтилъ, что вы вышли беззащитнымъ, сэръ Ричардъ.

Услышавъ слова: «сэръ Ричардъ», Дикъ, въ восторгѣ отъ полученнаго званія, всталъ и, съ помощью пажа, надѣлъ латы. Какъ разъ въ это время двѣ стрѣлы громко ударились о металлическія бляхи ея, не причинивъ никакого вреда; третья же попала въ пажа; смертельно раненый, онъ упалъ къ ногамъ Дика.

Между тѣмъ вся армія непріятеля рѣшительно подвигалась впередъ черезъ площадь и къ этому времени приблизилась настолько, что Дикъ отдалъ приказаніе отвѣчать на выстрѣлы. Немедленно, разнося всюду смерть, изъ-за баррикадъ и изъ оконъ домовъ посыпался градъ стрѣлъ. Но ланкастерцы какъ будто ожидали этого сигнала; съ громкими криками бросились они къ баррикадѣ; всадники съ опущенными забралами остались позади.

Начался упорный, смертельный рукопашный бой. Нападающіе, размахивая мечомъ одной рукой, другой старались разрушить баррикаду. Съ своей стороны защитники, какъ безумные, боролись за свое укрѣпленіе. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ борьба велась почти въ полномъ безмолвіи; друзья и недруги падали рядомъ. Но разрушать всегда легче, и когда протяжный звукъ трубы далъ нападающимъ сигналъ къ отступленію, большая часть баррикады была разобрана на куски, а все сооруженіе осѣло наполовину и готово было развалиться совсѣмъ.

Пѣхотинцы, отступавшіе на площадь, разбѣжались вправо и влѣво. Всадники, стоявшіе въ двѣ шеренги, внезапно повернулись и измѣнили фронтъ. Быстро, словно нападающій паукъ, длинная, одѣтая въ сталь колонна бросилась на полуразрушенную баррикаду.

Изъ двухъ первыхъ всадниковъ одинъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью, и товарищи проѣхали по нему. Второй вскочилъ на вершину укрѣпленія, пронзивъ копьемъ стоявшаго на ней стрѣлка. Почти въ то же мгновеніе его стащили съ сѣдла, а лошадь его была убита.

Новый сильный градъ стрѣлъ разогналъ защитниковъ. Воины по тѣламъ своихъ павшихъ товарищей въ бѣшеномъ порывѣ пронеслись черезъ прорванную линію Дика и съ оглушительнымъ шумомъ ворвались въ узкій переулокъ за площадью, подобно потоку, прорвавшему плотину и разливающемуся по берегамъ.

Но битва еще не окончилась. Дикъ и нѣсколько оставшихся въ живыхъ людей изъ его отряда работали алебардами, какъ дровосѣки, при входѣ въ улицу, а во всю ширину ея уже образовалось другое, болѣе высокое и дѣйствительное укрѣпленіе — валъ изъ павшихъ людей и лошадей съ выпавшими внутренностями, брыкавшихся въ предсмертной агоніи.

Остальная часть кавалеріи отступила передъ этимъ новымъ препятствіемъ. При видѣ этого движенія количество стрѣлъ, выпускаемыхъ изъ оконъ домовъ, удвоилось, и отступленіе всадниковъ на одно мгновеніе почти перешло въ бѣгство.

Почти въ то же время всадники, переѣхавшіе черезъ баррикаду и направившіеся дальше по улицѣ, были встрѣчены у дверей питейнаго дома грознымъ горбуномъ и всѣмъ резервомъ

юрксистовъ и въ полномъ безпорядкѣ, и ужасѣ бросились назадъ.

Дикъ и его люди повернулись лицомъ къ бѣглецамъ; свѣжія силы появились изъ домовъ; страшный градъ стрѣлъ полетѣлъ въ лицо бѣглецамъ, а Глочестеръ уже ѣхалъ въ ихъ тылу; минуту спустя на улицѣ не было ни одного живого ланкастерца.

Тогда и только тогда Дикъ поднялъ свой окровавленный мечъ, и войско разразилось радостными восклицаніями.

Между тѣмъ Глочестеръ сошелъ съ лошади и подошелъ, чтобы осмотрѣть позицію. Лицо его было блѣдно, какъ полотно, но глаза блестѣли, словно какіе-то странные, драгоцѣнные камни; когда онъ заговорилъ, голосъ его былъ хриплъ и слабъ отъ сильнаго волненія, вызваннаго битвой и успѣхомъ. Онъ взглянулъ на укрѣпленіе, къ которому ни врагъ, ни другъ не могли подойти безъ предосторожностей, такъ яростно бились тамъ лошади въ предсмертныхъ мукахъ, и криво улыбнулся при видѣ этой бойни.

— Покончите съ этими лошадьми,—сказалъ онъ,—онѣ мѣшаютъ вамъ. Ричардъ Шельтонъ,—прибавилъ герцогъ,—я доволенъ вами. Преклоните колѣна.

Ланкастерцы снова принялись за стрѣльбу изъ арбалетовъ, и стрѣлы густо летѣли въ средину улицы, но герцогъ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, вынулъ свой мечъ и тутъ же посвятилъ Ричарда въ рыцари.

— А теперь, сэръ Ричардъ,—продолжалъ онъ,—если вы увидите лорда Райзингэма, немедленно пришлите мнѣ гонца. Будь-то вашъ послѣдній воинъ, все-таки обязательно дайте знать мнѣ. Я лучше готовъ потерять позицію, чѣмъ случай нанести ему смертельный ударъ.—Замѣтьте всѣ мои слова,—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ,—если графъ Райзингэмъ умретъ не отъ моей руки, я буду считать эту побѣду за пораженіе.

— Милордъ герцогъ,—сказалъ одинъ изъ его спутниковъ,— неужели вашей милости не надоѣло безконечно подвергать опасности свою драгоцѣнную жизнь? Зачѣмъ мы медлимъ здѣсь?

— Кетсби,—возразилъ герцогъ,—битва идетъ только здѣсь. Остальное—только атака для отвода глазъ. Здѣсь мы должны побѣдить. А что касается опасности, будь вы некрасивымъ горбуномъ, надъ которымъ смѣются даже дѣти на улицахъ, вы дешевле цѣнили бы свою жизнь и считали бы, что часъ славы стоитъ жизни. Впрочемъ, если хотите, поѣдемте осмотрѣть другія по-

зиціи. Мой тезка, сэръ Ричардъ, будетъ продолжать защищать входъ въ эту улицу, гдѣ онъ бродитъ по колѣна въ горячей крови,

Герцогъ вынулъ мечъ и посвятилъ Ричарда въ рыцари...

На него мы можемъ положиться. Но замѣтьте, сэръ Ричардъ, съ вами не покончено. Худшее еще впереди. Не спите

Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ молодому Шельтону, заглянулъ ему прямо въ глаза и, взявъ его за руку, пож ее

такъ сильно, что изъ нея чуть не брызнула кровь. Взглядъ его глазъ поразилъ Дика. Безумное возбужденіе, храбрость и жестокость, которыя онъ прочелъ въ этихъ глазахъ, наполнили его душу страхомъ за будущее. Этотъ молодой герцогъ былъ дѣйствительно изъ тѣхъ храбрыхъ людей, что сражаются въ первыхъ рядахъ во время войны; но при взглядѣ на него казалось, что и въ дни мира, въ кругу вѣрныхъ ему людей, этотъ человѣкъ будетъ сѣять смерть.

III. Битва при Шорби.

(Заключеніе).

Дикъ, снова оставшись одинъ, сталъ оглядываться. Стрѣлы летѣли въ меньшемъ количествѣ. Враги отступали со всѣхъ сторонъ, и большая часть площади была пустынна. Снѣгъ въ иныхъ мѣстахъ превратился въ грязь оранжеваго цвѣта, въ другихъ былъ окрашенъ пятнами густой, запекшейся крови; онъ былъ покрытъ разсѣянными повсюду трупами людей и лошадей и густо усѣянъ оперенными стрѣлами.

Потери со стороны Дика были очень велики. Входы въ маленькую улицу были завалены мертвецами и умирающими; изъ сотни людей, съ которыми онъ началъ битву, не осталось и семидесяти способныхъ держать оружіе.

Между тѣмъ день склонялся къ вечеру. Первыя подкрѣпленія могли появиться каждую минуту, а ланкастерцы, уже потрясенные результатомъ отчаяннаго, но безуспѣшнаго нападенія, были въ слишкомъ плохомъ настроеніи, чтобы отразить новое нападеніе враговъ.

На стѣнѣ одного изъ двухъ крайнихъ домовъ были солнечные часы; при свѣтѣ морознаго зимняго солнца они показывали десять часовъ утра.

Дикъ обернулся къ стоявшему рядомъ съ нимъ маленькому, незначительному стрѣлку, перевязывавшему свои раны.

— Хорошо сражались,—сказалъ онъ,—и, правду говоря, они не нападутъ на насъ дважды.

— Сэръ,—сказалъ маленькій стрѣлокъ,—вы хорошо бились за іоркскій домъ и еще лучше за себя. Никогда еще ни одному человѣку не удавалось пріобрѣсти такъ скоро расположеніе герцога. Просто чудеса, что онъ довѣрилъ такой постъ незнакомому

ему человѣку. Но берегите свою голову, сэръ Ричардъ! Если вы будете побѣждены, если вы отступите хоть на футъ—сѣкира или веревка накажутъ васъ. Я честно говорю вамъ, что я приставленъ къ вамъ для того, чтобы нанести вамъ ударъ сзади, если вы сдѣлаете что-либо сомнительное.

Дикъ съ изумленіемъ взглянулъ на маленькаго стрѣлка.

— Вы!—крикнулъ онъ.—И ударъ сзади!

— Вотъ именно,—отвѣтилъ стрѣлокъ,—и такъ какъ мнѣ не нравится это дѣло, то я и говорю вамъ. Вы должны удержать позицію, сэръ Ричардъ; иначе вамъ грозитъ опасность. О, нашъ горбунъ—храбрый, хорошій воинъ, но любитъ, чтобы его приказанія исполнялись независимо отъ того, хладнокровно или горячо онъ относится къ данному дѣлу. Тѣ, кто не исполняетъ ихъ совсѣмъ или медлитъ исполненіемъ, подвергаются смерти.

— Однако, клянусь святыми!—проговорилъ Ричардъ.—Неужели это такъ? И люди идутъ за такимъ вождемъ?

— И съ радостью,—отвѣтилъ стрѣлокъ;—если онъ строгъ въ наказаніяхъ, то щедръ на награды. И если онъ не жалѣетъ крови и пота другихъ, то не щадитъ и себя—всегда въ первомъ ряду во время битвы, всегда послѣднимъ ложится спать. Онъ далеко пойдетъ, горбатый Дикъ Глочестеръ!

Если и прежде молодой рыцарь отличался храбростью и бдительностью, то теперь онъ еще больше чувствовалъ необходимость осмотрительности и мужества. Онъ начиналъ понимать, что неожиданная милость герцога принесла съ собой опасности. Онъ отвернулся отъ стрѣлка и тревожно оглядѣлъ площадь. Она была попрежнему пустынна.

— Мнѣ не нравится это спокойствіе,—сказалъ онъ.—Безъ сомнѣнія, намъ подготовляется какой-нибудь сюрпризъ.

Какъ будто въ отвѣтъ на его замѣчаніе непріятельскіе стрѣлки снова двинулись къ баррикадѣ, и стрѣлы снова полетѣли градомъ. Но что-то нерѣшительное замѣчалось въ атакѣ. Стрѣлки какъ будто поджидали сигнала къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Дикъ тревожно оглядывался вокругъ въ ожиданіи скрытой опасности. И, дѣйствительно, въ домѣ, стоявшемъ приблизительно наполовинѣ маленькой улицы, внезапно отворилась дверь, и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ изъ двери и оконъ дома лился потокъ ланкастерскихъ стрѣлковъ. Они поспѣшно выстрои-

лись, натянули луки и стали осыпать стрѣлами тылъ отряда Дика.

Въ то же время нападавшіе на площади увидѣли количество выстрѣловъ и начали энергично наступать на баррикаду.

Дикъ вызвалъ изъ домовъ весь свой отрядъ, поставилъ людей въ два фронта и, ободряя ихъ словами и жестами, сталъ отвѣчать, насколько возможно лучше, на градъ стрѣлъ, сыпавшихся съ двухъ сторонъ на его позицію.

Между тѣмъ на улицѣ домъ отворялся за домомъ; ланкастерцы продолжали выливаться потоками изъ дверей, выпрыгивать изъ оконъ съ побѣдными криками; вскорѣ число враговъ въ тылу у Дика почти равнялось числу стоявшихъ передъ нимъ. Становилось очевиднымъ, что онъ не въ состояніи удержать позиціи, и, что было еще хуже, она становилась безполезной, если бы даже онъ могъ удержать ее; все войско іорксистовъ очутилось въ безпомощномъ положеніи и на краю гибели.

Стоявшіе у него въ тылу люди составляли, очевидно, слабую сторону непріятеля; на нихъ-то и бросился Дикъ во главѣ своего отряда. Атака была такъ энергична, что ланкастерскіе стрѣлки дрогнули и отступили, потомъ, сомкнувъ ряды, начали толпами возвращаться въ дома, изъ которыхъ вышли такъ недавно и съ такой самоувѣренностью.

Между тѣмъ враги, явившіеся съ площади, прорвались черезъ незащищаемую больше баррикаду и ожесточенно напали на стоявшихъ позади нея воиновъ. Дику снова пришлось повернуться и оттонять непріятеля. Опять мужество его воиновъ одержало верхъ; они съ торжествомъ очистили улицу, но какъ разъ затѣмъ изъ домовъ снова вышли ланкастерцы и въ третій разъ напали на нихъ съ тылу.

Іорксисты были разсѣяны; нѣсколько разъ Дикъ оказывался одинъ среди враговъ и долженъ былъ усиленно работать своимъ блестящимъ мечомъ, чтобы спасти себѣ жизнь; нѣсколько разъ онъ чувствовалъ, что раненъ. А битва на улицѣ все продолжалась безъ рѣшительнаго результата.

Вдругъ Дикъ услышалъ громкій звукъ трубъ, доносившійся съ окраинъ города. Боевой крикъ іорксистовъ, повторяемый множествомъ ликующихъ голосовъ, вздымался къ небу. Наступавшіе непріятели поспѣшно отступили и бросились съ улицы обратно на площадь. Кто-то отдалъ приказаніе бѣжать. Трубы звучали

отчаянно; кто трубилъ сборъ, кто атаку. Очевидно, былъ нанесенъ сильный ударъ, и ланкастерцы, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, были отброшены въ полномъ безпорядкѣ и даже бѣжали въ паническомъ страхѣ.

Затѣмъ, словно театральный эффектъ, наступилъ послѣднiй актъ битвы при Шорби. Воины, нападавшiе съ фронта, вдругъ повернулись, какъ собака, которую призываютъ домой, и побѣжали съ быстротой вѣтра. Въ то же самое время черезъ площадь пронесся вихрь всадниковъ; ланкастерцы, оборачиваясь назадъ, отбивались мечами, iорксисты опрокидывали ихъ, давили копытами своихъ коней и кололи копьями.

Среди этой отчаянной схватки Дикъ увидѣлъ горбуна. Онъ особенно выдѣлялся и давалъ уже предчувствовать ту яростную отвагу и умѣнье пробиваться сквозь ряды воиновъ, которыя онъ выказалъ много лѣтъ спустя на Босворскомъ полѣ, когда онъ уже былъ запятнанъ преступленiями, и которыя чуть было не измѣнили исхода сраженiя и не рѣшили судьбы трона Англiи. Онъ ловко избѣгалъ ударовъ, наносилъ ихъ, топталъ павшихъ; онъ такъ искусно управлялъ своимъ могучимъ конемъ, такъ успѣшно защищался, такъ обильно расточалъ смертельные удары своимъ противникамъ, что давно опередилъ всѣхъ своихъ рыцарей и окровавленнымъ мечомъ пролагалъ себѣ путь къ лорду Райзингэму, собиравшему вокругъ себя самыхъ храбрыхъ изъ своихъ приверженцевъ. Еще одно мтновенiе, и они встрѣтились; высокiй, величественный, знаменитый воинъ съ безобразнымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ.

Шельтонъ ни минуты не сомнѣвался въ результатѣ этой встрѣчи. Когда толпа сражающихся порѣдѣла, графъ исчезъ. А горбатый Дикъ вскочилъ на коня и бросился въ самый разгаръ схватки, яростно размахивая мечомъ.

Такимъ образомъ, благодаря мужеству Шельтона, удержавшаго за собой входъ въ улицу во время первой атаки и своевременному появленiю подкрѣпленiя въ семьсотъ человѣкъ, юноша, извѣстный впослѣдствiи потомству подъ вызывающимъ омерзенiе и проклятiя именемъ Ричарда III, выигралъ первое свое значительное сраженiе.

IV. Разгромъ Шорби.

На всемъ видимомъ пространствѣ не осталось ни одного врага. Дикъ, печально оглядывая остатки своего храбраго отряда, началъ подсчитывать, во что обошлась побѣда. Теперь, когда прошла опасность, онъ чувствовалъ такую боль отъ раны и одеревенѣлость во всѣхъ членахъ, такъ усталъ, былъ такъ разбитъ, и—главное—такъ истощенъ отъ отчаянныхъ и безпрестанныхъ усилій, что казался неспособнымъ къ новымъ.

Но время отдыха еще не наступило. Шорби былъ взятъ приступомъ, и хотя это былъ неукрѣпленный городъ, который не могъ оказать сильнаго сопротивленія, ясно было, что грубые воины будутъ не менѣе грубы послѣ окончанія сраженія, и что теперь долженъ произойти самый ужасный актъ войны. Ричардъ Глочестеръ былъ не изъ тѣхъ вождей, которые стали бы защищать горожанъ отъ своихъ разъяренныхъ солдатъ; впрочемъ, если бы у него и было это желаніе, то еще вопросъ, нашлось ли бы у него достаточно власти для этого.

Поэтому, Дику нужно было отыскать Джоанну, чтобы защитить ее. Онъ внимательно оглядѣлъ своихъ людей. Трехъ-четырехъ изъ нихъ, на послушаніе и трезвость которыхъ онъ больше разсчитывалъ, онъ отозвалъ въ сторону и, обѣщавъ щедро наградить и рекомендовать герцогу, повелъ ихъ по пустынной теперь площади въ болѣе отдаленныя улицы.

То тутъ, то тамъ на улицахъ происходили еще схватки между двумя, а иногда и дюжиной бойцовъ; тамъ и сямъ защитники какого-нибудь осаждаемаго дома выбрасывали изъ оконъ столъ и стулья на головы нападавшихъ. Снѣгъ былъ усѣянъ оружіемъ и трупами, но, за исключеніемъ отдѣльныхъ стычекъ, улицы были пустынны; нѣкоторые дома стояли растворенными настежь; у другихъ были закрыты ставни и загорожены входы; изъ трубъ не подымался дымъ.

Дикъ, пройдя между сражавшимися, быстро повелъ своихъ спутниковъ по направленію къ церкви аббатства. Крикъ ужаса сорвался съ его устъ, когда онъ вышелъ на главную улицу. Большой домъ сэра Даніэля былъ взятъ приступомъ. Разбитыя двери висѣли на петляхъ; толпы людей входили въ домъ и выходили оттуда, унося добычу. Но въ верхнихъ этажахъ, оче-

видно, еще оказывали сопротивленіе грабителямъ, потому что какъ разъ въ то время, какъ Дикъ увидѣлъ домъ, одно изъ оконъ открылось изнутри; какого-то бѣднягу, сопротивлявшагося съ громкими криками, подтащили къ окну и выбросили на улицу.

Страшная тревога овладѣла душой Дика. Какъ безумный, бросился онъ къ дому, растолкалъ всѣхъ, стоявшихъ впереди, и, не останавливаясь, добѣжалъ до комнаты въ третьемъ этажѣ, гдѣ онъ въ послѣдній разъ разстался съ Джоанной. Она вся была разрушена: мебель опрокинута, шкафы открыты; кусокъ оторванныхъ обоевъ дымился на полу.

Дикъ почти безсознательно затопталъ начинавшійся пожаръ и потомъ остановился пораженный. Сэръ Даніэль, сэръ Оливеръ, Джоанна—всѣ исчезли; но кто можетъ сказать, убиты ли они въ схваткѣ, или имъ удалось въ безопасности выбраться изъ Шорби?

Онъ схватилъ проходящаго стрѣлка за плащъ.

— Любезный,—спросилъ онъ,—ты былъ здѣсь, когда брали этотъ домъ?

— Пустите,—сказалъ стрѣлокъ-.—Чортъ возьми, пустите, не то я побью васъ.

— Слушай,—сказалъ Ричардъ,—въ эту игру могутъ играть двое. Остановись и отвѣчай ясно.

Но стрѣлокъ, разгоряченный виномъ и битвой, ударилъ Дика въ плечо одной рукой, а другой вырвалъ одежду изъ его рукъ. Тутъ молодой вождь далъ полную волю своему гнѣву. Онъ крѣпко сжалъ стрѣлка въ своихъ сильныхъ объятіяхъ и прижалъ его, какъ ребенка, къ своей закованной груди; потомъ, держа его на разстояніи протянутой руки, онъ приказалъ ему говорить, если дорожитъ жизнью.

— Сжальтесь, умоляю! — задыхаясь, проговорилъ стрѣлокъ.—Если бы я думалъ, что вы такой сердитый, я былъ бы осторожнѣе. Да, я былъ здѣсь.

— Ты знаешь сэра Даніэля?—продолжалъ Дикъ.

— Хорошо знаю,—отвѣтилъ стрѣлокъ.

— Былъ онъ въ домѣ?

— Да, былъ, сэръ,—отвѣтилъ стрѣлокъ,—но какъ только мы вошли въ ворота на дворѣ, онъ уѣхалъ черезъ садъ.

— Одинъ?—крикнулъ Дикъ.

— Съ нимъ было, можетъ быть, человѣкъ двадцать солдатъ,—сказалъ стрѣлокъ.

— Солдатъ! А женщинъ, значитъ, не было? — спросилъ Шельтонъ.

— Право, не знаю,—сказалъ стрѣлокъ.—Но въ домѣ ихъ не было, если вы это желаете знать.

— Благодарю тебя,—сказалъ Дикъ.—Вотъ тебѣ монета за труды.—Дикъ порылся въ сумкѣ и не нашелъ ничего.—Спроси завтра меня,—прибавилъ онъ.—Ричардъ Шель...—сэръ Ричардъ Шельтонъ,—поправился онъ,—и я щедро вознагражу тебя.

Вдругъ Дику пришла въ голову одна мысль. Онъ поспѣшно выбѣжалъ на дворъ, пробѣжалъ изо всѣхъ силъ черезъ садъ и очутился передъ главнымъ входомъ въ церковь. Дверь была широко открыта; внутри вся церковь была набита бѣглецами-горожанами, окруженными семьями и нагруженными своимъ самымъ драгоцѣннымъ добромъ; у главнаго алтаря священники въ полномъ облаченіи призывали милость Господню. Какъ разъ въ то мгновеніе, когда вошелъ Дикъ, громкій хоръ раздался подъ сводчатой крышей.

Онъ поспѣшно прошелъ среди группъ бѣглецовъ и дошелъ до двери лѣстницы, которая вела на колокольню. Высокій священникъ всталъ передъ нимъ и загородилъ входъ.

— Куда, сынъ мой?—сурово спросилъ онъ.

— Отецъ мой,—отвѣтилъ Дикъ,—я пришелъ сюда съ порученіемъ. Не останавливайте меня. Я распоряжаюсь здѣсь вмѣсто лорда Глочестера.

— Лорда Глочестера? — повторилъ священникъ. — Развѣ сраженіе окончилось такъ печально?

— Сраженіе окончено, отецъ мой; ланкастерцы совершенно разбиты, милордъ Райзингемъ—упокой, Господи, его душу!—остался на полѣ битвы. А теперь, съ вашего позволенія, я пойду по своимъ дѣламъ. — И, отстранивъ видимо пораженнаго священника, Дикъ толкнулъ дверь, пробѣжалъ по лѣстницѣ, прыгая сразу черезъ четыре ступеньки, не останавливаясь и не спотыкаясь, и вышелъ на открытую площадку наверху лѣстницы.

Колокольня церкви въ Шорби не только возвышалась надъ всѣмъ городомъ, но съ нея можно было съ обѣихъ сторонъ видѣть море и сушу, какъ на географической картѣ. Время близилось къ полудню; день былъ чрезвычайно ясный, снѣгъ ослѣ-

пителенъ. Когда Дикъ оглянулся вокругъ, онъ могъ оцѣнить результаты битвы.

Съ улицъ до него доносился смутный, глухой гулъ и по временамъ—но очень рѣдко—лязгъ оружія. Въ гавани не осталось ни одного корабля, ни одной лодки; но море было покрыто парусными и гребными судами, нагруженными бѣглецами. На берегу снѣжная поверхность луговъ нарушалась группами всадниковъ; одни изъ нихъ пробивали себѣ путь къ опушкѣ лѣса; другіе—безъ сомнѣнія приверженцы іорксистской партіи—смѣло останавливали ихъ и прогоняли обратно въ городъ. На всемъ пространствѣ открытой мѣстности, ясно обрисовываясь на снѣгу, лежало громадное количество павшихъ людей и лошадей.

Въ заключеніе картины пѣхотинцы, не нашедшіе себѣ мѣста на судахъ, продолжали бой у порта и изъ-подъ прикрытія прибрежныхъ тавернъ. Въ этомъ кварталѣ также было подожжено нѣсколько домовъ, и дымъ, освѣщенный лучами солнца, высоко подымался въ морозномъ воздухѣ и неслся огромными столбами къ морю.

Одна группа всадниковъ, приближавшаяся уже къ опушкѣ лѣса какъ будто по прямому направленію къ Холивуду, привлекла вниманіе молодого наблюдателя на колокольнѣ. Группа была довольно многочисленна; ни въ какомъ другомъ мѣстѣ сраженія не было видно столькихъ ланкастерцевъ сразу; они оставили за собой по снѣгу широкій слѣдъ, загрязнившій его цвѣтъ, и Дикъ могъ прослѣдить шагъ за шагомъ, откуда они выѣхали изъ города.

Пока Дикъ наблюдалъ за ними, они достигли безпрепятственно первой опушки безлиственнаго лѣса; когда они свернули немного въ сторону, лучъ солнца упалъ на мгновеніе прямо на ихъ одежды, виднѣвшіяся на фонѣ темнаго лѣса.

— Темнокрасныя съ синимъ!—выкрикнулъ Дикъ. — Клянусь, темнокрасныя съ синимъ!

Въ слѣдующее мгновеніе онъ спускался съ лѣстницы.

Ему нужно было отыскать герцога Глочестера, который одинъ, при безпорядкѣ, царствовавшемъ въ арміи, могъ дать ему достаточное количество людей. Сраженіе въ главной части города было, въ сущности, закончено, и Дикъ, бѣгавшій то туда, то сюда въ поискахъ предводителя, постоянно встрѣчалъ расхаживавшихъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ шатались подъ тя-

жестью добычи; другіе были пьяны и громко кричали. Никто не могъ отвѣтить на его разспросы о мѣстопребываніи герцога. Наконецъ—только по счастливой случайности—Дикъ нашелъ его. Герцогъ, сидя на сѣдлѣ, распоряжался, отдавая приказанія насчетъ вытѣсненія стрѣлковъ изъ гавани.

— Сэръ Ричардъ Шельтонъ, вы пришли во-время, — сказалъ онъ, — я обязанъ вамъ тѣмъ, что не особенно цѣню — жизнью и еще тѣмъ, за что никогда не могу отплатить—этой побѣдой. Кстати, будь у меня десять такихъ воиновъ, какъ сэръ Ричардъ, я могъ бы прямо идти на Лондонъ. А теперь, сэръ, требуйте себѣ награды.

— Охотно, милордъ, — сказалъ Дикъ, — охотно и громко. Бѣжалъ одинъ человѣкъ, который причинилъ мнѣ довольно много зла, и взялъ съ собой любимую и уважаемую мной дѣвушку. Дайте мнѣ пятьдесятъ коней, чтобы я могъ догнать ихъ—и всякій долгъ, который вы такъ любезно берете на себя, будетъ вполнѣ уплаченъ.

— Какъ его зовутъ?—спросилъ герцогъ.

— Сэръ Даніэль Брэклей,—отвѣтилъ Ричардъ.

— Впередъ противъ него, лицемѣра! — крикнулъ Глочестеръ.—Это не награда вамъ, сэръ Ричардъ; вы оказываете новую услугу и если привезете мнѣ его голову, то это будетъ новый долгъ на моей совѣсти. Кетсби, дать ему солдатъ; а вы, сэръ, обдумайте покуда, что я могу дать вамъ, что было бы вамъ пріятно, почетно или выгодно.

Какъ разъ въ эту минуту іоркисты взяли одну изъ прибрежныхъ тавернъ, окруживъ ее съ трехъ сторонъ. Защитниковъ таверны они выгнали или взяли въ плѣнъ. Горбатый Дикъ благосклонно привѣтствовалъ этотъ подвигъ и, подогнавъ немного лошадь, потребовалъ, чтобы ему показали плѣнниковъ.

Ихъ было четверо или пятеро — среди нихъ двое слугъ лорда Шорби, одинъ—лорда Райзингема. Послѣдній—но не въ глазахъ Дика—былъ высокій, сѣдой, старый морякъ, полупьяный, съ неуклюжей походкой. За нимъ, по пятамъ, съ визгомъ, подпрыгивая, бѣжала собака.

Молодой герцогъ остановился и окинулъ ихъ суровымъ взглядомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Повѣсить ихъ.

И онъ повернулся въ другую сторону и сталъ наблюдать за ходомъ боя.

— Милордъ,—сказалъ Дикъ,—я нашелъ себѣ награду. Даруйте жизнь и свободу этому старому моряку.

Глочестеръ обернулся и взглянулъ въ лицо Дику.

— Сэръ Ричардъ,—сказалъ онъ,—я сражаюсь не павлиньими перьями, а стальными стрѣлами. Враговъ моихъ я убиваю безъ всякихъ извиненій и милости. Вспомните, что въ англійскомъ королевствѣ, раздираемомъ на клочки, у каждаго изъ моихъ воиновъ есть братъ или другъ, принадлежащій къ другой партіи. Если бы я началъ оказывать помилованіе, мнѣ осталось бы только вложить мой мечъ въ ножны.

— Можетъ быть, милордъ; но я буду очень смѣлъ и, рискуя навлечь на себя вашу немилость, напомню обѣщаніе вашей милости,—отвѣтилъ Дикъ.

Ричардъ Глочестеръ вспыхнулъ.

— Замѣтье хорошенько, — рѣзко проговорилъ онъ, — я не люблю ни милости, ни торговцевъ милостями. Сегодня вы положили основаніе блестящей карьерѣ. Если вы будете настаивать на исполненіи даннаго вамъ слова, я уступлю. Но, клянусь небесами, тѣмъ и окончатся мои милости.

— Вся потеря съ моей стороны,—сказалъ Дикъ.

— Отдайте ему его матроса,—сказалъ герцогъ и, дернувъ лошадь за поводъ, повернулся спиной къ Дику.

Дикъ не чувствовалъ ни радости, ни печали. Онъ слишкомъ многое видѣлъ со стороны герцога, чтобы особенно дорожить его привязанностью; возникновеніе благосклонности герцога и развитіе ея были слишкомъ необоснованы и поспѣшны, чтобы внушить довѣріе. Одного онъ боялся—мстительный вождь могъ отказать ему въ солдатахъ. Но тутъ онъ былъ несправедливъ въ своемъ мнѣніи о чести Глочестера (какова бы она ни была) и, главное, о его рѣшительности. Если онъ разъ счелъ Дика подходящимъ человѣкомъ для преслѣдованія сэра Даніэля, то не измѣнилъ бы своего мнѣнія. Онъ скоро доказалъ это, крикнувъ Кетсби, чтобы тотъ поторопился, такъ какъ паладинъ ждетъ его.

Дикъ, между тѣмъ, обратился къ старому моряку, который,

казалось, отнесся одинаково равнодушно какъ къ осужденію на смерть, такъ и къ послѣдующему избавленію.

— Арбластеръ, — сказалъ Дикъ, — я причинилъ тебѣ зло; но теперь, клянусь распятіемъ, я думаю, что загладилъ его.

Однако, старый шкиперъ только глупо взглянулъ на него и продолжалъ хранить молчаніе.

— Ну,—продолжалъ Дикъ,—жизнь все-таки жизнь, старый ворчунъ, и значитъ больше всякихъ судовъ и напитковъ. Скажи, что ты прощаешь меня; если твоя жизнь ничего не значитъ для тебя, то мнѣ-то она стоила только что начинавшейся карьеры. Вѣдь, я дорого заплатилъ за это; ну, не будь же невѣжливъ.

— Если бы у меня было мое судно,—сказалъ Арбластеръ,— я былъ бы теперь далеко, въ безопасности, въ открытомъ морѣ—я и мой слуга Томъ. Но вы взяли мое судно, кумъ, и я нищій; а моего слугу Тома застрѣлилъ какой-то человѣкъ въ грубой одеждѣ.—Чортъ возьми!—сказалъ онъ и больше ничего не добавилъ... «Чортъ возьми» были послѣднія его слова, и бѣдная его душа отлетѣла. Я никогда уже не буду больше плавать съ моимъ Томомъ.

Безполезное раскаяніе и жалость овладѣли душой Дика; онъ хотѣлъ взять руку шкипера, но Арбластеръ уклонился отъ его прикосновенія.

— Нѣтъ, оставьте,—сказалъ онъ.—Вы сыграли со мной дьявольскую штуку; будьте довольны и этимъ.

Слова замерли на устахъ Ричарда. Сквозь слезы смотрѣлъ онъ, какъ бѣдный старикъ, согбенный отъ пьянства и горя, медленно, съ опущенной головой потащился прочь по снѣгу, не замѣчая собаки, взвизгивавшей рядомъ съ нимъ. Въ первый разъ Дикъ началъ понимать отчаянную игру, которую мы ведемъ въ жизни, въ первый разъ понялъ, что разъ сдѣланное не можетъ быть измѣнено или исправлено никакимъ раскаяніемъ.

Но у него не было времени на напрасныя сожалѣнія. Кетсби собралъ всадниковъ; подъѣхавъ къ Дику, онъ сошелъ съ лошади и предложилъ ее Дику.

— Сегодня утромъ,—сказалъ онъ,—я нѣсколько завидовалъ милостямъ, которыми васъ осыпали; онѣ недолго продолжались; а теперь, сэръ Ричардъ, я отъ всего сердца предлагаю вамъ эту лошадь—чтобы вы ускакали на ней.

— Погодите минутку,—сказалъ Дикъ.—Эти милости — на чемъ онѣ были основаны?

— На вашемъ имени,—отвѣтилъ Кетсби. — Это главный предразсудокъ милорда. Если бы меня звали Ричардомъ, завтра я сталъ бы графомъ.

— Ну, сэръ, благодарю васъ,—сказалъ Дикъ,—а такъ какъ мнѣ врядъ ли придется добиться такого высокаго положенія, то я заодно прощусь съ вами. Не стану притворяться, будто мнѣ было непріятно считать себя на дорогѣ къ удачѣ; но не стану и принимать видъ, будто очень огорченъ, что это кончилось. Конечно, власть и богатство—славныя вещи; но, шепну вамъ на ухо одно словечко:—вашъ герцогъ—страшный человѣкъ.

Кетсби разсмѣялся.

— Зато съ горбатымъ Дикомъ можно далеко уѣхать,—сказалъ онъ.—Ну, да сохранитъ Господь всѣхъ насъ отъ зла! Добраго пути!

Дикъ сталъ во главѣ своихъ людей и, давъ приказаніе отправиться, поѣхалъ впередъ.

Онъ ѣхалъ черезъ городъ, слѣдуя, какъ онъ полагалъ, дорогой сэра Даніэля, и оглядываясь вокругъ въ ожиданіи увидѣть что-либо, что могло подтвердить его предположенія.

Улицы были усѣяны мертвыми и ранеными; положеніе послѣднихъ въ этотъ жестокій холодъ было гораздо болѣе достойно сожалѣнія. Шайки побѣдителей расхаживали изъ дома въ домъ, грабя и убивая, а иногда распѣвая пѣсни.

Со всѣхъ сторонъ до ушей молодого Шельтона доносились звуки, говорившіе о насиліи и оскорбленіяхъ: то удары большого молота въ какую-нибудь забаррикадированную дверь, то отчаянные крики женщинъ.

Сердце Дика только что пробудилось. Онъ только что увидѣлъ жестокія послѣдствія своего собственнаго поступка, и мысль о той суммѣ несчастія, которая накопилась во всемъ Шорби, наполняла отчаяніемъ его душу.

Наконецъ, онъ выѣхалъ въ предмѣстье города и ясно увидѣлъ прямо передъ собой тотъ широкій, утоптанный слѣдъ на снѣгу, который замѣтилъ съ вершины колокольни. Онъ поѣхалъ скорѣе, не переставая внимательно вглядываться въ павшихъ людей и лошадей, лежавшихъ по обѣ стороны слѣда. Онъ съ облегченіемъ замѣтилъ, что всѣ эти люди были одѣты въ

цвѣта сэра Даніэля, и даже узналъ лица тѣхъ, которые лежали на спинѣ.

Приблизительно на полдорогѣ между городомъ и лѣсомъ на людей, по слѣдамъ которыхъ онъ ѣхалъ, очевидно, напали какіе-то стрѣлки; каждый изъ труповъ, лежавшихъ довольно близко другъ отъ друга, былъ пронзенъ стрѣлой. Среди другихъ Дикъ замѣтилъ очень молодого юношу, лицо котораго показалось ему странно знакомымъ.

Онъ остановилъ свой отрядъ, сошелъ съ лошади и приподнялъ голову мальчика. При этомъ капюшонъ спалъ, и длинные, пышные, темные волосы разсыпались по плечамъ. Въ то же мгновеніе мальчикъ открылъ глаза.

— А, укротитель львовъ!—сказалъ слабый голосъ.—Она дальше. Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣй!

И бѣдная молодая дѣвушка снова лишилась сознанія.

У одного изъ людей отряда Дика была съ собой фляжка съ какимъ-то крѣпкимъ напиткомъ. Дику удалось привести дѣвушку въ чувство. Тогда онъ взялъ къ себѣ на сѣдло подругу Джоанны и снова поскакалъ къ лѣсу.

— Зачѣмъ вы взяли меня?—сказала дѣвушка.—Это задерживаетъ васъ.

— Нѣтъ, миссисъ Райзингемъ,—отвѣтилъ Дикъ. — Шорби полонъ крови, пьянства и буйства. А здѣсь вы въ безопасности; успокойтесь.

— Я не хочу быть обязанной никому изъ вашей партіи,—кричала она,—пустите меня!

— Вы не знаете, что говорите, сударыня, — возразилъ Дикъ,—вы ранены...

— Нѣтъ,—сказала она.—У меня убита лошадь.

— Это все равно,—сказалъ Ричардъ.—Вы здѣсь въ открытомъ мѣстѣ, на снѣгу, окружены врагами. Хотите вы, или не хотите, я увожу васъ съ собой. Очень радъ этому случаю, потому что такимъ образомъ уплачу хоть часть нашего долга.

Нѣсколько времени она молчала. Потомъ внезапно спросила:

— Мой дядя?

— Лордъ Райзингемъ?—спросилъ Дикъ.—Хотѣлось бы мнѣ сообщить вамъ хорошія вѣсти; но у меня нѣтъ ихъ. Я видѣлъ его разъ во время сраженія, только разъ. Будемъ надѣяться на лучшее.

V. Ночь въ лѣсу.—Алиса Райзингемъ.

Сэръ Даніэль, по всѣмъ вѣроятіямъ, направился въ Моотъ-Хаусъ; но, принимая во вниманіе густой снѣгъ, позднее время, необходимость избѣгать большія дороги и пробираться черезъ лѣсъ, онъ, по всей вѣроятности, не могъ надѣяться добраться туда до слѣдующаго утра.

У Дика было два выхода: продолжать преслѣдованіе рыцаря и, если возможно, напасть на него въ ту же ночь въ лагерѣ, или отыскать другую дорогу и постараться пересѣчь путь сэра Даніэля.

И тотъ, и другой планъ вызывали серьезныя возраженія, и Дикъ, боявшійся подвергнуть Джоанну случайностямъ сраженія, еще не рѣшилъ, который принять, когда доѣхалъ до опушки лѣса.

Тутъ сэръ Даніэль повернулъ нѣсколько налѣво и затѣмъ углубился въ чащу высокаго, величественнаго лѣса. Отрядъ его былъ перестроенъ болѣе узкимъ фронтомъ, чтобы пройти между деревьями, и, сообразно этому, слѣды болѣе ясно отпечатывались на снѣгу. Глазъ могъ прослѣдить ихъ подъ сводами безлиственныхъ дубовъ; слѣды шли тѣсными рядами въ прямомъ направленіи; деревья стояли надъ ними со своими узловатыми сучьями и подымающейся кверху чащей вѣтвей; не слышно было ни звука, обнаруживающаго присутствіе человѣка, или животнаго—даже шороха крыльевъ реполова, а на снѣжномъ полѣ лучи зимняго солнца отливали золотомъ среди узорчатыхъ тѣней.

— Какъ вы скажете,—спросилъ Дикъ одного изъ людей своего отряда,—продолжать ли намъ преслѣдовать ихъ, или направиться прямо въ Тонсталль?

— Сэръ Ричардъ,—отвѣтилъ солдатъ,— я бы ѣхалъ по слѣдамъ, пока они не разсѣятся.

— Вы, безъ сомнѣнія, правы,—сказалъ Ричардъ,—но мы отправились очень поспѣшно, такъ какъ времени было мало Тутъ нѣтъ ни домовъ, ни ѣды, негдѣ укрыться; къ завтрашнему разсвѣту мы познакомимся и съ отмороженными пальцами, и съ голоднымъ желудкомъ. Что вы скажете, молодцы? Согласны вы потерпѣть немного ради успѣха нашей экспедиціи, или повер-

немъ у Холивуда и поужинаемъ въ аббатствѣ? Такъ какъ дѣло довольно сомнительное, то я никого не принуждаю; но, если бы вы позволили мнѣ посовѣтовать вамъ, вы выбрали бы первое.

Солдаты отвѣтили почти въ одинъ голосъ, что они пойдутъ за сэромъ Ричардомъ, куда онъ пожелаетъ.

Дикъ пришпорилъ лошадь и снова двинулся впередъ.

Слѣды на снѣгу были очень глубоки, и потому преслѣдователи имѣли большое преимущество надъ преслѣдуемыми. Всадники ѣхали крупною рысью; двѣсти подковъ попеременно глухо ударяли о снѣжный покровъ, а лязгъ оружія и фырканіе лошадей подымали воинственный шумъ вдоль сводовъ безмолвнаго лѣса.

Наконецъ, слѣдъ вышелъ на большую дорогу изъ Холивуда; тутъ онъ потерялся на минуту, и, когда снова появился дальше, на проторенномъ снѣгу, Дикъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что слѣдовъ стало уже далеко не такъ много. Очевидно, сэръ Даніэль, пользуясь дорогой, раздѣлилъ свой отрядъ.

Такъ какъ всѣ шансы были одинаковы, то Дикъ продолжалъ ѣхать по слѣду въ прямомъ направленіи; послѣ часа ѣзды, когда всадники заѣхали въ самую глубину лѣса, слѣдъ этотъ—словно лопнувшая граната—вдругъ распался на дюжины двѣ слѣдовъ, расходившихся точно по радіусамъ круга.

Дикъ въ отчаяніи остановилъ лошадь. Короткій, зимній день приближался къ концу; солнце, темно-оранжеваго цвѣта, безъ лучей, медленно плыло среди лишенныхъ листвы лѣсовъ; тѣни на снѣгу тянулись на цѣлую милю; морозъ жестоко кусалъ концы пальцевъ, дыханіе лошадей и паръ отъ нихъ подымались облакомъ.

— Ну, насъ перехитрили, — сознался Дикъ. — Приходится все-таки отправляться въ Холивудъ. Онъ ближе, чѣмъ Тонсталль—или долженъ быть ближе, судя по положенію солнца.

Всадники повернули налѣво, оставивъ красный щитъ солнца позади себя, и направились къ аббатству. Но теперь все измѣнилось для нихъ; они не могли уже бойко скакать по дорогѣ, крѣпко утоптанной ихъ проѣхавшими впереди врагами, къ цѣли, къ которой прямо вела ихъ эта дорога. Теперь имъ приходилось медленно, съ трудомъ пробираться по снѣгу, постоянно останавливаясь, чтобы рѣшать, куда ѣхать, постоянно натыкаясь на

сугробы. Солнце скоро покинуло ихъ; свѣтъ на западѣ исчезъ, и вскорѣ они блуждали въ полной тьмѣ, подъ морозными звѣздами.

Луна должна была скоро освѣтить вершины холмовъ, и тогда можно было ѣхать дальше. Но въ настоящее время каждый случайный шагъ могъ сбить ихъ съ пути. Оставалось только остановиться и переждать.

Разставили часовыхъ; очистили отъ снѣга кусокъ земли, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, посреди очищеннаго пространства запылалъ хорошій костеръ. Солдаты усѣлись совсѣмъ близко къ этому лѣсному очагу, дѣлясь провизіей, какая нашлась у нихъ; фляжка пошла въ круговую. Дикъ, собравъ лучшее изъ грубой и скудной пищи, принесъ племянницѣ лорда Райзингема, сидѣвшей отдѣльно отъ солдатъ, подъ деревомъ.

Она сидѣла на одной попонѣ, укутанная въ другую, и смотрѣла на освѣщенную огнемъ сцену передъ ней. Когда Дикъ предложилъ ей пищу, она вздрогнула, какъ человѣкъ, внезапно пробужденный отъ сна, и потомъ молча отказалась.

— Сударыня,—сказалъ Дикъ,—умоляю васъ, не наказывайте меня такъ жестоко. Не знаю, чѣмъ я оскорбилъ васъ; правда, я увезъ васъ, но употребилъ только дружеское насиліе; дѣйствительно, я подвергаю васъ всѣмъ непріятностямъ суровой ночной погоды, но поспѣшность, съ которой мнѣ приходится дѣйствовать, имѣетъ цѣлью, спасеніе другой не менѣе слабой и беззащитной, чѣмъ вы. По крайней мѣрѣ, не наказывайте себя, сударыня, и покушайте, если и не голодны, чтобы поддержать силы.

— Я не хочу ничего ѣсть изъ рукъ, которыя убили моего родственника,—сказала она.

— Дорогая леди,—вскрикнулъ Дикъ,—клянусь распятіемъ, я не дотрагивался до него.

— Поклянитесь, что онъ еще живъ,—сказала она.

— Я не стану лукавить съ вами,—отвѣтилъ Дикъ.—Жалѣя васъ, я принужденъ огорчить васъ. Въ глубинѣ сердца я считаю его мертвымъ.

— И вы просите меня поѣсть!—вскрикнула она.—И васъ называютъ «сэръ»! Вы заслужили ваши шпоры убійствомъ моего добраго родственника. И если бы я не была въ одно и то же

время и дурой, и предательницей и не спасла васъ въ домѣ вашего врага, умерли бы вы, а онъ—онъ, который стоилъ двѣнадцати такихъ, какъ вы—былъ бы живъ.

— Я сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать; точно то же, что дѣлалъ вашъ родственникъ для своей партіи,—отвѣтилъ Дикъ.—Если бы онъ былъ живъ,—Небу извѣстно, какъ я желаю этого!—онъ похвалилъ бы, а не порицалъ бы меня.

— Сэръ Даніэль говорилъ мнѣ,—сказала она,—что замѣтилъ васъ на баррикадѣ. Онъ говоритъ, что ихъ партія потерпѣла пораженіе, благодаря вамъ, что вы выиграли сраженіе. Ну такъ вы и убили моего добраго лорда Райзингема; это совершенно такъ же вѣрно, какъ если бы вы задушили его. И вы хотите, чтобы я ѣла съ вами, когда ваши руки еще не вымыты послѣ убійства? Но сэръ Даніэль поклялся, что погубитъ васъ. Онъ отомститъ за меня.

Несчастный Дикъ погрузился въ мрачное раздумье. Старикъ Арбластеръ пришелъ на память ему, и онъ громко застоналъ.

— Неужели вы считаете меня такъ виноватымъ?—сказалъ онъ.—Вы, которая защищали меня, вы—другъ Джоанны?

— Зачѣмъ вы вмѣшались въ эту битву?—возразила она.—Вы не принадлежите ни къ какой партіи; вы просто мальчикъ—ноги и туловище, не управляемыя ни умомъ, ни знаніемъ! Къ чему вы сражались? Изъ-за любви къ борьбѣ, чортъ возьми!

— Да, я не знаю!—крикнулъ Дикъ.—Но такъ ужъ водится въ англійскомъ государствѣ: если бѣдный джентльменъ не сражается на одной сторонѣ, онъ обязательно долженъ сражаться на другой. Онъ не можетъ оставаться одинъ; это неестественно.

— У кого нѣтъ разума, тотъ не долженъ вынимать меча,—отвѣтила молодая дѣвушка.—Вы, что сражаетесь по случайности, что вы, какъ не мясникъ? Война можетъ быть облагорожена только цѣлью, ради которой она ведется, а вы опозорили ее.

— Сударыня,—сказалъ несчастный Дикъ,—я отчасти вижу мою ошибку. Я слишкомъ поторопился; я занялся дѣломъ, прежде чѣмъ настало мое время. Я укралъ судно—клянусь, что думалъ, что поступаю хорошо—и вызвалъ этимъ смерть многихъ невинныхъ людей и горе и разореніе одного старика, видъ котораго пронзилъ мнѣ сегодня сердце, словно кинжаломъ. А сегодня утромъ я хотѣлъ отличиться и пріобрѣсти славу, чтобы жениться,

и вотъ! Я сталъ причиной смерти дорогого вамъ родственника, который былъ добръ ко мнѣ. И самъ не знаю, что я еще надѣлалъ. Потому что,—увы!—я, можетъ быть, посадилъ на тронъ Іорка, а это, можетъ быть, худо и вредно для Англіи. О, сударыня, я вижу мой грѣхъ. Я не гожусь для жизни. Изъ раскаянія и чтобы избѣгнуть возможности надѣлать еще больше зла, какъ только окончится эта авантюра, я поступлю въ монастырь. Я откажусь отъ Джоанны и военнаго ремесла. Я буду монахомъ и стану всю мою жизнь молиться за спасеніе души вашего родственника.

Въ этотъ моментъ полнаго униженія и раскаянія Дику показалось, что молодая дѣвушка разсмѣялась.

Поднявъ лицо, онъ увидѣлъ, что, при свѣтѣ огня, она смотритъ на него съ какимъ-то страннымъ, но не сердитымъ выраженіемъ.

— Сударыня,—сказалъ онъ, думая, что смѣхъ былъ только иллюзіей его слуха, но надѣясь по измѣнившемуся выраженію лица тронуть ея сердце, — сударыня, удовлетворитесь ли вы этимъ? Я отказываюсь отъ всего, чтобы загладить сдѣланное мною зло. Я обезпечиваю рай лорду Райзингему. И все это именно въ тотъ день, когда я заслужилъ шпоры и считалъ себя счастливѣйшимъ молодымъ джентльменомъ на свѣтѣ.

— О, мальчикъ,—сказала она,—хорошій мальчикъ!

И, къ величайшему изумленію Дика, она сначала очень нѣжно отерла катившіяся по его лицу слезы, а потомъ, какъ бы по внезапному побужденію, обвила его шею обѣими руками, притянула къ себѣ его лицо и поцѣловала. Чувство плачевнаго недоумѣнія охватило простодушнаго Дика.

— Ну,—очень весело сказала молодая дѣвушка,—такъ какъ вы предводитель отряда, то должны ѣсть. Отчего вы не ужинаете?

— Дорогая миссисъ Райзингемъ,—отвѣтилъ Дикъ,—я хотѣлъ сначала угостить мою плѣнницу; но, сказать правду, раскаяніе не дозволяетъ мнѣ переносить вида пищи. Мнѣ лучше поститься и молиться, дорогая леди.

— Зовите меня Алисой,—сказала она,—вѣдь мы старые друзья, не правда ли? А теперь будемъ ѣсть съ вами на перегонку такъ, что если вы не будете ѣсть, то и я не буду; но если вы усердно покушаете, то и я пообѣдаю, какъ добрый пахарь.

И она сразу принялась за ѣду; Дикъ, у котораго былъ пре-

восходный желудокъ, послѣдовалъ ея примѣру сначала съ большой неохотой, но потомъ постепенно входя во вкусъ, все съ большей и большей энергіей и усердіемъ. Подъ конецъ онъ уже перестаіъ подражать своему образцу и вознаградилъ себя за всѣ труды и волненія дня.

— Укротитель львовъ, — сказала, наконецъ, молодая дѣвушка,—вамъ не нравится дѣвушка въ мужской одеждѣ?

Луна уже взошла, и они дожидались только, пока отдохнутъ усталыя лошади. При свѣтѣ луны все еще раскаявавшійся, но насытившійся Ричардъ увидѣлъ, что она смотритъ на него нѣсколько кокетливо.

— Сударыня, — запинаясь, проговорилъ онъ, удивленный этой новой манерой обращенія съ нимъ.

— Ну,—прервала она,—нечего отрицать; Джоанна сказала мнѣ, но все же, сэръ укротитель львовъ, взгляните на меня,—неужели я очень некрасива?

И она сверкнула на него глазами.

— Правда, вы немножко малорослы,—началъ Дикъ.

Она снова перебила его, на этотъ разъ звонкимъ смѣхомъ, окончательно смутившимъ и удивившимъ его.

— Малоросла!—крикнула она.—Ну, будьте такъ же честны, какъ храбры; я—карлица, можетъ быть, немного побольше; но, несмотря на это—ну, скажите же мнѣ—несмотря на это, достаточно красива на взглядъ; развѣ не такъ?

— Да, сударыня, чрезвычайно красивы,—сказалъ смущенный рыцарь съ жалкой попыткой казаться развязнымъ.

— И всякій мужчина былъ бы очень радъ жениться на мнѣ?—продолжала она.

— О, да, сударыня, очень радъ!—согласился Дикъ.

— Зовите меня Алисой,—сказала она.

— Алиса,—повторилъ сэръ Ричардъ.

— Ну, укротитель львовъ,—продолжала она,—такъ какъ вы убили моего родственника и оставили меня безъ поддержки, вы, по чести, должны всячески загладить свою вину; не правда ли?

— Конечно, сударыня, — сказалъ Дикъ. — Хотя, положа руку на сердце, я считаю себя только отчасти виновнымъ въ пролитіи крови этого храбраго рыцаря.

— Вы хотите увернуться отъ меня?—вскрикнула она.

— Вовсе нѣтъ, сударыня. Вѣдь я же сказалъ вамъ. По вашему приказанію, я готовъ даже стать монахомъ,—сказалъ Ричардъ.

— Значитъ, по чести, вы принадлежите мнѣ, — заключила она.

— По чести, сударыня, я полагаю...—началъ молодой человѣкъ.

— Продолжайте,—перебила она,—у васъ ужъ слишкомъ много остановокъ. По чести, вы принадлежите мнѣ, пока не исправите сдѣланнаго вами зла?

— По чести, да,—сказалъ Дикъ.

— Ну, такъ слушайте,—продолжала молодая дѣвушка.— Мнѣ думается, что изъ васъ вышелъ бы плохой монахъ; а такъ какъ я могу располагать вами, какъ мнѣ угодно, то я возьму васъ въ мужья. Ни единаго слова!—крикнула она.—Слова вамъ не помогутъ. Вѣдь вполнѣ справедливо, чтобы вы, который лишили меня родного дома, доставили мнѣ другой. Что касается Джоанны, то, повѣрьте, она первая одобритъ эту перемѣну; въ сущности, такъ какъ мы съ ней близкіе друзья, то не все ли равно, на которой изъ насъ вы женитесь? Рѣшительно все равно.

— Сударыня,—сказалъ Дикъ,—я уйду въ монастырь, если вы прикажете; но жениться на комъ-нибудь другомъ во всемъ обширномъ мірѣ, кромѣ Джоанны Седлей, я не соглашусь, не уступлю мужской силѣ, не сдѣлаю это и ради удовольствія дамы. Простите, что я выражаю такъ просто мои простыя мысли, но когда дѣвушка очень смѣла, то бѣдному мужчинѣ приходится быть еще смѣлѣе.

— Дикъ, милый мальчикъ, вы должны подойти и поцѣловать меня за эти слова. Не бойтесь, вы поцѣлуете меня за Джоанну; когда мы встрѣтимся, я возвращу ей этотъ поцѣлуй и скажу, что украла его. А что касается вашего долга относительно меня, милый простофиля, то, мнѣ думается, не вы одинъ участвовали въ этомъ большомъ сраженіи; и даже если на тронъ взойдетъ Іоркъ, то не вы посадили его туда. Но вотъ сердце у васъ, Дикъ, хорошее, доброе, честное; и если бы я могла въ чемъ-нибудь позавидовать Джоаннѣ, то позавидовала бы вашей любви къ ней.

VI. Ночь въ лѣсу (окончанiе).—Дикъ и Джоанна.

Лошади между тѣмъ съѣли скудный запасъ корма и отдохнули вполнѣ. Костеръ засыпали снѣгомъ по приказанiю Дика; пока его воины устало взбирались на сѣдла, Дикъ, вспомнивъ— нѣсколько поздно—о предосторожностяхъ, принимаемыхъ лѣсными жителями, выбралъ высокiй дубъ и быстро влѣзъ на его самый верхнiй сукъ. Оттуда онъ могъ обозрѣть на большомъ пространствѣ освѣщенный луной и устланный снѣгомъ лѣсъ. На юго-западѣ, выдѣляясь на горизонтѣ, виднѣлись тѣ высокiя, покрытыя верескомъ мѣста, гдѣ онъ съ Джоанной испытали страшное приключенiе съ прокаженнымъ. Тутъ его вниманiе привлекло какое-то красное, блестящее пятнышко, величиной не болѣе булавочной головки.

Онъ жестоко порицалъ себя за небрежность. Если то горѣли, какъ казалось, огни въ лагерѣ сэра Данiэля, то онъ долженъ былъ давно увидѣть ихъ и пойти въ ту сторону, а, главное, онъ не долженъ былъ выдавать своей близости, разведя костеръ. Но теперь нельзя было терять цѣнныхъ часовъ. Прямой путь къ возвышенностямъ былъ приблизительно въ двѣ мили длиной; но его пересѣкала очень глубокая, обрывистая ложбина, недоступная для всадниковъ. Дику казалось удобнѣе, для быстроты, оставить лошадей и попробовать добраться пѣшкомъ.

Для охраны лошадей было оставлено десять человѣкъ; условились о сигналахъ на случай нужды, и Дикъ, во главѣ остальныхъ, отправился въ походъ; Алиса Райзингемъ храбро пошла рядомъ съ нимъ.

Солдаты сняли тяжелое вооруженiе и оставили у костра свои копья; въ хорошемъ настроенiи духа они бодро шли по замерзшему снѣгу, при веселомъ сiянiи луны. Спускъ въ ложбину, гдѣ потокъ со стономъ прорывался сквозь снѣгъ и ледъ, совершился въ молчанiи и порядкѣ. На другой сторонѣ, въ полмилѣ отъ мѣста, гдѣ Дикъ замѣтилъ блескъ огня, отрядъ остановился, чтобы отдохнуть передъ нападенiемъ.

Въ глубокомъ безмолвiи лѣса малѣйшiй звукъ былъ слышенъ издалека; Алиса, обладавшая тонкимъ слухомъ, подняла палецъ въ знакъ предупрежденiя и остановилась, прислушиваясь. Всѣ послѣдовали ея примѣру: но какъ ни прислушивался

Дикъ, онъ не слышалъ ничего кромѣ заглушеннаго ропота потока въ лѣсу, на разстояніи нѣсколькихъ миль.

— Но я, навѣрное, слышала лязгъ оружія,—прошептала Алиса.

— Сударыня,—сказалъ Дикъ, который боялся этой молодой лэди больше, чѣмъ десяти храбрыхъ воиновъ,—я не осмѣлюсь намекнуть, что вы ошиблись, но этотъ звукъ могъ донестись изъ котораго-нибудь лагеря.

— Онъ доносился не оттуда, а съ запада,—рѣшительно объявила она.

— Пусть будетъ что будетъ и какъ угодно небу,—сказалъ Дикъ.—Не будемъ безпокоиться, а пойдемъ скорѣе впередъ и узнаемъ въ чемъ дѣло. Вставайте, друзья, довольно отдохнули.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались, снѣгъ становился все болѣе и болѣе утоптаннымъ копытами лошадей; ясно было, что они приближались къ лагерю, гдѣ расположились значительныя силы конныхъ солдатъ. Наконецъ, они увидѣли пробивавшійся между деревьями дымъ краснаго цвѣта внизу и разсыпавшійся вверху яркими искрами.

Исполняя приказаніе Дика, люди его отряда развернули ряды и тихо поползли въ чащу, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ вражескій лагерь. Самъ онъ, оставивъ Алису подъ прикрытіемъ громаднаго дуба, пошелъ прямо по направленію костра.

Наконецъ, взору его, благодаря просѣкѣ, открылся видъ на весь лагерь. Костеръ былъ разведенъ на небольшой, покрытой верескомъ горкѣ, окруженной съ трехъ сторонъ чащей; онъ горѣлъ очень сильно, громко треща и вспыхивая яркимъ пламенемъ. Около него сидѣло около дюжины людей въ темныхъ плащахъ; но хотя снѣгъ кругомъ былъ утоптанъ такъ, какъ будто тутъ проѣхалъ цѣлый полкъ, Дикъ напрасно искалъ взглядомъ лошадей. Имъ овладѣло страшное подозрѣніе, что его провели. Въ то же время въ высокомъ человѣкѣ въ стальномъ шлемѣ, протягивавшемъ къ огню руки, онъ узналъ своего стараго друга, а впослѣдствіи благосклоннаго врага, Беннета Хэтча; въ двухъ же другихъ сидѣвшихъ вдали, несмотря на ихъ мужской костюмъ, онъ угадалъ Джоанну Седлей и жену сэра Брэклей.

— Ну,—подумалъ онъ,—если я даже потеряю лошадей, но добуду Джоанну, то мнѣ нечего жаловаться.

Съ отдаленнаго конца лагеря послышался тихій свистъ, обозначавшій, что его солдаты собрались, и обложеніе закончено.

При этомъ звукѣ Беннетъ вскочилъ на ноги; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ схватиться за оружіе, Дикъ окликнулъ его.

— Беннетъ,—сказалъ онъ,—Беннетъ, старый другъ, сдавайся. Ты только понапрасну прольешь человѣческую кровь, если будешь сопротивляться.

— Клянусь святой Варварой, это мастеръ Шельтонъ!—вскрикнулъ Хэтчъ.—Мнѣ сдаваться? Вы просите слишкомъ многаго. Какія у васъ силы?

— Говорю тебѣ, Беннетъ, насъ больше, и къ тому же вы обложены кругомъ,—сказалъ Дикъ.—Цезарь и Карлъ Пятый запросили бы пощады. На мой свистокъ явится сорокъ человѣкъ, и однимъ залпомъ стрѣлъ я могу уложить всѣхъ васъ.

— Мастеръ Дикъ,—сказалъ Беннетъ,—какъ это ни тяжело мнѣ, но я долженъ исполнить свой долгъ. Да помогутъ вамъ святые!—При этихъ словахъ онъ поднесъ ко рту небольшой рогъ и издалъ пронзительный звукъ.

Наступилъ моментъ смущенія. Пока Дикъ, боясь за дамъ, колебался отдать приказаніе стрѣлять, маленькій отрядъ Хэтча схватился за оружіе и сомкнулся, очевидно, готовый на рѣшительный отпоръ. Въ переполохѣ, вызванномъ перемѣной мѣстъ, Джоанна вскочила со своего мѣста и полетѣла, какъ стрѣла, къ своему возлюбленному.

— Здѣсь, Дикъ!—вскрикнула она, сжимая его руку своей.

Дикъ все продолжалъ стоять въ нерѣшительности; онъ былъ еще слишкомъ неопытенъ, чтобы примиряться съ необходимостью, вызываемой войной, и мысль о старой лэди Брэклей останавливала слова команды на его устахъ. Его подчиненные начинали тревожиться. Нѣкоторые изъ нихъ окликали его; другіе начали стрѣлять по собственному побужденію. При первомъ же выстрѣлѣ, бѣдный Беннетъ палъ мертвымъ. Тогда Дикъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія.

— Впередъ!—крикнулъ онъ.—Стрѣляйте, молодцы, и держитесь ближе къ чащѣ! Англія и Іоркъ!

Но какъ разъ въ это мгновеніе, въ тишинѣ ночной, внезапно раздался стукъ множества копытъ по снѣгу; звукъ этотъ приближался съ невѣроятной быстротой и раздавался все громче и

громче. Въ то же самое время, въ отвѣтъ на призывъ Хэтча, безпрерывно зазвучали трубы.

— Сборъ, сборъ!—кричалъ Дикъ.—Собирайтесь, если хотите остаться живы.

Но солдаты, спѣшившіеся, разсѣянные, взятые врасплохъ, въ то время, когда они разсчитывали на легкій успѣхъ, начали отступать; нѣкоторые еще стояли въ нерѣшительности на мѣстѣ; другіе разсѣялись въ чащѣ. Когда первые всадники, стрѣляя, промчались по просѣкѣ и пустили своихъ коней въ заросли яростнымъ галопомъ, въ кустахъ они опрокинули и закололи только нѣсколькихъ отставшихъ солдатъ, большая же часть отряда Дика словно растаяла при извѣстіи о ихъ появленіи.

Дикъ стоялъ одно мгновеніе, съ горечью наблюдая за результатами своей необдуманной и неумѣлой храбрости. Сэръ Даніэль увидѣлъ костеръ; онъ двинулся со своими главными силами, чтобы напасть на своихъ преслѣдователей или обойти ихъ съ тылу, если они рѣшатся на атаку. Все время онъ дѣйствовалъ какъ прозорливый вождь; Дикъ же велъ себя какъ пылкій мальчикъ. И теперь молодой рыцарь былъ одинъ,—правда, его возлюбленная крѣпко держала его за руку,—весь его отрядъ людей и лошадей разсыпался во тьмѣ среди лѣса, какъ бумажка съ булавками, просыпанная на гумнѣ.

— Да просвѣтятъ меня святые!—думалъ онъ. — Хорошо, что меня произвели въ рыцари за утреннее дѣло; теперешнее дѣлаетъ мнѣ мало чести.

И, продолжая держать Джоанну за руку, онъ бросился бѣжать.

Безмолвіе ночи было нарушено со стороны Топсталля криками людей, галопировавшихъ во всѣ стороны въ поискахъ бѣглецовъ; Дикъ смѣло пробрался черезъ заросли и побѣжалъ прямо передъ собой съ быстротой оленя. Ясный, серебристый свѣтъ луны, падавшій на открытыя снѣжныя поляны, увеличивалъ, по контрасту, темноту, царившую въ лѣсныхъ чащахъ; такъ какъ побѣжденные разсѣялись во всѣ стороны, то и преслѣдователямъ приходилось направляться по различнымъ путямъ. Черезъ нѣсколько времени Дикъ и Джоанна остановились въ закрытомъ уголкѣ и слушали, какъ звуки преслѣдованія, разбросавшіеся во всѣ стороны, уже замирали въ отдаленіи.

— Если бы я оставилъ хоть нѣкоторую часть въ резервѣ,—

съ горечью крикнулъ Дикъ,—я могъ бы еще поправить дѣло! Ну, вѣкъ живи, вѣкъ учись; въ слѣдующій разъ, клянусь распятіемъ, будетъ лучше!

— Дикъ,—сказала Джоанна.—Не все ли равно? Мы снова вмѣстѣ.

Онъ взглянулъ на нее—передъ нимъ снова былъ Джонъ Мэтчемъ въ штанахъ и камзолѣ. Но теперь онъ узналъ ее, даже въ этомъ неприглядномъ платьѣ—она улыбалась ему, сіяла любовью, и сердце его было полно восторга.

— Возлюбленная,—сказалъ онъ,—если ты прощаешь человѣка, надѣлавшаго столько ошибокъ, то что за дѣло мнѣ до всѣхъ этихъ неудачъ? Отправимся прямо въ Холивудъ; тамъ находится твой добрый опекунъ и мой лучшій другъ, лордъ Фоксгэмъ. Тамъ мы повѣнчаемся; и не все ли равно, бѣденъ я, или богатъ, знаменитъ, или неизвѣстенъ? Сегодня, дорогая моя, я заслужилъ шпоры; высокіе люди хвалили меня за храбрость; я считалъ себя лучшимъ воиномъ во всей Англіи. Потомъ я сперва потерялъ благосклонность знатныхъ, а теперь разбитъ и потерялъ моихъ солдатъ. Какое униженіе для тщеславнаго человѣка! Но, милая, я не жалѣю объ этомъ,—милая, если ты любишь меня и выйдешь замужъ за меня, я готовъ отказаться отъ рыцарскаго званія и нисколько не пожалѣю объ этомъ.

— Мой Дикъ!—сказала она. — Развѣ тебя посвятили въ рыцари?

— Да, милая, теперь ты милэди,—нѣжно отвѣтилъ онъ,— или будешь ею завтра до полудня—хочешь?

— Да, Дикъ, отъ всего сердца,—отвѣтила она.

— Э, сэръ? Мнѣ казалось, что вы должны были быть монахомъ!—сказалъ чей-то голосъ.

— Алиса!—вскрикнула Джоанна.

— Она и есть, — отвѣтила, подходя, молодая дѣвушка,— Алиса, которую ты оставила, считая за мертвую; а твой укротитель львовъ нашелъ ее, вернулъ ее къ жизни и, по правдѣ сказать, ухаживалъ за ней—если желаешь знать.

— Я не вѣрю этому!—крикнула Джоанна.—Дикъ!

— Дикъ!—передразнила Алиса.—Дикъ, да Дикъ! Да прекрасный сэръ, вы покидаете бѣдныхъ дѣвушекъ въ несчастіи,— прибавила она, обращаясь къ молодому рыцарю. Вы оставляете

ихъ стоять подъ дубомъ. Правду говорятъ, что умеръ вѣкъ рыцарства.

— Сударыня,—въ отчаяніи проговорилъ Дикъ, — клянусь моей душой, я совершенно позабылъ о васъ. Сударыня, попытайтесь простить меня. Видите, я только что нашелъ Джоанну.

— Я не думала, чтобы вы сдѣлали это нарочно,—возразила она.—Но я жестоко отомщу вамъ. Я скажу одинъ секретъ лэди Шельтонъ, т. е. будущей лэди Шельтонъ,—прибавила она, присѣдая.—Джоанна,—продолжала она, — клянусь душой, я думаю, что твой возлюбленный храбръ въ сраженіи, но, позволь мнѣ сказать тебѣ прямо, онъ—самый мягкосердый простофиля во всей Англіи. Ну и наслаждайся съ нимъ! А теперь, глупыя мои дѣти, поцѣлуйте сначала меня—каждый изъ васъ—отъ души; потомъ цѣлуйте другъ друга впродолженіе одной минуты по часамъ и ни одной секунды больше; а потомъ отправимся всѣ трое въ Холивудъ какъ можно скорѣе, такъ какъ, по моему, эти лѣса полны опасностей и въ нихъ чрезвычайно холодно.

— Но неужели мой Дикъ ухаживалъ за тобой?—спросила Джоанна, прижимаясь къ своему возлюбленному.

— Нѣтъ, глупая дѣвочка,—отвѣтила Алиса,—это я ухаживала за нимъ. Я въ самомъ дѣлѣ предложила ему жениться на мнѣ; но онъ сказалъ, чтобы я шла вѣнчаться съ подобными себѣ. Это были его слова. Да, вотъ что я скажу: онъ болѣе откровененъ, чѣмъ любезенъ. Ну а теперь, дѣти мои, надо же имѣть какой-нибудь смыслъ и идти впередъ. Пройдемъ мы опять ложбиной, или отправимся прямо въ Холивудъ?

— Мнѣ бы очень хотѣлось ѣхать на лошади, — сказалъ Дикъ,—всѣ послѣдніе дни меня такъ колотили и били, всевозможными способами, что мое бѣдное тѣло представляетъ собой одинъ сплошной синякъ. Но какъ вы думаете? Что если наши люди разбѣжались при звукѣ битвы? Вѣдь тогда мы пройдемся даромъ. Отсюда прямымъ путемъ до Холивуда только три короткихъ мили; колоколъ еще не пробилъ девяти часовъ; снѣгъ достаточно твердъ для ходьбы, луна свѣтла; что если бы мы пошли такъ, какъ есть?

— Рѣшено!—крикнула Алиса, а Джоанна только крѣпче прижималась къ рукѣ Дика.

Они пошли впередъ черезъ безлиственныя чащи и дальше внизъ по покрытымъ снѣгомъ дорогамъ, а блѣдный ликъ зимней луны смотрѣлъ на нее. Дикъ и Джоанна шли рука объ руку, испытывая небесное блаженство; ихъ легкомысленная спутница шла за ними и, совершенно забывъ о своихъ собственныхъ лишеніяхъ, то насмѣхалась надъ ихъ молчаніемъ, то рисовала счастливыя картины ихъ будущей совмѣстной жизни.

Издали, со стороны лѣса слышно было, какъ Тонсталльскіе всадники потоняли лошадей; время отъ времени крики и лязгъ оружія говорили о стычкахъ между непріятелями. Но нелегко было возбудить страхъ или сожалѣніе въ душахъ молодыхъ людей, выросшихъ среди военныхъ тревогъ и только что избѣгнувшихъ такихъ многочисленныхъ опасностей. Довольные тѣмъ, что звуки все болѣе и болѣе удалялись, они отдались всѣмъ сердцемъ наслажденію даннаго часа и шли, какъ говорила Алиса, свадебной процессіей; ни угрюмое уединеніе лѣса, ни холодъ морозной ночи не могли затемнить ихъ счастья, или нарушить его.

Наконецъ, съ вершины холма они взглянули внизъ на Холивудскую долину. Въ большихъ окнахъ лѣсного аббатства горѣли факелы и свѣчи; его зубцы и шпицы отчетливо и безмолвно подымались вверхъ; золотое распятіе на самомъ верху ярко блестѣло при лунномъ свѣтѣ. Вокругъ, на открытой проталинѣ горѣли лагерные костры; пространство рядомъ было заполнено хижинами; посреди всей этой картины извивалась замерзшая рѣка.

— Клянусь мессой,—сказалъ Ричардъ,—люди лорда Фоксгэма и до сихъ поръ стоятъ здѣсь лагеремъ! Гонецъ, очевидно, не поспѣлъ. Ну тѣмъ лучше. У насъ есть силы, чтобы встрѣтиться съ сэромъ Даніэлемъ.

Но если люди лорда Фоксгэма продолжали стоять лагеремъ у Холивуда, то совсѣмъ по другой причинѣ, чѣмъ предполагалъ Дикъ. Они пошли было къ Шорби, но не прошли еще и полпути, какъ имъ встрѣтился второй посланный и сказалъ, чтобы они вернулись туда, гдѣ стояли утромъ, чтобы преградить путь бѣглецамъ—ланкастерцамъ и въ то же время быть поближе къ главной іоркской арміи. Ричардъ Глочестеръ, окончивъ битву и уничтоживъ своихъ враговъ въ этомъ округѣ, уже шелъ на со-

единенie со своимъ братомъ и, вскорѣ послѣ возвращенiя партизановъ лорда Фоксгэма, самъ горбунъ остановился передъ дверями аббатства. Въ честь этого высокаго гостя окна горѣли огнями, и, когда Дикъ явился со своей возлюбленной и ея подругой, герцогъ со своей свитой находился въ трапезной, гдѣ гостей принимали съ великолѣпiемъ, обычнымъ этому могущественному и богатому монастырю.

Дика провели въ трапезную, куда онъ пошелъ не совсѣмъ охотно. Глочестеръ, усталый и измученный, сидѣлъ, подперевъ рукой свое блѣдное, страшное лицо; лордъ Фоксгэмъ, еще невполнѣ оправившiйся отъ ранъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, слѣва отъ герцога.

— Ну, сэръ,—спросилъ Ричардъ.—Принесли вы мнѣ голову сэра Даніэля.

— Милордъ герцогъ,—отвѣтилъ Дикъ довольно смѣло, хотя на сердцѣ у него было тяжело.—Мнѣ даже не удалось вернуться съ моимъ отрядомъ. Я былъ разбитъ, ваша милость.

Глочестеръ посмотрѣлъ на него нахмурясь, съ грознымъ видомъ.

— Но я далъ вамъ пятьдесятъ копiй *), сэръ,—сказалъ онъ.

— Милордъ герцогъ, у меня было только пятьдесятъ воиновъ,—отвѣтилъ молодой рыцарь.

— Какъ такъ?—сказалъ Глочестеръ.—Вѣдь онъ просилъ пятьдесятъ копiй?

— Позвольте доложить вашей милости,—вкрадчиво проговорилъ Кетсби, — мы дали ему для преслѣдованiя непрiятеля только всадниковъ.

— Хорошо,—сказалъ Ричардъ. — Шельтонъ, вы можете итти,—прибавилъ онъ.

— Стойте!—сказалъ лордъ Фоксгэмъ.—У этого молодого человѣка было порученiе и отъ меня. Можетъ быть, оно лучше удалось ему. Скажите, мастеръ Шельтонъ, нашли вы дѣвушку?

— Хвала святымъ, милордъ,—сказалъ Дикъ,—она въ этомъ домѣ.

— Правда это? Ну такъ, милордъ герцогъ, — продолжалъ

---

*) Техническiй терминъ «копье» означалъ неопредѣленное число пѣхотинцевъ, состоявшихъ при вооруженныхъ всадникахъ.

Прим. автора.

лордъ Фоксгэмъ,—съ вашего позволенія, завтра утромъ, до выступленія, я предлагаю сыграть свадьбу. Этотъ молодой сквайръ...

— Молодой рыцарь,—перебилъ Кетсби.

— Что вы говорите, сэръ Уилльямъ!—вскрикнула Фоксгэмъ.

— Я самъ посвятилъ его въ рыцари и по заслугамъ,—сказалъ Глочестеръ.—Онъ два раза храбро послужилъ мнѣ. У него нѣтъ недостатка въ доблести рукъ; ему не хватаетъ желѣзной твердости духа настоящаго мужа. Онъ не подымется высоко, лордъ Фоксгэмъ. Этотъ малый будетъ всегда храбро биться въ схваткѣ; но у него сердце каплуна. Во всякомъ случаѣ, если онъ долженъ жениться—жените его, во имя Пресвятой Дѣвы Маріи, и дѣлу конецъ!

— Нѣтъ, онъ храбрый юноша—я знаю это, — сказалъ лордъ Фоксгэмъ.—Успокойтесь, сэръ Ричардъ. Я устроилъ дѣло съ мастеромъ Гемлеемъ, и завтра вы женитесь.

Дикъ счелъ благоразумнымъ удалиться, но не успѣлъ еще выйти изъ трапезной, какъ только что подъѣхавшій къ воротамъ человѣкъ, вбѣжалъ по лѣстницѣ, перепрыгивая сразу по четыре ступеньки и, растолкавъ слугъ аббатства, бросился на одно колѣно передъ герцогомъ.

И прежде чѣмъ Дикъ добрался до отведенной ему, какъ гостю лорда Фоксгэма, комнаты, въ отрядахъ у костровъ раздались восторженные крики: въ этотъ же самый день, менѣе чѣмъ въ двадцати миляхъ отъ этого мѣста, могуществу ланкастерскаго дома былъ нанесенъ второй рѣшительный ударъ.

VII. Месть Дика.

На слѣдующее утро Дикъ былъ на ногахъ до восхода солнца. Воспользовавшись гардеробомъ лорда Фоксгэма, онъ одѣлся насколько возможно лучше и, получивъ успокоительныя свѣдѣнія о Джоаннѣ, пошелъ прогуляться, чтобы утишить свое нетерпѣніе.

Нѣсколько времени онъ обходилъ солдатъ, которые вооружались въ полусвѣтѣ зимней утренней зари и при красномъ блескѣ факеловъ, но, постепенно идя все дальше, вышелъ, наконецъ, за аванпосты и пошелъ одинъ въ покрытый инеемъ лѣсъ, въ ожиданіи восхода солнца.

На душѣ у него царили покой и счастье; онъ нисколько не сожалѣлъ о томъ, что потерялъ милость герцога; надѣясь имѣть женой Джоанну, а вѣрнымъ патрономъ лорда Фоксгэма, онъ радостно смотрѣлъ на свое будущее и мало о чемъ сожалѣлъ въ прошломъ.

Пока онъ шелъ, погруженный въ размышленія, печальный утренній свѣтъ сталъ болѣе яркимъ; востокъ уже окрашивался лучами солнца; рѣзкій вѣтерокъ подымалъ замерзшій снѣгъ. Дикъ повернулъ назадъ, чтобы итти домой; при этомъ, взглядъ его упалъ на какую-то фигуру, прятавшуюся за деревомъ.

— Стой!—крикнулъ онъ.—Кто идетъ?

Какой-то человѣкъ вышелъ изъ-за дерева и сдѣлалъ знакъ рукой, словно нѣмой. Онъ былъ одѣтъ пилигримомъ съ опущеннымъ на лицо капюшономъ; однако, Дикъ сейчасъ же узналъ сэра Даніэля.

Онъ обнажилъ мечъ и пошелъ навстрѣчу рыцарю, который сунулъ руку за пазуху, какъ будто хватаясь за скрытое оружіе, и спокойно поджидалъ его.

— Ну, Диконъ,—сказалъ сэръ Даніэль, — что же теперь будетъ! Ты сражаешься съ побѣжденными.

— Я не замышлялъ на вашу жизнь,—отвѣтилъ юноша,—я былъ вѣрнымъ другомъ вамъ, пока вы не покусились на мою жизнь; вы жаждали моей смерти.

— Я дѣлалъ это только изъ чувства самосохраненія,—отвѣтилъ рыцарь.—А теперь, мальчикъ, вѣсти о сраженіи и присутствіе этого горбатаго дьявола въ моемъ собственномъ лѣсу окончательно, безнадежно сломили меня. Я иду въ Холивудъ, чтобы найти себѣ убѣжище во храмѣ, потомъ проберусь за моря съ тѣмъ, что смогу увезти и начну новую жизнь въ Бургундіи или Франціи.

— Вы не можете итти въ Холивудъ,—сказалъ Дикъ.

— Какъ такъ? Почему не могу?—спросилъ рыцарь.

— Слушайте, сэръ Даніэль, это утро моей свадьбы,—сказалъ Дикъ,—и солнце, которое восходитъ, освѣтитъ лучшій день моей жизни. Вы должны поплатиться, вдвойнѣ поплатиться—и за смерть моего отца и за ваши замыслы противъ меня. Но и самъ я поступалъ дурно; я былъ причиной смерти многихъ людей, а въ сегодняшній радостный день я не хочу быть ни судьей, ни палачомъ. Будь вы самъ дьяволъ, я не тро-

нулъ бы васъ. Будь вы дьяволомъ, вы можете итти куда угодно, насколько это касается меня. Просите прощенія у Бога; я же охотно даю вамъ свое. Но если вы пойдете въ Холивудъ—дѣло иное. Я сражаюсь за іоркскій домъ и не допущу шпіоновъ въ ряды его войскъ. Такъ знайте же, что, если вы сдѣлаете хоть одинъ шагъ, я возвышу голосъ и велю ближайшему часовому схватить васъ.

— Ты насмѣхаешься надо мной,—сказалъ сэръ Даніэль.— Я могу быть въ безопасности только въ Холивудѣ.

— Мнѣ это все равно,—возразилъ Ричардъ.—Я позволяю вамъ итти на востокъ, на западъ, или на югъ, только не на сѣверъ. Холивудъ закрытъ для васъ. Идите и не пробуйте вернуться, потому что, какъ только вы уйдете, я предупрежу всѣ посты вокругъ арміи и надъ всѣми пилигримами будетъ устроенъ такой строгій надзоръ, что—повторяю—будь вы самъ дьяволъ, вы все же убѣдитесь, насколько была бы гибельна эта попытка.

— Ты обрекаешь меня на гибель,—мрачно проговорилъ сэръ Даніэль.

— Нѣтъ, не обрекаю,—возразилъ Ричардъ.—Если желаете помѣряться со мной доблестью—выходите; хотя я боюсь, что это нечестно относительно моей партіи, я все же приму открыто вашъ вызовъ, буду сражаться съ вами своими собственными силами и не призову никого на помощь. Такъ я, съ спокойной совѣстью, отомщу за моего отца.

— Да,—сказалъ сэръ Даніэль,—у тебя большой мечъ, а у меня только кинжалъ.

— Я надѣюсь только на Небо,—отвѣчалъ Дикъ, отбрасывая свой мечъ на снѣгъ.—Ну теперь, если того требуетъ вашъ злой рокъ, выходите; и, если будетъ угодно Всемогущему, я осмѣлюсь накормить лисицъ вашими костями.

— Я только испытывалъ тебя, Диконъ,—сказалъ рыцарь съ неудачнымъ подобіемъ смѣха. — Я не хочу проливать твоей крови.

— Ну, такъ идете, пока не поздно,—отвѣтилъ Шельтонъ.— Черезъ пять минутъ я позову караулъ. Я замѣчаю, что былъ слишкомъ терпѣливъ. Обмѣняйся мы съ вами мѣстами, я былъ бы связанъ по рукамъ и по ногамъ уже нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Ну, Диконъ, я пойду,—сказалъ сэръ Даніэль.—Когда

мы встрѣтимся въ слѣдующій разъ, ты раскаешься, что поступилъ такъ жестоко.

Съ этими словами рыцарь повернулся и пошелъ по дорогѣ въ лѣсъ. Дикъ наблюдалъ за нимъ съ смѣшанными чувствами. Сэръ Даніэль шелъ быстро и осторожно, бросая по временамъ злой взглядъ на пощадившаго его юношу, къ которому онъ продолжалъ относиться подозрительно.

По одной сторонѣ дороги была чаща, вся увитая зеленымъ плющемъ и недоступная для взора даже въ зимнемъ видѣ. Внезапно оттуда, словно музыкальная нота, послышался выстрѣлъ изъ лука. Пролетѣла стрѣла, и рыцарь Тонсталля съ громкимъ, подавленнымъ крикомъ агоніи и гнѣва поднялъ руки и упалъ лицомъ внизъ на снѣгъ.

Дикъ подскочилъ и поднялъ его. Лицо его страшно исказилось; все тѣло подергивалось судорогами.

— Стрѣла черная?—задыхаясь, проговорилъ онъ.

— Черная,—торжественно отвѣтилъ Дикъ.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ прибавить хоть слово, приступъ отчаянной боли потрясъ тѣло раненаго съ головы до ногъ такъ, что онъ подпрыгнулъ въ рукахъ державшаго его Дика и съ этимъ послѣднимъ усиліемъ предсмертной муки душа его безмолвно отлетѣла.

Молодой человѣкъ осторожно положилъ тѣло на спину, на снѣгъ и помолился за неприготовленную, виновную душу; когда онъ окончилъ молитву, солнце сразу показалось на небѣ, и реполовы зачирикали среди плюща.

Онъ поднялся и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ за собой тоже колѣнопреклоненнаго человѣка. Не покрывая головы, Дикъ ждалъ, когда кончится эта молитва. Она продолжалась долго. Съ опущенной головой, съ лицомъ закрытымъ руками, неизвѣстный молился, какъ человѣкъ, душа котораго полна глубокаго смятенія и муки. По лежавшему рядомъ съ молящимся луку, Дикъ догадался, что это никто иной, какъ стрѣлокъ, убившій сэра Даніэля.

Наконецъ, онъ всталъ, и Дикъ увидѣлъ лицо Эллиса Декуорса.

— Ричардъ,—торжественно проговорилъ онъ.—Я слышалъ васъ. Вы избрали лучшую часть и простили; я взялъ худшую— и вотъ лежитъ прахъ моего врага. Молитесь за меня.

И онъ пожалъ ему руку.

— Сэръ,—сказалъ Ричардъ,—я буду молиться за васъ, хотя не знаю, поможетъ ли вамъ моя молитва. Но если вы такъ долго ждали мести,а теперь она кажется такъ горька вамъ, то, подумайте, не лучше ли простить остальнымъ. Хэтчъ—онъ умеръ, бѣднякъ! Но и лучшіе люди погибаютъ. А сэръ Даніэль—его трупъ лежитъ передъ нами. Что касается священника, то если бы я могъ убѣдить васъ, я попросилъ бы васъ оставить его въ живыхъ.

Глаза Эллиса Декуорса сверкнули.

— Ну, нѣтъ, дьяволъ еще силенъ во мнѣ!—сказалъ онъ.— Но успокойтесь—«Черная Стрѣла» уже не полетитъ больше, общество распалось. Что касается меня, то тѣ, кто еще живъ, доживутъ до мирнаго, спокойнаго конца, въ назначенное Господомъ время. А вы идите, куда васъ зоветъ болѣе счастливая судьба, и не думайте больше объ Эллисѣ.

VIII. Заключеніе.

Около девяти часовъ утра лордъ Фоксгэмъ велъ свою воспитанницу, одѣтую, какъ подобало ея полу и сопровождаемую Алисой Райзингемъ, въ Холивудскую церковь, какъ вдругъ навстрѣчу имъ попался Ричардъ Горбатый съ лицомъ уже омраченнымъ заботами. Онъ остановился.

— Это и есть та дѣвушка? — спросилъ онъ.

Когда лордъ Фоксгэмъ отвѣтилъ утвердительно, онъ прибавилъ:

— Подымите ваше личико, милая; мнѣ хочется посмотрѣть на него.

Нѣсколько времени онъ угрюмо смотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— Вы красивы, — наконецъ, проговорилъ онъ, — и у васъ есть, какъ мнѣ говорили, приданое. Что если бы я предложилъ вамъ хорошій бракъ, соотвѣтствующій вашей наружности и происхожденію.

— Милордъ герцогъ, — отвѣтила Джоанна, — какъ угодно вашей милости, но я хочу лучше выйти за сэра Ричарда.

— Какъ такъ? — рѣзко сказалъ онъ. — Выходите за че-

ловѣка, котораго назову вамъ, а до полуночи онъ станетъ милордомъ, а вы—милэди. А сэръ Ричардъ,—говорю вамъ прямо—умретъ сэромъ Ричардомъ.

Вотъ лежитъ прахъ моего врага...

— Я ничего не молю больше у Господа, милордъ, какъ умереть женой сэра Ричарда, — возразила Джоанна.

— Вотъ посмотрите, милордъ, — сказалъ Глочестеръ, обращаясь къ лорду Фокстэму, — на эту пару. Юноша, когда я пред-

ложилъ ему на выборъ, что онъ хочетъ получить въ благодарность за оказанныя мнѣ услуги, попросилъ помиловать стараго пьяницу-моряка. Я предупреждалъ его, но онъ упорствовалъ въ своей глупости. «Тѣмъ и окончатся мои милости», сказалъ я; а онъ, милордъ, отвѣтилъ мнѣ съ самымъ дерзкимъ видомъ: — «Вся потеря на моей сторонѣ».

— Неужели онъ такъ сказалъ? — вскрикнула Алиса. — Хорошо сказано, укротитель львовъ!

— Кто это? — спросилъ герцогъ.

— Плѣнница сэра Ричарда, — отвѣтилъ лордъ Фоксгэмъ,— миссисъ Алиса Райзингемъ.

— Смотрите, выдайте ее замужъ за надежнаго человѣка,— сказалъ герцогъ.

— Я имѣлъ въ виду моего родственника Гемлея, если вы не будете противъ, ваша милость, — сказалъ лордъ Фоксгэмъ. — Онъ хорошо служилъ нашему дѣлу.

— Это мнѣ нравится, — сказалъ Ричардъ. — Обвѣнчайте ихъ поскорѣе. Хотите замужъ, прекрасная дѣвушка?

— Милордъ герцогъ, — отвѣтила Алиса, — если только мой будущій женихъ будетъ строенъ, пря...

Она смутилась, и недоговоренное слово замерло на ея устахъ.

— Онъ прямъ, миссисъ, — спокойно отвѣтилъ Ричардъ. — Я единственный горбунъ въ моемъ отрядѣ; всѣ остальные сложены довольно хорошо. Лэди и вы также, милордъ, — прибавилъ онъ, внезапно измѣняя тонъ на чрезвычайно любезный, — не сочтите меня невѣжливымъ, если я покину васъ. Въ военное время вождь не можетъ располагать своимъ временемъ.

И съ изящнымъ поклономъ онъ прошелъ дальше, сопровождаемый своими офицерами.

— Увы! Я погибла! — сказала Алиса.

— Вы не знаете его, — отвѣтилъ лордъ Фоксгэмъ. — Это пустяки; онъ уже забылъ ваши слова.

— Такъ онъ, значитъ, цвѣтъ рыцарства, — сказала Алиса.

— Нѣтъ, но онъ думаетъ о другомъ, — замѣтилъ лордъ Фоксгэмъ. — Но не будемъ мѣшкать.

Въ церкви ихъ ожидалъ Дикъ съ нѣсколькими молодыми людьми; тутъ его соединили съ Джоанной. Когда они счастливые, но серьезные, вышли изъ церкви на морозный воздухъ и на солнечный свѣтъ, длинные ряды арміи уже тянулись впереди по

дорогѣ; знамя герцога Глочестерскаго было развернуто и двигалось отъ аббатства среди лѣса копій; а за ними, окруженный закованными въ сталь рыцарями, двинулся и храбрый, жестокосердый, честолюбивый горбунъ, навстрѣчу своей судьбѣ — кратковременному царствованію и вѣчному позору. Свадебное шествіе пошло въ другую сторону, и гости, съ тихимъ весельемъ, сѣли за завтракъ. Отецъ экономъ заботился о нихъ и сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ ними. Гемлей, забывъ о ревности, началъ ухаживать за Алисой, которая ничего не имѣла противъ этого. А Дикъ и Джоанна, среди звука трубъ, лязга оружія солдатъ и топота лошадей, сидѣли рядомъ, нѣжно держа другъ друга за руки, и смотрѣли въ глаза другъ другу съ все возраставшимъ чувствомъ любви.

Съ этихъ поръ, грязь и кровь этой безпокойной эпохи проходила мимо нихъ. Они жили вдали отъ тревогъ, въ зеленомъ лѣсу, гдѣ возникла ихъ любовь.

Въ Тонсталльской деревушкѣ въ довольствѣ и мирѣ проживали на пенсіи, быть можетъ, съ излишкомъ наслаждаясь элемъ и виномъ, два старика. Одинъ изъ нихъ всю жизнь былъ морякомъ и не переставалъ оплакивать своего слугу Тома. Другой, перебывавшій на своемъ вѣку кѣмъ угодно, въ концѣ концовъ ударился въ набожность и умеръ самой благочестивой смертью въ ближайшемъ аббатствѣ подъ именемъ брата Гонестуса. Такъ желаніе Лаулесса исполнилось — онъ умеръ монахомъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Предисловіе къ русскому переводу 3
«Критикъ за очагомъ» 7

Джонъ-Мститель.

Прологъ 9

Книга I. **Два мальчика.**

I. Гостиница «Солнца» въ Кеттлеѣ 24
II. На болотѣ 32
III. Перевозъ у болота 37
IV. Лѣсные удальцы 45
V. Кровожаденъ, какъ охотничій песъ 52
VI. До конца дня 60
VII. Закрытое лицо 66

Книга II. **Моотъ-Хаусъ.**

I. Дикъ предлагаетъ вопросы 75
II. Двѣ клятвы 83
III. Комната надъ капеллой 90
IV. Подземный ходъ 96
V. Какъ Дикъ перешелъ на другую сторону 100

Книга III. **Милордъ Фоксгэмъ.**

I. Домъ на берегу 110
II. Схватка въ темнотѣ 116
III. Крестъ святой Невѣсты 122
IV. «Добрая Надежда» 125
V. «Добрая Надежда» (продолженіе) 133
VI. «Добрая Надежда» (окончаніе) 138

Книга IV. **Переряженные.**

I. Логовище 144
II. Въ домѣ врага 150
III. Мертвый шпіонъ 159
IV. Въ церкви аббатства 165
V. Графъ Райзингемъ 174
VI. Опять Арбластеръ 178

Книга V. **Горбунъ.**

I. Трубный звукъ 187
II. Битва при Шорби 193
III. Битва при Шорби (заключеніе) 200
IV. Разгромъ Шорби 204
V. Ночь въ лѣсу.—Алиса Райзингемъ 213
VI. Ночь въ лѣсу (окончаніе).—Дикъ и Джоанна 220
VII. Месть Дика 228
VIII. Заключеніе 232

Трагедія съ кораблемъ
„Короско“.
Романъ Конанъ-Дойля. 144 стран., съ 8 рисун. Въ роскошн., тиснен. золотомъ и краскою переплетѣ, на веленевой бумагѣ цѣна 1 руб.
Авторъ съ обычнымъ мастерствомъ рисуетъ рядъ удивительныхъ приключеній своихъ героевъ, положивъ въ основу разсказа дѣйствительный фактъ, но искусно пріукрасивъ подробности его своей неистощимой фантазіей.
Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено въ безпл. нар. библ. и читальняхъ.
Съ требованіями обращаться
въ Издательство П. П. СОЙКИНА
С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

Тип. П. П. Сойкина.